

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВ

избранное

**ВЕРТИКАЛЬНЫЙ
ВЗЛЁТ**

СТАВРОПОЛЬ

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ ВЫСОКОГО НАКАЛА!

Природный дар необыкновенного поэта Владимира Яковлева и всю его жизнь от армейских казарм и студенческих аудиторий построил необычайным образом:

выпускник художественного факультета Смоленского пединститута и Литературного института имени Горького в Москве; старший научный сотрудник Брянской картинной галереи и матрос дальнего плавания на Северном флоте; репортёр ударных Всесоюзных комсомольскихстроек и экспедитор комбината «Якутзолото»; помощник генерала МЧС и соцработник психиатрической больницы в Ставрополе; майор милиции и боец военизированной пожарной части в краевом центре; преподаватель журналистики Северо-Кавказского федерального университета и корреспондент Ставропольского краевого телерадиовещания; редактор студии писателей баталистов-маринистов Северо-Кавказского особого пограничного округа и ведущий общественно-политических программ на каналах АТВ и РЕН-ТВ.

А ещё, как писатель России, он по велению своей совести неоднократно бывал в Донбассе и написал книгу «Украинская трагедия», после презентации которой в Донецке ему был вручён билет члена Союза писателей Донецкой Народной Республики.

Примечательно и то, что иллюстрирован сборник фотографиями и рисунками самого автора, которые он сделал во время службы в Советской армии на Украине, в период работы в Арктике, Заполярье, Якутии, Средней Азии и на Ставрополье, а также в дни поездок по Донбассу.

Перед нами редкий случай, когда каждая глава книги одновременно является и главой биографии её автора.

Да, природа наградила Владимира Яковлева таким могучим поэтическим даром и таким неуёмным духом творчества, что они стали властвовать над ним, время от времени пробуждая в нём неукротимую потребность в перемене окружающей обстановки, чтобы не только увидеть, но и физически испытать на себе всю меру и силу человеческого труда в разнообразных сферах народной жизни.

А поскольку его сердце и характер равны его таланту, то он без колебаний бросался в манящие пучины неизвестности, каждый раз вбирая в себя новые, неизведанные ещё ощущения и душевные переживания, так необходимые для яркого и неповторимого литературного творчества.

Его любовная лирика наполнена благоговейным отношением к женщине. Восхищение женщиной и преклонение перед нею – основной мотив каждого его стихотворения о любви.

Таковыми же высокими чувствами наполнены и все его стихи о Родине.

Особенно проникновенна и величественна его патриотическая лирика о защитниках родной земли, о солдатах и офицерах нашей Армии, о ветеранах Великой Отечественной войны.

Но совсем иное звучание приобретают стихи, когда речь идёт о порочных явлениях в нашем обществе. Здесь уже перед нами встаёт поэт высокого гражданского мужества, поэт с нестерпимой болью за свой народ и Отчизну, встаёт, как стойкий борец против зла и несправедливости. Очень точно по этому поводу сказал замечательный писатель Николай Сахвадзе: «Непросто быть трибуном в наше время, бесстрашным, как Тиберий Гракх. Владимиру Яковлеву это удаётся».

За что бы ни брался со своей кипучей энергией и завидным трудолюбием Владимир Яковлев, его талант и совесть никогда не позволяли ему жить и творить вполнакала. Примером тому – сборник «Вертикальный взлёт».

Прекрасно зная и виртуозно владея великим и могучим русским языком, он создал высокохудожественные произведения разной направленности. Это большая высоконравственная и волнующая сердце поэзия, которая так нужна в наше время.

Александр Куприн,
председатель правления
Ставропольского краевого отделения
Союза писателей России

РОССИЯ

Без России я ничто.

Владимир Высоцкий

От сказочных времён Бородина,
От легендарной Новгородской сечи,
Страна моя – великая страна,
Идёт к народам мира, как предтеча.

Среди пришедших воровать и убивать,
Мне жалко тех, кто вновь не понимает:
Одна моя страна, как Божья Мать,
За всех, кто бос и голоден, страдает.

Законы экономики поправ,
Не для того, чтоб в лидеры пробиться,
Одна, средь миром признанных держав,
Готова ты последним поделиться.

Одна в законы братства влюблена,
Одна, как христианская мессия,
И это лишь моя страна -
Моя Великая Россия!

АВТОПОРТРЕТ

Глава 1

СПАСИБО, АРМИЯ!

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Помоги мне, мальчишка из Гавра,
Замерев, отстоять в карауле.
Нас с тобою зовёт побрататься
Память Дюнкерка и Сталинграда.

Помоги мне, мальчишка из Глазго,
Верить в силу добра на планете.
Чтобы бомбы не метили крыши,
Вспомни Ковентри и Ленинград.

Помоги мне, мальчишка из Штатов,
Молча выстоять, не шелохнувшись.
Честь отдать миллионам погибших.
Мы же помним Перл-Харбор и Брест.

*

Мирное солнце. Сталь автомата.
Разве погибшие виноваты?
Сила зловещая – Память не тронь!
Мы охраняем Вечный Огонь.

ПРИСЯГА

Стихи Владимира Яковлева

Музыка Виктора Кипора

Торжественно, размеренно (♩ = 71-76)

С В⁷ С F⁶ Fm⁶ Am С

5 Ве-ли-ко-го де-ла на след-ник, го-товь-ся в да-лё кий по-ход ор-

9 ке-стр, иг-ра-ю-щий медь-ю к ве-ли-ким свер-шень-ям зо-вёт! За-

13 тих-ли при-ка-за рас-ка-ты, и бой ба-ра-бан-ный у-молк. Сжи-

17 ма-ет-ся серд-це сол-да-та, на зна-мя рав-ня-ет-ся полк. Сжи-

ма-ет-ся серд-це сол-да-та, на зна-мя рав-ня-ет-ся полк. И-

Великого дела наследник,
Готовься в далёкий поход.
Оркестр, сверкающий медью,
К великим свершеньям зовёт.

Стоим мы под стягом Отчизны.
И сталь автомата права.
И только единожды в жизни
Такие даются слова.

И сразу ни звука, ни вздоха.
И каждому строгость к лицу.
Равняются обе эпохи
На старом военном плацу.

Припев:
Затихли приказа раскаты
И бой барабанный умолк.
Сжимается сердце солдата –
На знамя равняется полк!

НОВОБРАНЦЫ

Привокзальные
пологие
Крыши в топи тополей,
И, пока
ещё не строгие,
Лейтенанты у дверей.

Если парни стали лысыми,
Нету повода для драм:
Их смешные рожи вписаны
В холодок вагонных рам.

Тёти,
дяди,
мамы,
папы ли,
Или девочки вдали -
провожают...

Так со стапелей
Провожают корабли.

А когда гудочек тающий
Смирно ляжет у оград,
Все ладони провожающих,
Словно голуби взлетят.

ДОРОЖНОЕ ПИСЬМО

Прости, не разрешается писать
О том, куда, зачем и как мы едем.
Степное солнце из чеканной меди
Устало над вагонами плясать.

Мы люди строгой воинской судьбы.
Всё дальше от заветного порога,
Считая телеграфные столбы,
Уносит нас железная дорога.

Товарищи вполголоса поют.
Дощатых стен привычное качанье.
Располагает к долгому молчанью
Освоенный теплушечный уют.

Степной однообразный колорит.
Подрагивают струганные нары.
И только лейтенантская гитара
Всё о тебе подолгу говорит.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Как этот лес и строен и высок!
Уходят сосны
Выше, выше, выше...
Я слышу по стволу идущий сок.
Своих шагов и голоса не слышу!

Последний ветер леденит висок.
Друзья отца со мною рядом встали.
Кладут отца в кладбищенский песок,
А мне дают отцовские медали.

Печальные обычаи Руси...
Бьют молотки.
Забыть ли эти звуки...
Но кто-то тихо говорит:
- Неси!
Не отдавай, сынок, в чужие руки.

Как холодна сейчас земля в горсти!
А впереди - немереные дали.
И кроме сына некому нести
Вот эти потемневшие медали.

РОТНАЯ СТРОЕВАЯ

Дорога вновь пылится.
Обветренные лица,
Потёртые ремнями
Полосочки погон.

Шагает наша рота.
Привычная работа!
Одна у всех забота,
Один для всех закон.

Пора понять, ребята:
Как сказано когда-то,
Уж если стал солдатом —
Ты на земле не гость.

Пускай не вышел ростом,
В строю легко и просто,
И ты силён, как будто,
По шляпку вбитый гвоздь.

СОЛДАТЫ РОССИИ

Сколько нашего брата, как всегда, перемолото!
Разве это – победа? Разве это – война?
По граниту да золотом, по граниту да золотом
На последнем параде идут имена...

От обиды и боли мы стали железными
Посреди площадей, на погостах святых,
Где тихонько скрипят одногодки протезами,
И невесты кладут к пьедесталам цветы.

Нас судьба повенчала с горячими точками.
Нас трусливые люди бросали в бои.
Но когда продавали Отчизну кусочками,
Мы державе подставили плечи свои.

СПАСИБО, АРМИЯ!

Я помню, как ноги немели,
Как ветер скулил по ночам.
Как мокрая тяжесть шинели
Мешала работать плечам.

Прицепы сползали с откосов,
Стонали во мгле провода.
Колёса...
Колёса...
Колёса...
В багровых разводах вода.

И тело корёжило стужей,
И танки пройти не могли.
Я пил из болотистой лужи,
Погоном касаясь земли.

Ночами трясло от озноба.
Стучал котелок по спине.
У башен, цепляясь за скобы,
Мы спали на тряской броне.

Змеились, круты и горбаты,
Пылили дороги страны.
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

ЗЕМЛЯ

Какие силы в этой почве бродят –
В кирпичном прахе, в камешках, в золе?..
На полный штык лопата в грунт уходит,
Скрипит песок в разбуженной земле.

Да будет вечно «всякий труд – на пользу».
Я строг и справедлив, как судия:
Осколки стёкол, стреляную гильзу
Отбрасываю к изгороди я.

Земля – она ни в чём не виновата.
Здесь шли бои, жестокие бои.
Я радуюсь, когда из-под лопаты
Куриный пух воруют воробьи.

Проходит мать походкой торопливой.
Весна, тепло, спокойно, как в раю.
Я медленно окапываю сливу,
Снимаю майку, на ладонь плюю.

И ничего важнее не открою,
Не люблю.
И мне отрадно знать,
Что буду поливать её водою.
А будет нужно – кровью поливать.

СМЕРТЬ В ДОРОГЕ

- Родимый, миленький дедуля,
Ну, продержись ещё немножко!
Как завывающая пуля,
Летит на красный неотложка.

Но кто же на одре ледащем
Ему приказывать посмеет?
Ладощку правнучки кричащей
Солдат своим дыханьем греет.

Вот уж, рукой подать! – больница,
Где кислород, наркоз, спасенье...
Но как же «скорой» к ней пробиться?
Пробиться, как из окруженья!

А лимузины слева, справа –
Ну, хоть бы кто посторонился...
И, будто красный лёд под Нарвой,
Крест Красный по стеклу расплылся.

Кого чужая смерть тревожит,
Хоть и пришла она до срока?
О, эти вопли неотложек
На переполненных дорогах...

СТАВРОПОЛЬ – ГРОЗНЫЙ

Мимо парков, мимо скверов
Без оркестров и пальбы
В ночь уходят БТРы,
Как железные гробы.¹

Кто-то плачет, кто-то стонет,²
Кто-то шепчет:- Ничего...
Прошепчу я вслед колонне:
- Господи, спаси его!

Ветераны пьют из фляжки:³
- Пусть вернётся целым взвод.⁴
- Пусть гранатную растяжку
оголец перешагнёт.

Пусть под очередью низкой
Он хабэ протрёт до дыр.
Пусть в поклоны при «зачистке»
Не поверит командир.

¹ К 2000 году прямые боестолкновения с бандами боевиков переросли в так называемую «фугасную войну», когда мины нажимного и дистанционного действия, устанавливаемые на дорогах, стали уносить множество человеческих жизней и выводить большое количество бронетехники.

² Окраина Ставрополя. Улица Каменоломная, 143. Отсюда, от госпиталя Минобороны, уходят бронекolonны с защитниками целостности России. Ночную тишину наполняют молитвы матерей, плач жён и детей...

³ Молодые ветераны чеченской войны приходили провожать бронекolonну убывающих в командировку с фляжками погибших товарищей.

⁴ Саша Моргачёв подорвался на противопехотной mine, Олег Габулов и Миша Шкиртовский подорвались на пути из Грозного в Ханкалу. Игорь Поликарпов попал под выстрел гранатомёта.

Не хандри, мотопехота,
Подбоченься делово,
Чтобы стало это фото
Не последним у него.

*В эту ночь на головной бронемашине убывал в командировку и мой друг подполковник Ставропольского СОБРа **Олег Воронцов**.*

Он погиб при освобождении заложников. Пуля террориста прошла между титановых пластин бронезилета.

Похоронен на центральной аллее Старого кладбища в Ставрополе.

ОФИЦЕРЫ ГРАНИЦЫ

Нас в Каспийске взрывали.
В нас стреляли на вышках.
Мы на стол не бросали
Офицерские книжки.

Мы в расстрельную эру
Отпусков не просили.
На плечах офицеров
Держалась Россия.

Мы позором не крыли
Золотые погоны.
Уходя, уносили
Дорогие знамёна.

Как от пули последней,
От судьбы не укрыться
Офицеры границы,
Офицеры границы.

Тяжело наше счастье,
Высоко наше право.
Мы – элитные части
Необъятной державы.

КПП наши узки,
Не идите на риски.
Не поймёте по-русски,
Объясним по-английски.

Горбатые степи,
полуденный пыл.
На потном погоне —
дорожная пыль

Суши наши фляги.
В мозолях — огонь.
Колосья пшеницы
щекочут ладонь.

Кому-то на счастье
(Не знайте тревог!)
Теряем подковы
С тяжёлых сапог

Тревожен наш век,
Но спокоен мой стих,—
Несу справедливость
В обоймах своих!

ПРИВАЛ

На высоте без опаски,
Одуревшая от тряски,
После леса, после брода
Перекуривает рота.

Люки бронетранспортёр
Распахнул, глуша мотор.
На полуденной жаре
Отдыхает на горе.

До чего же это сладко,
Вытащив стихов тетрадку,
Вдоль дороги между делом
Припечатать землю телом.

И пронзительно понять,
Что земля –
Родная Мать.

НА МАРШЕ

Осенний холод.
Слякоть в колеях.
В такую стужу нам не до парада.
Скользят ступни в разбухших сапогах.
Скользит рука по мокрому прикладу.

Нас грязью залепило до колен.
Мы тянем шеи, силы напрягая.
Ломает ветер прутики антенн,
Брезент промерзший тяжко громыхает.

Мне кажется: я больше всех продрог.
Плечо совсем свело под карабином.
А впереди полно ещё дорог —
Осенних и тягучих, как резина.

Холодный ветер плащ-палатки рвет.
За целый день мы столько прошагали!
Привал.
Припал усталый взвод
К земле, дающей силу на привале.

Команда...
Мы встаём, не чуя ног,
Из козел разбираем карабины.
А сколько впереди ещё дорог —
Осенних и тягучих, как резина...

ДЕД МОРОЗ НА ЗАСТАВЕ

Тишина на всей Планете.
Лишь снежиночка парит.
Синий иней в лунном свете
Ослепительно горит.

И бредёт легко и смело
В очарованном лесу
Дед Мороз заиндевелый
С автоматом навесу.

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЁНЫ

На бивачную жизнь
 поменяв городские квартиры,
Офицерские жёны
 всплакнут, поминая уют.
Только что бы там ни было —
 делу верны командиры.
Капитаны России
 нелёгкую службу несут.

Переезды,
 заставы, военные точки, селенья...
Если снова в дорогу —
 какая же в этом беда?
Офицерской судьбе,
Как присяге, жена не изменит.
И на плечи чужие не переложит труда.

Лишь однажды присядет и спросит:
— А что же там в моде?..
— Ничего, дорогая,
 родная моя, ничего.

**СТИХИ
НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ
БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА
ПО КОМСОМОЛЬСКОЙ ГОРКЕ В СТАВРОПОЛЕ**

(Оживающие фотографии)

Покуда «ястребы» готовят свой поход
И провоцируется ядерная гонка,
Бессмертный полк на фотографиях встаёт
В руках объединившихся потомков.

Сердца погибших мерно бьют в набат,
Они у Вечного Огня сегодня с нами.
Я слышу голос своего отца
Среди других, ушедших в нашу Память:

- Заплачьте, девушки, нам время уходить
В колоннах по три, с каменными лицами.
И ваши слёзы долго будут сниться нам.
Заплачьте, девушки – так легче уходить.

И жаркими губами, невпопад,
Вы не просите у солдат прощения.
До самой смерти, или возвращения
Солдат слезами вашими богат.

УХОДЯЩИЕ ГЕРОИ

*Светлой памяти командира самоходной
артиллерийской установки
Павла Георгиевича Пестрякова*

Выцветают
на заборах звёзды,
И под визг прозападной шпаны
Зачастили «скорые» к подъездам:
Вымирает гвардия страны.

Запиликали
заморские смартфоны,
Что судьба у каждого своя.
Стареньких бойцов не слыша стоны,
Спит спокойно улица моя.

Есть
в героях Битвы первородство –
В тех, кто умирает не за так:
Где ж твоё «Всемирное Господство»,
Долбанный фугасами Рейхстаг?

Что с того, что сняли вы медали,
Что с того, что ветер дул в пазы?
В институтах вы преподавали
Высшей Справедливости азы.

Только Время Бизнеса сжигает
Бедных мам и стареньких отцов.
Что б ни говорили, - вымирает
Поколение пламенных борцов.

Горько под землёй лежать солдатам.
Стыдно за взрослеющих детей:
Самые лобастые внучата
Дезертируют из Родины своей.

- Где ж ты, наше пламенное Дело? -
Слышится уже из-под земли
Всем, кто от Томмазо Кампанеллы
Веру в Справедливость нам несли.

Своё 19-летие командир САУ-1 Паша Пестряков встретил на Украине, участвуя в Львовско-Бродской операции. Грамотно организовав засаду, орудийным огнём расстрелял 5 фашистских грузовиков с десантом. За что в 1944 году получил медаль «За отвагу».

В тяжёлых боях на Сандомирском плацдарме (Польша) получил первое ранение. В условиях городского боя его самоходка пошла на таран «Королевского тигра». Несмотря на контузию и перелом правой руки, двумя снарядами – в борт и корму – уничтожил «грозную машину Вермахта».

После войны Павел Георгиевич окончил финансово-экономический институт и аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в Ставропольском сельскохозяйственном институте.

БОЕВОЕ ДЕЖУРСТВО

Бетонный бункер
Ушел под землю,
А мысли — к небу.
Да, к небу! Но -
Вам приходилось следить за целью,
Не отвечающей на позывной?

Эфир шархнет по перепонкам.
В диапазоне - настроек хруст.
Враг? - Истребителя, ну как ребенка,
Мы осторожно кладем на курс.

Пульт управления — в работе.
Мозг прошивает - морзянки трель.
«Уходит, сволочь, на развороте...»
А по экрану метет метель.

И нервы пляшут! И стрелки бродят!
И за плечами — лежит страна!
А цель уходит на развороте
Прозрачной льдинкой, едва видна,
И тает...

– Товарищ капитан, цель отчетливо видна.
Засаекаю координаты:
 квадрат... высота... скорость...
.Над спящим миром — огни форсажа.
Уходит в небо ракетный след.
Под шлемом первая морщинка ляжет.

Сержанту - девятнадцать лет.

ОБЕЛИСКИ

О, сколько золота на сером...
Пока глаза не заболят,
Читай,
 от страшных тех посевов
Прогнулись русские поля.

Тебе ли горя заниматься,
Моя печальная сторонка?
Оградки, холмики, воронки –
У нас их трудно сосчитать.

Тут что ни поле – поле брани.
А сколько здесь полей и сёл!
Здесь каждый третий партизанил,
А каждый пятый
 не пришёл...

Здесь о войне болтать не любят,
Здесь песни мирные поют.
Живут трудящиеся люди,
Пусть небогато,
 но живут.

И вдруг подумаешь: ей-богу,
А что, да если б не война?
Какие были бы дороги,
Какие встали бы дома...

ЛАДОНИ РОДИНЫ

Среди шума, гама, гула
Говорливых площадей
Вдруг услышишь – потянуло
Ветерком с родных полей.

Пыль весёлая клубится.
Я шагаю, сам не свой,
В Ставропольскую станицу
Над студёною рекой.

Шепчет ветер: не печалься,
Помнишь, в поле у реки
Голубели в детских пальцах
Утренние васильки?

Память детства – счастье наше,
И чем дальше, тем ясней
Снова мне из детства машут
Гривы спутанных коней.

Словно слышу чей-то голос:
- Не сыскал земли милей?
И, как будто, расколосось
Что-то там в душе моей.

Ах, как спалось на попоне!
Стыли звёзды в синеве,
И прислушивались кони
К тихим шорохам в траве.

Песня сладко сердце тронет,
Ветры выбегут, пыля.
Как знакомые ладони,
Выгибаются поля.

СЛАВА РОССИИ!

СЛАВА РОССИИ!

Не из выдуманного рая,
А из нашего вольного края
К нам идёт, словно мать, обнимая,
Вера в Русь – наша Вера Святая!

Через память свою, через вены,
Информацию пьём сквозь антенны,
Мы – частица великой Вселенной -
Вечной, радостной, благословенной.

Нас учить ли чужому упырю?
На Валдае, в Приморье, в Сибири
Столько свежести русской и шири:
Русь лежит в Океанах Всемирья!

Переносчики западной моды,
Эх, на что же мы тратили годы?
Святость рода и мудрость природы –
Вот гармония русской породы!

Нас слепили чужие эстрады.
Мы искали страну Эльдорадо.
Не нашли. И не надо. Мы рады
Жить по Совести да по Ладу.

Так не нас ли с рожденья зовёт
Голос крови и Духа полёт?
Мы – свободный и вольный народ!

ДЕМБЕЛЬ

В свой город – Дамой в бальных бантах! –
Вернулся дембель в аксельбантах.
Он грозен, блин, его не трожь...
И, всё-таки, он так хорош.

Кругом значки – такой кураж.
Отглажен – в стрелку – камуфляж.
Под ним выскрипывают скерцо
Его начищенные берцы.

Он весь, как бог, неповторим.
И небо Родины над ним.

За ним идут, крича ура,
Ребята нашего двора,
Копируя его походку,
Несут гитару с русской водкой.

Ах, как же сладко – кто бы знал! –
Клянтя отсутствие зеркал,
Девчонкам в 18 лет
Примеривать его берет...

И с каждой лавки, с каждой грядки
Его рассматривают бабки.
У каждой семечек кулёк.
- Пришел из армии, сынок?

А самый крохотный народ,
Наивно открывая рот,

Его движенья повторяя,
Ему с песочниц козыряет.

И я к солдату подхожу.
И, как поглажу, погляжу:

Я тоже в армии служил,
Я тоже дембелем кружил.
Солдат, ты вновь в своём дому,
Дай руку я тебе пожму.

РУССКАЯ ПРАВДА

Над полями-лесами с золотыми усами
Вне двора теремного идол выструган новый:
Слава гусельных струн, смотрит в Днепр Перун.
Слышишь новое имя? Княжить вышел Владимир.
Что же ты, гой-еси, бог свободной Руси,
Там увидел в Днепре по осенней поре?
Византийские свечи? Новгородские сечи?
И плутала дорога без единого бога
Меж удельных раздоров да взаимных укоров.

Вспомним, пав на колени, время объединенья,
Как творилась мессия – от Руси до России,
То тайгою, то ширью, прирастая Сибирью,
То Приморьем рыбачьим, то Кавказом казачьим.
Так и шли без опаски до желанной Аляски.

В чём, гадают, потея, «сила Русской Идеи»?
Не понять им секрет и за тысячу лет.
Ведь по принципу братства мы делились богатством:
Те, кто был нас беднее, тот и стал нам роднее!

Европейская, рабская, византийская, папская
Дрянь учила нас кланяться, возвышаться да чваниться.
Но в страду опороса возникают вопросы:
А не много ль свиней у российских корней?

Так припомним иудам кто мы есть и откуда.
Не дадим им ни пяди, ни блокадной тетради,
Ни Чечни, ни Ростова, суньтесь – врежем вам снова!

Так давайте мириться, Русской Правдой делиться.

**Стратегическую заявку на территорию и недра
Арктики надо ещё отстаивать!**

Глава 2

БИТВА ЗА СЕВЕР

ПОЭМА АРКТИЧЕСКИХ ТРАСС

Посвящается героям Арктики

Мой поэтический рассказ о сегодняшних героях северных трасс, о водителях «КрАЗов», «Уралов», «КамАЗов».

Создавая обобщённый образ полярника, я шерстил местную прессу, записывал рассказы шоферов, садился за руль, подменяя до смерти уставшего водителя. Постепенно у меня сложился образ такого современного Павки Корчагина строящего, точнее - пробивающего не узкоколейку, а будущую Великую дорогу на Север Завтрашней России.

I. ЗАЧИН

Давай с тобой попробуем проклясть
Весь этот мир заснеженный и синий,
Куда на вертолёте не попасть,
Не то что на загруженной машине.

Где изредка, уже не теша взгляд
И так сиротски дожидаясь лета,
Лишь лиственницы голые стоят
Подобьями селёдочных скелетов.

Где каждый перевал настолько крут,
Что двигатель исходит жалким стоном,
Где по весне тебя и стерегут
Все каменные осыпи на склонах.

Где ветер проявляет свою власть,
Как будто он на целый мир в обиде.

Давай навек попробуем проклясть...

Не надо.
Ничего у нас не выйдет!

На юге, там загар, а тут - закал.
Не в теле Север утверждает - в Деле.
И ты уже навек забуксовал
На шестьдесят девятой параллели.

Тут варили чаёк,
А вон там –
 без костра! - коротали
У остывшей машины
свою безнадежную ночь...

И по всей-то дороженьке:
 рваные шины,
 педали...

Эх, оттаявший зимник!
О, годы, ушедшие прочь!

А шофёр, как шофёр:
Между всяческих баек и бутор,
Он всем телом внимает,
Пока мы берем косогор:
Не шумит ли раздатка,
Не воеет ли средний редуктор,
Не визжит ли коробка
И не затроил ли мотор.

Я смотрю на него
С восхищением, дружбой, испугом:
Мой весёлый попутчик,
 Рубаха,
 Болтун,
 Дуралей,
Научи быть внимательным
 к голосу лучшего друга,
Как внимателен ты
 к ненаглядной машине своей.

4. КЛАДБИЩЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Каждый тяжеловоз автоколонны, проходя мимо строгих обелисков, на которых чернеют рули сорвавшихся машин, дает протяжный гудок в честь погибших Героев Севера.

Что-то слишком друг от друга близко
И под вскриком фар, и в свете дня
Слушают моторы обелиски,
К полотну дороги подходя.

Сколько здесь погибло? Кто ж их знает...
Горы знают. Вон у них спроси.
Медленной колонной проплывая,
Каждая машина голосит.

Ой вы парни, что вы повидали,
Не дожив до собственных седин?
До конца давили на педали,
Не выпрыгивая из кабин.

На оградах снега эполеты.
В мерзлоте покоится Ваш прах...
И желтеют круглые портреты
В черных эбонитовых рулях.

Вечно голубеют перевалы.
Мы идем след в след, как на парад.
Словно молодые генералы,
Парни с фотокарточек глядят.

5. АРКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

Змеится снежный коридор
Уже который час,
Водитель слушает мотор,
Как я его сейчас.
Он говорит, чтоб не уснуть,
Он крутит руль, как бог.
Шофер, я понимаю суть
Арктических дорог.

Пока подъем не слишком крут
От Мирного к Мечте,
Пока протекторы скребут
По вечной мерзлоте,
Начнет “про север” заливать,
Валяя дурака,
Потом он станет скат менять
При минус сорока.

Потом начнет ползти на склон.
Потом пробьет занос.
Потом молиться будет он
На топливный насос.

Он летом отпуска не брал
 в чаду своих забот.
Он сам мотор перебирал!
 Неужто подведет?

Трудяга не забарахлил
 у мира на краю.
И 200 лошадиных сил
Выносят к зимовью.

И выйдут встретить. И введут
Туда, где всё в дыму,
Три черных кофе подадут
Усталому ему.

.
Семилинейной лампы круг.
Превозмогая сон,
Сидят водители вокруг,
Такие же, как он.

Они поймут под вой пурги:
Им вместе по пути
На Нижнеянск из Усть- Куйги
По зимнику идти.

- Богам и бороды к лицу! -
Попробую шутить,
Когда по шаткому крыльцу
Они начнут сходить.

Раздольны гладкие пути.
Реку сковал мороз.
И нет инспектора ГАИ
На сто ближайших вёрст!

Пойдут колесами писать
По льду, по снежной шали.
Ведь так приятно газовать
В ледовом авторалли!

То звёзды фар, то фары звёзд,
Улыбка на лице,
Оглянешься: как рыбкин хвост
Болтается прицеп.

Вези, «Железный Боливар»...

Но кто-то крикнет:

- Стой!

Упрутся фары в белый пар

Из трещины речной.

И проскочить ее нельзя: то тут уже, то там
Фароискатели скользят по мёртвым берегам.

Лед разошелся. Снег подмок.

Свети, иль не свети -

Здесь все поймут: других дорог

Им больше не найти.

А он махнет,

– «Не первый раз куражится река!»,-

Одной рукой большой “ КамАЗ”

снимая с ручника.

Пой-дут по на-ле-ди реч-ной

Машины, как суда,

И будет адскою смолой

Внизу дышать вода.

Спрошу:

- Героика труда?

Ответит:

- Ищем брод!

И я увижу, как вода

Из трещины идет.

Когда начнут хрустеть края,
Он скажет мне: - Теперь,
Прошу на всякий случай я, -
Держи открытой дверь!

Пока передняя, как гроб,
Машина топит нос,
Шофёр на заданный фаркоп
Успеет бросить трос.

И станут дыбиться борта,
Кружиться мокрый снег,
И складка горькая у рта
Останется навек.

6. ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

Знаешь, совсем не для виду
Зеркало заднего вида,
Коль среди ночи и дня
Редко бросали меня.

Друг мой, в пути неподспудном,
Как бы нам ни было трудно,
Ради себя самого
Чаще смотри на него,

Чтобы в жестокую вьюгу
Не отрываться от друга.
Чтоб не забыл ты, потея:
Следом идущий - слабее.

Чаще смотри, старина,
Вдруг ему помощь нужна.
Брат,
Может я отстаю
В этом железном строю?

Дашь ли гордыне отбой,
Ведь подсказала дорога:
Рядом идущих с тобой
В жизни не так уже много.

Всюду бы дел своих пуще
Чувствовать рядом идущих!

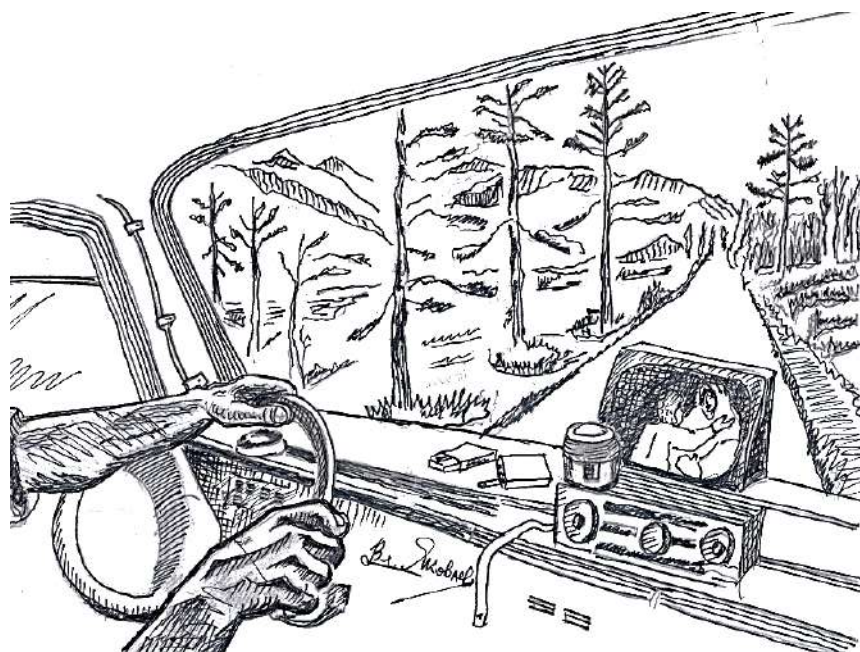
7. РУКИ

Не гляди свысока.
Ты подумай, что вовсе не вправе
Упрекать в неопрятности
северных бородачей.

Это вовсе не грязь.
Это кровь запеклась на суставе,
Когда в ночь монтировка
срывалась с торцовых ключей.

Любят ласку людей
молчаливые наши машины,
Хоть с металлом дружить
нелегко в заполярном краю.

Я с улыбкой скажу:
- Это след поцелуя машины,
Когда друг солидолом
Лелеял голубку свою.

8. РИТМ

И опять по тундре, как по блюдцу,
Катимся то в стужу, то в метель.
Главное, товарищи, втянуться
В эту молодую карусель!

Сбив температуру аспирином,
Мчимся по дороженьке своей,
И на креслах кожаных в кабинах
Спим, не выключая дизелей.

Необременительна работа.
Мягче склоны и погуще лес,
Но однажды, из-за поворота,
Мы увидим чудо из чудес:

Огоньки тихонько раздвигая,
Трепетным созвездием горя,
Нам навстречу –
Город выплывает
В голубых объятьях февраля.

9. РВАЧ

Не матерись.
И не ломай ключи.
Машина, словно женщина молчит.

Ее,
Как бессловесную рабу,
Насиловал ты
среди дня и ночи,

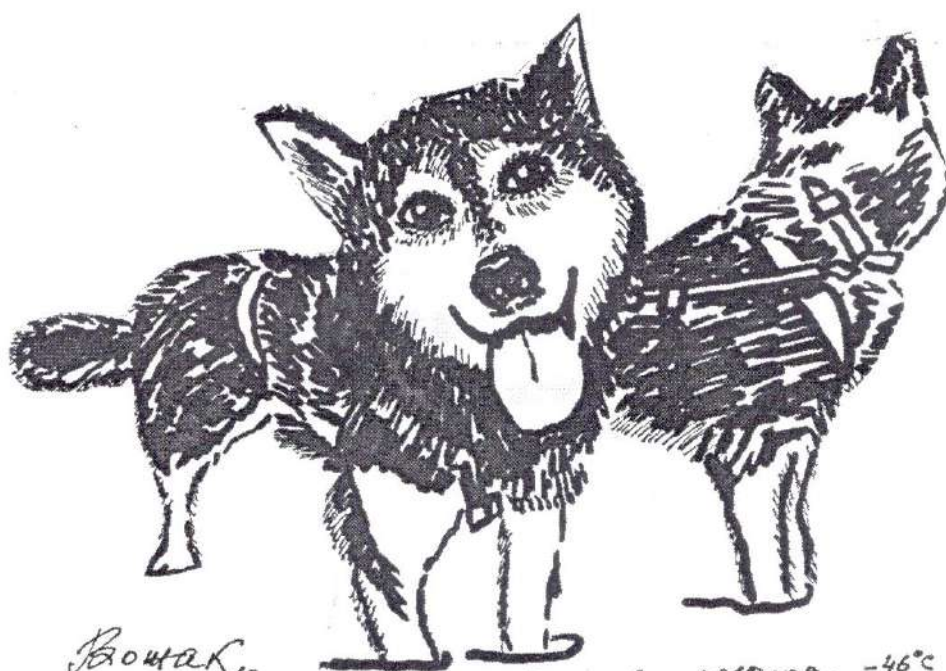
Теперь
ты проклянешь свою судьбу!
Теперь
ты настоишься у обочин!

Запомните,
Дороги Короли,
Любители
ликующего ветра:

*На Севере
все длинные рубли
Всегда
Короче
длинных километров.*

10. СТИХИ ПОЛЯРНОГО ЭКСПЕДИТОРА

Я шел к лазоревой мечте
С безумным привкусом свободы,
А тут по вечной мерзлоте
Глянцуют траки вездеходы.
Моя душа, как теплый воск,
Но и она в тоске прогоркла,
Как заколоченный киоск
От филиала “Колымторга”.
Клясть Север не хватает слов.
А все же, начиная с марта,
Тут вместо парков и садов
Цветут штормовки геопартий!
И скажет мне один дурак,
Давно живущий без уюта,
Что морды северных собак
Дороже всякого уюта.

Вощак
Экспедиция Ломоносова. Ил. Яковлев 2018 год. -46°С
Оймякон. Якутия.

11. ПЕНЬКИ ГУЛАГА

*Без Колымы
понятие родины
было бы неполным.
Анатолий Жигулин*

Ни куста, ни елочки.
По болотам – гать.
Как же политически
Это понимать?

Сами путь мы выбрали.
Кто же виноват?
Рубят-пилят елочки.
Щепочки летят.

Над бушлатом рваненьким
Грохает наган.
Строится дороженька
В город Магадан.

Ни креста, ни звездочки.
Ветер-суховей.
Сколько похоронено
Хороших сыновей!

Пни по сопкам
Пни вдоль речки.
Среди дня,
Как мечте всемирной свечки
Без огня.

12. РИСК

Пока сухой фуфайкой
гредишь,
Пока ползёт
моторный гуд,
Ну по каким
расценкам
взвесишь
Пер-во-про-ход-ный этот труд?

Здесь все твоё:
и буераки,
И повороты –
все твои!
Здесь “Восклицательные Знаки”
Еще не ставило ГАИ.

Ты вновь
берёшь
подъём
с разгона,
Пока тебя не занесёт....

Пока летишь
по насту склона,
А под снежком - коварный лёд!

Но, Человек,-
Как ты прекрасен,
Упорно двигая «КамАЗ»!

Ведь даже там,
 где риск опасен,
Торопит
 Наше Время
 нас!

13. ПУСТОТА

Есть на северных трассах бело-голубой дорожный знак, с надписью «Пустота», показывающий ненадежное место трассы, идущей по ледяному руслу реки.

Зимник –
 это трасса вдоль завалов,
Где зимою только и пройти,
По рекам,
болотам,
перевалам
Где флажками мечены пути.

Пролетают “КрАЗы”,
 словно птички,
Но привычным знакам не чета -
На ледовых трассах есть таблички
С надписью внезапной:
“Пустота”.

Снег пушист.
А нас на дешевизне -
Не поймать,
И кто-то впопыхах
Шутит:
- Нам бы так вдоль жизни
Выставить таблички на шестах!

Знаю я,
Как подводили льдины,
Над водой вися у берегов.

Видел я
Погибшие машины,
Вмерзшие кабины тракторов...

Помню литераторов,
 умевших
Напечатать глупости свои,

Знаю я красавиц постаревших,
Не создавших
 собственной семьи...

Попрошу:
- Водитель синеокий,
Помоги , ведь это можешь ты,
Научи меня в пути далеком
Ледяной бояться пустоты!

ЗАПОЛЯРЬЕ

Порой, мы, как звезды, идём на осколки.
Именами героев называются наши поселки.
А дороги ведут нас все дальше от ранних побудок
До урановых руд и слепых кимберлитовых трубок.

Не с того ли,
 что шире живем мы,
 себя не жалея,
И становится в мире
С каждым годом
Заметно -
Теплее?

Глава 3

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ – ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

ПОЖЕЛАНИЕ

Ступив на палубу – Замри!
Примерь суровую обнову.

На зов неведомой земли
Уйди от берега родного.

Из горькой чаши моряка
Испей, сроднившись с моряками!

Но пусть родимая река
Тебя обнимет берегами.

ЕСТЬ – ТАК ДЕРЖАТЬ!

Разгрузились. Вычистили трюмы.
Выпрямились. Выпили за флот.
Деловито, буднично, угрюмо
Отвалил от стенки пароход.

Мачты, чуть откинутае косо,
Чёрный дым над белым кораблем,
Я горжусь не первой папиросой -
Первым заработанным рублем.

Я встречаю это утро стоя,
Деловито отираю пот.
Оставляя детство за спиной,
В рейс выходит белый пароход.

ЗАКЛИНАНИЕ

Я буду писать
Как на сердце мне слово ложится.

Как вижу,
как слышу,
как думаю, буду писать.

И, если строка
не взовьётся рыдающей птицей,
Не брошу тетрадь!

Не брошу её,
Как однажды, в бушующем море
Моряк
 не решится оставить спасательный круг,

Не брошу тетрадь,
 потому что и в счастье, и в горе
Лишь только она –
 мой попутчик, учитель и друг.

В ПОРТУ

Дают наряд...
Нанизывают бирки...
О плане, о зарплате говорим...

А из реки, как будто после стирки,
Чуть влажное полотнище зари.

Я понимаю: сердце не из стали,
Оно опять не входит в габарит,
Когда в прорабской проститутка Валя
О чём-то с грузчиками говорит...

И будничное
 сразу станет странным.
И на воду смотря из-под руки,

Я замечая:
Паровые краны
Вытаскивают - звёзды из реки!

* * *

Завянет
в зубах папираса,
Гитара,
забывшись, вздремнёт.
А вечер хороший-хороший
Опять просто так пропадёт!

Таким я, наверное, создан,
Что тихо душа заболит,
Когда до обидного просто
Кому-то звезда полетит.

А жаль,
 что не вымахал ростом
В господний залезть огород -
Хватал бы я звёздные гроздья,
Разграбил бы весь небосвод!
А так – до обидного просто
Куда-то звезда упадёт

* * *

*И южный ветер,
Тихо скрипя мачтами,
Призывает нас в открытое море.*
Вергилий

Поздний вечер.
Заонежье.
Посвист ветра.
Дальний вид.
В этот час на побережье
По-особому знобит.

Кружит ветер,
Как незрячий,
Наливается свинцом.
Что же ты напрасно прячешь
В куцем вороте лицо?

Пеплом лета
Вдоль аллеи
Почерневшая трава.
Не найти нам слов нужнее,
Чем прощальные слова.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ БЕРЕГА

Хожу по палубе. Блуждаю, как маньяк,
Я буду долго помнить полдень скудный,
Когда погас береговой маяк
И отвалило лоцманское судно.

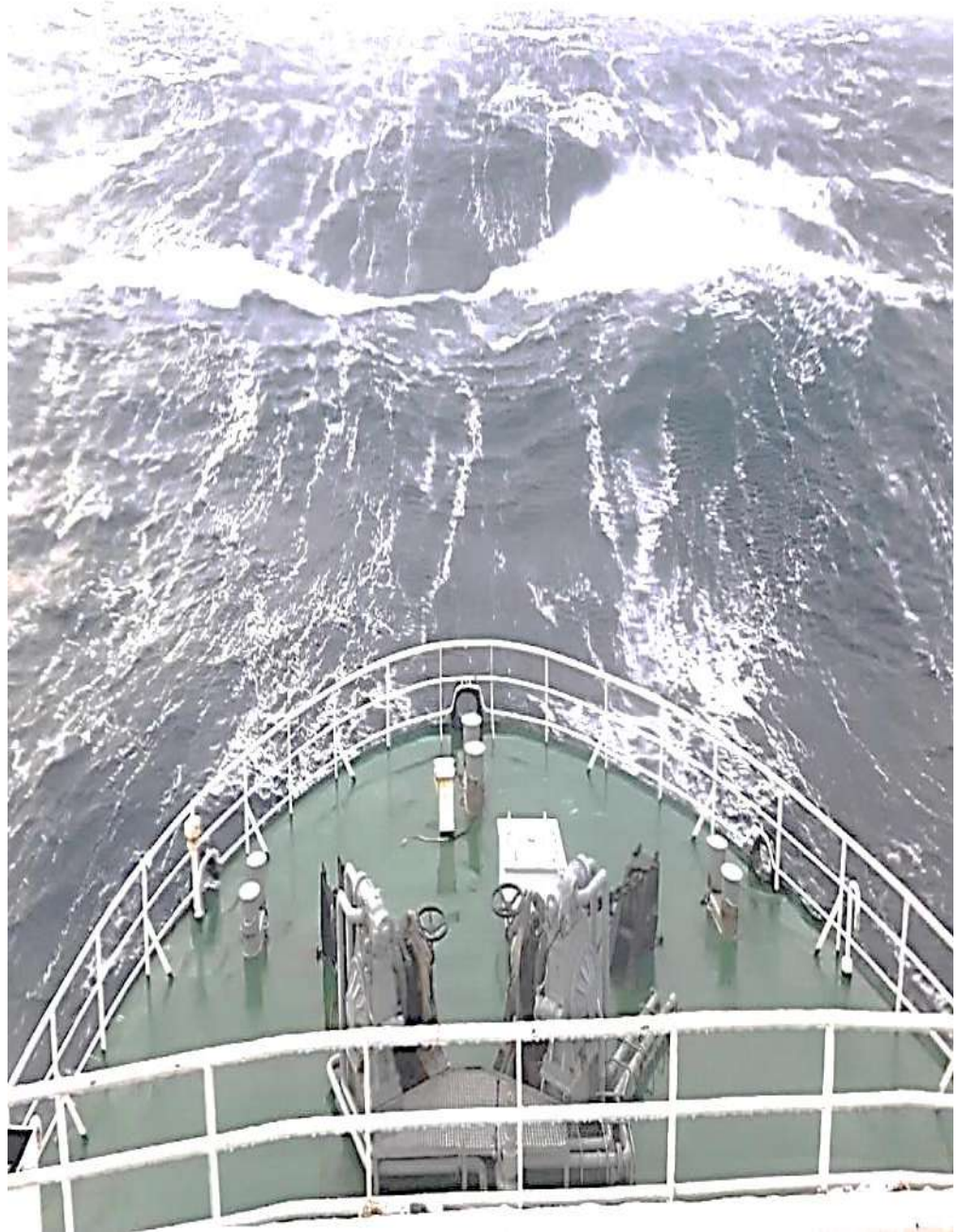
Вот так-то и уходят навсегда,
Намереваясь снова возвратиться.
Шуми, шуми, забортная вода!
Кричи, кричи, прославленная птица.

Мы не сумели вовремя понять,
Какая песня нами недопета!
Мой теплоход чадит,
Как головня,
Шипя форштевнем угольного цвета.

Я не посмел тогда её обнять.
Я даже не поцеловал ни разу.
Два берега уходят от меня,
Как два её сужающихся глаза.

СУДЬБА МОРЯКА

Качают нас вдоль всей Руси
Шторма по Ледовитой луже –
То к Господу под небеси,
То к Дьяволу, или куда похуже.

И часто с Богом визави,
Морскими судьбами гонимы.
Мы приобщаемся к любви
И ставим свечи за любимых.

Святыню алтаря храня,
Просвечивая льдом левкаса,
Как золочёная броня,
Стоит стена иконостаса.

Чернят года за слоём слой,
На образа бросая тени,
И вот от копоти свечной
Иконы просят обновлений.

Эх, обновиться бы и нам.
Со льдами и ветрами споря!
Светла, как православный храм,
Природа Баренцева моря.

Мой реставратор дорогой,
Ну как же мне с тобой расстаться,
Где страшен, словно встречный бой,
Азарт полярных навигаций.

Но завершается страда,
Нас в док сухой судьба уносит.
Когда от пакового льда
Борта судов ремонта просят.

Полярный гаснет день. И вот –
Встаёт звезда над небосклоном.
Участья просит твоего
Душа, как старая икона.

ТОВАРИЩИ

Выходя из ледового плена,
Торопясь под отеческий кров,
Близким людям прощаем измены,
Как они нам прощают любовь.

Принимая, как должное, муку,
Моряки не во многом вольны,
Но живут, постигая науку
Видеть дальше враждебной волны.

В тихий штиль и при скверной погоде
Не у них ли всегда и везде
Я учусь обходить мелководье,
Доверяясь высокой звезде?

БИВНИ

*Командиру 412 отряда Полярной авиации
Л.А.Вепреву*

Помнишь, Лев Афанасьич,
Погрузки в арктической стыни,
Как водой наполнялась
Посадочная полоса?

Помнишь остров Вилькицкого,
Бурю и тонущий «Иней».
И спасённых гидрологов
Сорванные голоса?

Реют алые крылья
Над гладью ледового глянца.
След инверсии краток,
Да долгод в истории след...

Заполярные лётчики,
Асы дрейфующих станций,
Вас встречают живые букеты
Сигнальных ракет.

Пусть года догорают –
Сияя, как в небе сполохи.
Остаётесь в легендах,
В мерцаньи немых кинолент.

Остаётесь в истории
Бивнями славной эпохи,
Как последний «Ли-2»
Замурованный в постамент.

* * *

Если шалой волною
 слизнёт меня вдруг,
Я соленую горечь –
 выплюну,
И свободной рукой
 не за пробковый круг...
Я схвачусь за блокнот –
 и выплыву!

ДАЮ ПЕЛЕНГ

Я не юноша. Памятью умудрён,
Знаю, век по морям трубя,
Как теряли товарищи верных жён,
А потом - и самих себя.

Становился ребятам не мил уют,
И в копейчку белый свет...
Потому и держусь за любовь твою.
Потому и покоя нет!

И пока я потею,
Как конь в узде,
Что выносит тебе прилив?
У меня...
У меня никаких новостей.
Просто, слышишь,
я здесь, я жив!

Чтобы не потеряла меня во мгле,
Заклиная, молясь, маня,
Я даю тебе пеленг!
Ты слышишь меня?
Повторяю: "слышишь меня?"

Серебрятся спардеки
В морской пыли.
Я упрямо сжимаю рот.
Лишь бы пеленги рифм,
Молю, дошли
Сквозь помехи твоих широт!

ЧЁРНАЯ ПОЛОСА

Что ж ты, море, судьбу поломало,
Снова чёрная полоса,
У четвёртого терминала
Смех и женские голоса...

Непонятная,
 как папирус.
Или, по кабакам ходьба...
Не сухую листву по пирсу –
Гонит нас по морям судьба!

- По каютам пора, на ночлег-то?
- Нет, покурим ещё пока.
И сидят на чугунных кнехтах
Два покинутых мужика.

Вот и всё.
И не вышло встречи...
Так по-маленькой?
- Не вопрос.
Снова в небо вбивает вечер
Пулевые пробоины звёзд.

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

Ну вот и все.
Последний перекур.
Сейчас задраим палубные люки.

Портальный кран застыл на берегу,
Подняв свою единственную руку.

Не нам ли вслед застонут провода?
На красных кедрах иней заискрится...
Уходят
 караванами
 суда,
Как будто улетающие птицы.

Сентябрь.
Конец ледовых одиссей.

Над заполярным портом - ветра флейта.
Гудки,
гудки...
Темнеет Енисей,
Узнав свои пустеющие рейды.

Ворвусь в спардек.
На койку упаду-
С тяжелым сердцем,
С невеселой думой:

Не я твоих оленей поведу,
Не нам навстречу выбегут из чума.

Да что я жду,
 что, глупый, берегу,
Прислушиваясь к дизельному стуку?

Там только кран стоит на берегу,
Подняв свою
 единственную
 руку.

УХОЖУ

*За то, что зря потратил столько лет,
За то, что растерял былую веру,
Купить бы мне дуэльный пистолет,
Чтоб вызвать самого себя к барьеру.*

Обшарпанный танкер уходит без груза.
Не судовладелец я, но и не мразь.
Рыдают пустыми глазницами клюзы,
Смывается с якоря донная грязь.

Моменты отплытия, или отлёта,
В них что-то такое щемящее есть,
Что в жизнь возвращает нас из обормотов,
Что нам возвращает погибшую честь.

Пускай я, как прежде, не выиграл трафик,
Мне нравится очень от ветра дрожать,
Когда посылаю я с палубы на фиг
Всех тех, кто меня не пришёл провожать.

Насколько шагреневой хватит капусты,
Я буду безгрешную жизнь начинать.
Назад поглядеть бы - да страшно: там пусто!
Так пусто, что нечего даже терять.

Махну ли на жизнь я рукою несмелой,
Поманит ль Боженька пальцем вдали,
Что скажет душа, отлетая от тела,
От старого тела, от грешной земли?

Как будто бы умный,
 как будто не хлипкий,
Мне новую жизнь бы
 начать поутру...
Но, кажется, я был
 рождён по ошибке –
Без толку,
 не к месту
 и не ко двору.

Насколько мне хватит шагреновой кожи... -
Повиснет вопрос
 сигареткой у рта:
За что же,
За что же,
За что же,

Пощёчины волн принимают борта?

«ИВОЛГА» В СУХОМ ДОКЕ (Разговор с теплоходом)

У лётчиков, моряков и шоферов однажды наступает момент, когда они начинают воспринимать свои машины живыми существами, от которых зависит их жизнь. И тогда они дают им нежные имена.

Потушены огни на мачтах теплохода.
На палубах возня, обилье хозработ.
Какой тяжёлый груз, какая непогода
Загнала в старый док отличный теплоход?

Косметикой маляр тебя не позабавит.
Сварной не обожжёт, пиная по злобе.
Ну где твой капитан, кому за рюмкой травит,
Как бороздил моря, уверенный в тебе?

Рангоутный ремонт старпому, как прорабу,
Он поручил вести. С тех пор ты, как во сне.
Ну, где твой капитан посверкивая крабом,
Клянётся жизнь отдать
Очередной жене?

Прогреть бы дизеля, как было не однажды,
Приветствуя его, раскинуть чёрный дым...
Ты каждым трапом ждёшь – ступенечкою каждой
Когда ж пройдётся Он по клавишам твоим!

ЗАПОЛЯРНАЯ

В окнах наморожены
 крестики да нолики,
Вьюги со старанием
 окна замели.

Малое скопление деревянных домиков
Выстроило улицу на краю земли.

В мае снег над крышами
 серебрится пологом.
Пойду, выйду ль вечером, стану – постою...

Не зайду я к летчикам,
Не пойду к геологам.
Мне слетать бы милую повидать свою!

С чувствами нездешними,
 ой, бывать построже бы:
Могут чувства запросто
 превратиться в ложь!

*Солнце незакатное, на Неё похожее,
Что ж ты ночью, солнышко,
спать-то не даёшь?*

От нее ни книжками не спасись, ни танцами.
Не умчаться по небу,
Не уйти пешком...

Вот и прогуляемся до метеостанции,
Словно с милой под руку
Похрустим снежком.

ТАЛИСМАН

На чужие причалы
швартуемся мы.
Погибаем от скуки и пьянства.
И сверлит меня мысль,
Как прожектор из тьмы:
В чём же суть моего постоянства?

За волною – волна.
За капканом – капкан.

Где озоновый слой был,
Там – дыры...

И меняются флаги
дробящихся стран,
И сбиваются ориентиры.

Ни-кола, ни-двора.
Лишь родительский кров –
Дом с лежащей ветлой на заборе.
Ну когда же ты кончишь топить моряков,
Многоликое Чёртово Море?

ТВЕРДЫНЯ

Какая радость всё-таки, ей богу,
устать,

Полсвета обойдя.

Потом -

Вернуться,

хоть ползком, в родимый дом.

Родные стены пальцами потрогать.

Чтобы в плену родительской заботы

Лечь снова там,

где постелила мать.

Потом во тьме все мёрзлые широты

Почти что с удивленьем вспоминать.

Прекрасно знать среди любой печали,

Что есть у нас твердыня про запас,

Где никогда о нас не забывали,

Где каждый гвоздик вспоминает нас!

Куда мы можем

воротиться смело

В любое время,

в рубище любом.

Вот только б время странствий не успело

Разворошить родимое гнездо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не отпишусь письмом — и точка!
В плену заржавленных пружин
Проснётся узкая калиточка
Да скрипнет голосом чужим.

Войду тропинкой припорошенной
И крикну: «Мама, отвори!»
*И этот домик, набок скошенный,
Весь озарится изнутри.*

Расскажет мать глазами влажными
При свете слабого огня,
Как каждый день и ночью каждою
Она ждала, ждала меня.

Я рвался в море, бредил славою,
Я про великое твердил.
А через дверь, насквозь щелявую,
Один лишь холод и входил.

Рассохлись узенькие ставенки,
Перекосило косяки.
Я маме всё казался маленьким
На берегу большой реки.

Весь мир — с дождями, снегом, грозами
Замрёт, робея, у плетня.
А у меня в глазах лишь позднее:
- Прости меня, прости меня...

Глава 4

ПОЖАРНАЯ РАЗВЕДКА

РАЗВЕДКА ГДЗС

Тихо.

Полночь.

На пульте молчит телефон.

Тишина в караулах

Коварна.

Вдруг - звонком "01" обрывается сон.

Наполняется гулом казарма.

Боевая тревога!

Одет, и обут,

Я влетаю в кабину как камень!

Две тяжёлых машины на вызов идут

С проблесковым маяками.

На бульваре толпа возбуждённо гудит:

- Долго ехали...

- Техники мало...

Ну а нам...

Как всегда - на разведку идти

В раскаленную прорву подвала...

Что ж, в подвал - так в подвал.

Нам беда - не беда!

Прямо в пламя, сгибая колени,

В серебристых костюмах уходим - Туда -

По щербатым и скользким ступеням..

.Здравствуй, чёртово пекло! Огонь и вода!

Пальцы пляшут на тумблерах рации.

Рвутся трубы. И черная хлещет вода

Из кишечника канализации.

Молодые бойцы за спиной у меня,
За секунду ль от смертного грома
Эти всхлипы шагов, этот шелест огня,
Этот блеск облегчённого лома?

Чтоб не сбиться, не сгнуться и не утонуть
В лабиринтах подземной трясины,

Мы одну, как Судьба! -
Путеводную нить
Пропустили сквозь все карабины.

Не обманут, не струсят и не предадут -
Стёкла масок белесы от пота! -
По багровым подвалам за мною идут
Номера боевого расчёта.

Я бы каждого обнял сейчас, не тая
Уваженья к «подземной пехоте».
Ну так здравствуй, сержантская доля моя,
Здравствуй, черная наша работа.

И виски, как в тиски, зажимающий зной.
Своды низкие дышат угаром.
Мы плывём под землёй.
Близорукий фонарь
Задыхается в облаке пара.

Я приказываю: - Интервалы держать!
Но шепчу себе: - Этого мало, –
Я обязан секунды пути рассчитать
И предвидеть угрозу обвала.

Мы вслепую пошли! За стопою-стопа.
Клешни красные - слева и справа!
И означена пламенем наша тропа,
Как строка Боевого Устава.

Мы уткнулись в тупик!
Здесь не место для драм.

Я смотрю на часы: Вот зараза! –
Время выхода четко отмерено нам
На манометрах противогазов.

Сохрани нас, массивная тяжесть колонн,
Пропусти, арматурная лента.
Там, где с треском крошится железобетон, -
Нет времени для сантиментов.

Через темень и пламя, сквозь воду и дым,
На смекалке одной, без инструкций,
Где - броском, где - ползком
Мы уходим к своим,
Зная место разборки конструкций.

Мы выходим, бесценную память храня,
Нас качает сильнее, чем от браги.
Мы выходим из дыма, как Боги Огня,
Поднимая трехпалые краги!

ЦАВЕ ТАНЕМ

(Подари мне свою боль!)

Ставропольским пожарным военизированной части №8, сотрудникам ГУВД Ставропольского края, добровольцам работавшим в Армении во время землетрясения.

Этот чёрный декабрь
 легендой уйдет в поколения!
Но поскольку мы все
 под одну звездой родились,
Я тебе не чужой –
Цаве танем – родная Армения,
Дорогая моя,
 своей болью со мной поделись.

Сколько трупов людских
 штабелями лежат
 под завалами...

Как недолго живём...
Как порою живём не любя.
Может, просто Земля,
От нелепых раздоров усталая,
В этот день захотела
 всё лишнее сбросить с себя?

Дети бывших кварталов
Бредут с отрешёнными лицами...
Налетают какие-то люди, как стаи ворон...
Но встает на пути мародёров
Милиция:
Пусть колеблется почва -
Но будет незыблем Закон!

ВТОРОЙ НОМЕР

Мой верный товарищ,
Ты в пекло со мною
Готов?

Нас ветер качает
На кровлях
Высотных домов.

Нам страшно бывает
В горячих объятьях
Беды,

Где пламя
Сжирает
Ревущие струи
Воды.

Но мы не пытались
Бежать
От судьбы и труда.

За то, что остались,
Нас в губы целует
Беда.

Мешает
Смотреть нам
От дыма шальная слеза.

Дружище,
Мы знаем,
Какие у смерти
Глаза!.

Дружок боевой,
Нас обоих
Не взять на испуг.

Мой номер второй — самый первый
И преданный друг.

ЗАБЫТЫЕ ПОЖАРНЫЕ ОРКЕСТРЫ

Когда-то было время:
Под барабанный бой
Оркестр пожарных
Шёл по мостовой.

Теперь крепка иронии броня.
Мы над святым, порой, смеёмся дружно.
Но все-таки, есть рыцари огня,
Зовущие свою работу - службой!

Ровесники чернобыльских былин,
Клянем свою спокойную сторонку.
Но наберите номер «Ноль один!»,
И мы умрем за вашего ребенка.

Не верим зажигательным речам.
Сегодня героизму мало места.
Но отчего-то снятся по ночам
Забытые пожарные оркестры.

КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

22 июня 1999 г. группа альпинистов Ставропольской военизированной пожарной части СВПЧ-8 начала восхождение к местам обороны Северного Кавказа. На Клухорском перевале установлена Мемориальная Доска, изготовленная руками пожарных.

Молча встал на пути обелиск.
Скуп на слово гранитный камень.
По дорогам войны
Наша группа идёт,
И осколки звенят под ногами.

То же солнце
Сжигает нам кожу со скул,
Те же реки ласкают нам губы.
Здесь на камнях гранита,
Щербатых от пуль,
Осекаются ледорубы.

Мы печатаем
Молча
По снегу следы,
Бьём ступени по склонам крутым,
Чтобы в лёд перевала,
в клухорские льды
Полевые выросли цветы.

И опять
 под ногами
 то лёд, то гранит.
Мы идём, траверсируя склон,

Там, где память героически погибших хранит
Вечный лёд,
Словно Вечный Огонь!

:

*Текст Мемориальной Доски, установленной
группой альпинистов военизированной
пожарной охраны на Клухорском перевале.*

Глава 5

ТРЕВОГА!

МОИ ТОВАРИЩИ – НЕ ГОСПОДА!

И в дождь, и в зной, и в холод, и в мороз
Мы на асфальт выходим из-под крова.
И тысячи резиновых колёс
Послушны точным жестам постового.

Опасные и сложные пути,
Но я горжусь нелёгкою судьбою,
Когда на задержание летит
Моя машина с синей полосой.

Пусть говорят, что голос слишком строг,
Особая внимательность во взоре:
Хотим мы, чтоб любая из дорог
Вела к людскому счастью, а не к горю.

Здесь нет господ!
Здесь каждый - словно, брат!
С любыми звёздочками, на любой дороге
Надёжные товарищи стоят,
Готовые на подвиг по тревоге.

ПО КРАЮ ПРОПАСТИ

Виктору Кустову

Не ставя глупость отпрыскам в вину,
Мы слышали гниенья сладкий запах.
Мы не молились на циничный Запад,
Пытаясь сохранить свою страну.

Но под гипнозом самых первых лиц,
Чураясь теплоты родного хлеба,
Мы забивали чуждым ширпотребом
Прилавки всех провинций и столиц.

На лидеров нам очень повезло:
Они же так «старались для народа» -
Морочили кредитами село,
Налогам душили все заводы.

Как стыдно: тридцать лет тому назад
Мы миражи усердно рисовали.
От МВФ подачи получали.
(Троянский конь, естественно, был рад!)

Припомним, как в богов рядилась мразь,
Как ставили Отчизну на колени,
Как наши флаги втоптывали в грязь
На прорванных
фронтах сопротивлений!

И вот, как «патриоты русских щей»,
Самим себе верша психоанализ,
Мы – жертвы интервенции вещей,
В плену чужих игрушек оказались.

Как горько: тридцать лет тому назад,
Потери принимая за находки,
Мы спарывали звездочку с пилотки,
Не думая, что катимся назад.

Всего лишь тридцать лет тому назад
Мы поднимали баннер бич-культуры
Над родиной, на нас глядевшей хмуро.
Нас привлекал свободы зоосад.

Мир Запада, конечно, не помог
Пройти сквозь разногласья и сомненья.
Кто нас сподвигнул – Путин или Бог
Начать эпоху самоочищенья?

И вот мы утверждаем свой закон,
Базирующийся на нашей силе.
И замер мир, страной заморожен,
Большой страной по имени – Россия!

ДЕГРАДАЦИЯ

В небе солнце млело от истомы.
Будний день моторами гудел.
Только, подходя к родному дому,
От испуга я оцепенел:

«Александр Блок» валялся в луже,
«Дмитрий Кедрин» корчился в золе,
«Грибоедов», «Герцен» и «Бестужев»
Веером лежали на земле.

Ну с какой такой еще попойки,
Душу нации швыряя в прах,
Выносили люди на помойку
Книги в целлофановых мешках?

Опоганенные истины лежали
У подъездов в мусорных бачках...
Это то, за чем мы так стояли
В нескончаемых очередях!

СТАРЫЙ МЕНТ

В милиции,
Когда бывало туго,
Когда сходился клином белый свет,
Когда блаженствовал какой-нибудь хапуга,
Я щупал
Через куртку
Пистолет.

Вот и теперь,
Когда сбивают с круга,
Когда от наглости бандитов бьет мандраж,
На месте ли? – когда бывает туго,
Я трогаю
Сквозь куртку
Карандаш.

Пускай от прежнего меня осталось мало,
Как некогда,
На линии огня,
Я говорю: еще не все пропало –
Обойма рифм осталась у меня.

Пусть воровская масть и рвет, и мечет,
Мне прежних установок не забыть,
И, может быть,
В зарвавшуюся нечисть
Обойму рифм успею разрядить.

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

Трещат ли от стужи высокие ели,
Скользят ли сухие снежинки по льду,
Здесь бронзовый Лермонтов пишет о Беле,
Здесь пленник свою прокликает судьбу.

Во время жестоких январских морозов
Смерзаются стекла и свет фонарей.
Подвинься, ведь здесь
 очарованный прозой,
Папаху снимает хан Измаил-Бей.

Ты слышишь, как плачется бронзовой лире
Про Хаджи Абрека, про русский мороз?
Ты видишь: из Грузии пленного Мцыри
На крыльях изломанных Демон принес?

И мучает тайна томительной силой,
Покуда летит кавалерия строк,
Так кто же поэта довел до могилы –
Услужливый дьявол, Мартынов иль Бог?

Дворянское общество знать не хотело
Зачем ищет пули поэт-пилигрим,
Как билось в телеге остывшее тело,
Как поздняя слава бежала за ним.

Теперь заповедны тропинки и камни,
Машукские гроты, ручьи Шат-горы.
На месте дуэли есть памятник давний,
Здесь денно и ночью горят фонари.

ТЕТРАДОЧКА

*Поэзия - это не работа,
следовательно, не повинность.
Поэт ничему не учит.
Иммануил Кант*

*Нужно нечто такое,
За что можно держаться:
Например, колючая проволока.
Нечто святое, высокое -
Пусть и на ходулях.
Ганс Мангус Энценбергер*

Синие тени
Сосен овальных.
Тамбур.
Тетрадоочка-исповедальня.

Снова мне, стоя,
Ночь коротать,
В тамбуре мерзлом,
Листая тетрадь.

В ней - моя трусость,
В ней - моя сила,
В ней меня муза
За честность простила.

Что в ней?
Да рифмы,
Догадки, сужденья...
Буквы плясали
Во время движенья.

Что в ней?
Стишки,
Неумелая проза
Из-под руки,
коченевшей с мороза.

Этой тетрадке
Лгать не посмею:
Нет никого
Между мною и нею.

Где она, истина?
Ну-ка, возьми-ка!
Снова от окон
Рогатые блики...

Снова окно продышу и гляжу.
Снова упрямо наощупь пишу.

Нет над дорогой,
Над снежною гладью,
Нет никого,
Над моею тетрадью.

БЕСПЛАТНЫЙ КИПЯТОК

Люблю дорожный стук и свист.
Люблю, как в старину,
Чуть свешиваясь
 с полки вниз,
Разглядывать страну.

Люблю тебя, моя тоска.
Но чуть замрет вагон,
Люблю,
 покаюсь,
 свысока
Разглядывать перрон.

За мусором,
 где штабель шпал
Чуть тянется к дождю,
Когда-то памятник стоял
Всемирному вождю.

С какого,
 стало быть,
 рожна,
Проезжим невдомёк,
Ещё стоят у шпал дома
С девизом «Кипяток».

Мы победили тиф и вошь.
Но вот, ведь, в чем

тоска:

Во всей России не найдёшь
Бесплатно кипятка!

Он кока-коле не чета.
Но выйди на перрон –
Здесь похоронена мечта
Народов и времён.

Вперед, Россия, - сквозь суды,
Сквозь бизнес, гарь и дым!
За просто так мы и воды
Теперь не подадим.

НИЖНИЙ РЫНОК

Не мы ли били врага
Близ дома своего?
А вот сейчас не дорого,
Не свято ничего.

Такая аллегория
У нравственных калек:
Здесь продают Историю
За жирный чебурек.

Теперь, ребята, вольная
На всё у юрлица.
Так отчего же больно мне
За деда и отца?

ПОЩЁЧИНА

Меня считая чем-то вроде лузы,
Давая и другим плохой пример,
Какой торгош назвал кафе «КутузоFF»,
Низкопоклонствуя на западный манер!

Я гражданин России. И в обиде
Стою перед кафешкой сам не свой.
Представим, что сюда... -
зашел Денис Давыдов
С пистолем, шашкою и русской душой!

Стою у модной вывески «КутузоFF».
Оболганный стою на склоне дня.
Отец мой - немец бил.
Кутузов - бил французов.
Администрация – ударила меня.

Презрев крючки чиновничьего вздора,
От имени всех воинских могил,
Хочу спросить у городского прокурора:
Кто это святотатство совершил?

КОРАБЛИ БИБЛИОТЕК

Гордись, великая страна,
Отсюда и навеки
Несут поэтов имена
У нас библиотеки!

А ну, школяр, давай скорей,
Читай табличку снизу:
Так на бортах у кораблей
Сияют их девизы.

Входи, дружок, садись за стол.
Стихи читать охота?
И это значит - ты пошёл
Тропою Дон-Кихота!

Идёт гражданская война
За молодые души.
И всё, чем Родина сильна,
Мы не дадим разрушить!

Не по тебе морской бушлат-
Ну разве это горе?
Представь, идёт морской парад
На Ставропольском море.

Не книжку ты кладёшь на стол –
Бинокль для начала.
Вот крейсер «Кашпуров» прошёл,
Волной качнув причалы.

Тесней, читающий народ,
Ведь нас уже не горстка!
Вот «Горький» - наш атомоход
Идёт из Пятигорска.

Сияй воды открытый кант,
Форштевнем лёд расколот!
Идёт «Екимцев Александр»
По-юношески молод.

Гордись, наш XXI век! –
Как холодом подуло:
Ракетно-ядерный комплект
Проносит «Ащеулов».

Не отключая эхолот,
К вниманью всей «Европы»,
Подлодка «Сляднева» вот-вот
Поднимет перископы.

Поэзия! Ты вновь в бою –
В эфире, книге, кадре.
Идут в кильватерном строю
Библиотек эскадры.

Нам не искать в глубинах брод.
Нам рукоплещут страны:
Нас флагман «Лермонтов» ведёт
Всемирным океаном.

Ты жив, Поэт?
Мы вновь с тобой,
Как братья Диоскуры.
Пока идёт смертельный бой
За русскую культуру!

Стихи надо читать стоя,
Шёпотом или криком.
Это дело простое,
Заканчивающееся тиком.

Стихи нужно читать стоя,
Как у стены расстрельной.
Или в полном покое
Тишины постельной.

Тяжёлые рифмы-брёвна
Срываются, бьют по темени.
Ну не читается ровно
Собственное стихотворение!

**Эскиз памятника
шестистам шестидесяти
пациентам Ставропольской психбольницы,
отравленным углекислым газом фашистами
в августе 1942 года.**

Глава 6

ФУРГОНЫ СМЕРТИ

ПОЭМА

*Светлой памяти 660-ти пациентов
Ставропольской психиатрической боль-
ницы умерщвлённых фашистами в авгу-
сте 1942 г.*

Прекрасен август уходящим зноем
И бабочкой, что над цветами кружит.
И слышится вечернею порою,
Как тихо падают с уставших веток груши.

И думается мне порой осенней:
Всегда ли было так, как нынче стало?
Что помните вы, стены отделений,
Что видели вы, окна филиала?

Архив больницы, словно тихий берег.
И вдруг...
И вдруг читаю с изумленьем:

*«фельдфебель Шмиц,
обер-фельдфебель Ге-
ринг, завгоротделом
Шульц виновны в истреб-
ленье больных»*

Теперь - не спать ночами!
Теперь я весь, как говорится, - в теме.
Читаю Акт, составленный врачами.

И оживает то трагическое время,
Когда Семён Михайлович Будённый
Войсками нашими,
как на гражданской, двигал.

Когда наш фронт - дырявый,
 пеший,
 конный,
Не выдержав «Кубанского блицкрига»,
Сдал город.
Да и покотился дальше...

Так заяц драпает!
Так катится обмылок!
Доверчивый
 к пропагандистской
 фальши
Стал лёгкою добычей Ворошиловск*.

Шли «хейнкели».
Горела нефтебаза.
И бомбы на заводах стали рваться.
И паники всеобщая зараза
Срывала графики эвакуации.

Писали второпях родным записки.
Полуторки деньжищами грузили
И гнали напергонки к Невинномысску.
А про больных,
 как водится, -
 забыли!

О них назавтра вспомнят оккупанты.
И будет участь бедолаг печальна.
Питомцы Вермахта
 блеснут своим талантом
Распоряжаться всем рационально:

За слово лишнее - в лицо прикладом!
В пах - сапогом, чтоб не рыдали!

Фургонов двери, будто двери ада,
Эсэсовцы привычно открывали.

Как танк, непробиваем для истерик,
Ариец в каске с вытянутым рыльцем,
Краса «эс-эс», обер-фельдфебель Геринг
Был не гуманнее однофамильца.

Он - выше жалости.
Его - не тронешь лестью.
Ни плачем матери. Ни просьбой сына..
Обиты оцинкованною жестью
Фургоны смерти, проще - спецмашины.

Их проектировал
 один берлинский гений,
Который только в силу страха верил.
В фургонах не было
 ни окон, ни сидений.
Зато отлично закрывались двери.

Строка архива - траурная лента –
Свидетельствует:
 так решалась здесь

*Судьба
шестьсот шестидесяти
пациентов! -
Приказом №226.*

В последний путь...

В последний раз обняться

Спешили

по-еврейски

и по-русски.

Штыками!

помогали подниматься

Тех, кто задерживал немецкий темп погрузки.

«Обуза для германского народа».

«Больные неарийцы - вне закона!»

Моторы вздрогнули. И окись углерода
Ударила в закрытые фургоны.

И Смерть пошла сквозь выхлопные трубки,
Как гимн нацизму и арийской силе.

Седьмого августа машины-душегубки
В последний путь несчастных увозили.

Стихали крики. Люди задыхались.

Толпа в оцепенении молчала.

И в каждой шине: «Deutschland uber alles»,
Казалось всем, торжественно звучала.

Солдаты Вермахта видали не такое!

За спины шмайсеры забросили привычно.

Ушли газвагены походным строем.

Врачи стояли на дворе больничном.

История, твои стирая дыры,
Кому неметь от ужаса открытий?
Противотанковые рвы под Бешпагиром,
Какие тайны вы от нас храните?

Ушли года в лазоревые дали.
Уже повырастали ваши дети.
А мы вас разыскать и не пытались,
Как будто вас и не было на свете.

Да, вы не снитесь по ночам убийцам!
Да, нам до вас, уже, не докричатся...

Но мы-то, разве - не теряем лица?
Забыв про вас...

Что ж делаем мы,
Братцы!

Публикуя поэму «Фургоны смерти», автор обращается к молодёжным организациям края с призывом начать поиск местонахождения останков 660-ти пациентов Ставропольской психбольницы, погибших от рук фашистов..

-
- Ворошиловск – старое название Ставрополя

МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!

**БАМ
ПРИКУМСК
НЕВИННОМЫССК
БОЛЬШОЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ КАНАЛ**

Глава 7

ЗВЁЗДЫ

КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЕК

БОЙЦЫ ОГНЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Учебная практика студента Литературного института Володи Яковлева проходила в Ставропольском комитете по телевидению и радиовещанию.

«Первый блин» не оказался комом: его сорокаминутный репортаж о курсантах авиаучилища вызвал массу откликов и дважды прозвучал по Всесоюзному радио на канале «Юность», а

фирма «Мелодия» выпустила пластинку с патриотическими песнями из этой передачи.

После защиты диплома Владимир с радостью согласился на предложение стать редактором общественно-политических программ для молодёжи в Ставропольском телерадио комитете. С его приходом редакция «молодёжки» стала центром творчества юных дарований, местом встреч общественных корреспондентов, начинающих поэтов и бардов.

Работа требовала оперативности. Бойцы стройотрядов по телефону сообщали о вырвавшихся вперед победителях краевого социалистического соревнования.

Внештатные корреспонденты привозили свежие новости, голоса героев дня, шумы производств и спорили, кому раньше занять место в студии радиомонтажа.

Стараясь быть запевалой в творческом коллективе авторов, Владимир был то диктором, то бардом, а то и ярым заступником обиженных.

Журналист Яковлев, мало сказать – «добывал» свои репортажи на Всесоюзных ударных комсомольских стройках страны, он - жил там, где творилась её история.

Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, трубопроводы нефтегазовых месторождений Сибири, закладка города Ноябрьска, строительство военных заводов в Комсомольске-на-Амуре, БАМ, КамАЗ, Большой Ставропольский канал, Будённовский завод пластмасс, Нефтекумские буровые, Невинномысский химический завод - это места дислокаций «комсомольских десантов», где трудились тысячи посланцев Ставрополя, где творил свои произведения молодой ставропольский поэт. Сколько незабываемых адресов, сколько ярких комсомольских звёзд на карте нашей Родины!

Там на комсомольских собраниях ребята решали, что делать с прогульщиками, а кому давать ордер на новенькую квартиру, как построить то, что сами же и запланировали.

Добровольцы огненных пятилеток, посланцы Коммунистического Союза Молодёжи, они умели жить за идею.

Член штаба студстройотрядов
крайкома ВЛКСМ (1983-1985 гг.),
Проректор Ставропольского государственного
университета (1997 г.),
Первый секретарь
Ставропольской краевой организации
Коммунистической партии Российской Федерации
В.И. Гончаров

БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ

Обрывки плаката. Лиловые губы.
Горячий дымящийся шлак.
Присядем, товарищ,
На рыжие трубы.
Прикурим от свежего шва

.
Что было – то было:
С опльвом, нагаром
Ложилась сварная строка.
Закончилась смена,
Не то что гитару –
Окурок не держит рука!

Защитные каски,
ушанки,
пилотки,
В прорабской набито битком!
Ошпарим-ка, парень, охрипшие глотки
Согретым для нас кипятком.

В дымище мерцает
Созвездие «Примы»,
И полночь летит под уклон.
И северный ветер
Проносится мимо,
Шатая фанерный
Вагон.

ПРИКУМСКИЙ ЗАВОД ПЛАСТМАСС

Здесь ветер под свитер шарахает шалый.
Здесь дышат под кранами чёрные шпалы.
Дубеет брезент от мороза и пота.
Но снова работа, и снова работа!

Мы – первые! Мы начинали с нуля.
Разбужена голосом стройки земля.
Сказал комсомол: «Эта стройка важна,
Грядущему веку пластмасса нужна!»

Я племени сильных принадлежу.
Прости меня, мама, что редко пишу.
Но ты не волнуйся: я весел, я с теми,
Кто трудно и весело двигает время!

Нам нынче любая работа знакома.
Мы прибыли строить с путевкой райкома.
Пусть руки в мозолях, пусть роба вспотела -
Мы делаем дело, огромное дело!

Мы – первые! Мы начинали с нуля.
Разбужена голосом стройки земля.
Страна трудовая, испытывай нас
Прикумским заводом, заводом пластмасс!

БОЛЬШОЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ КАНАЛ

Сухой песок
Подхватывает ветер,
Он шелестит,
Над гривами пыли.
Ты чувствуешь, как несколько столетий
Степь хочет пить?
- Пей, милая земля!

Пей, милая, ты мучилась немало.
Но мы твердим: здесь будут сеять хлеб!
Пульсируют артерии канала,
Пересекая высохшую степь.

Да здравствуем – мы все, когда мы - в деле,
Когда мы дюкер тянем на заре,
Когда километровые тоннели
Мы прорубаем в каменной горе!

Под музыку
каленного металла,
Круша гранит,
мы думаем про хлеб,

Про это русло нового канала,
Который напоит родную степь.

НЕВИННОМЫССКИЙ ХИМКОМБИНАТ

(БАЛЛАДА О СТАРШЕМ БРАТЕ)

Мой брат не стар. Но вот что странно:
Прищурится – и вспомнит он,
Как жестом башенного крана
Был наш посёлок осенён.

Смотрю на твёрдые ладони,
На ясные его глаза:
Я в жизни многого не понял,
Он многого недосказал.

Мне это может только сниться:
В тяжёлый год, в родном краю,
Рождала старая станица
Эпоху новую свою.

Сейчас среди холмов покатых
Пейзаж прекрасен и суров:
Дымятся трубы комбината,
Темнеют стены корпусов.

Антенны дружно с ветром спорят.
И поглядишь по сторонам:
Вокруг кавказские предгорья,
Как будто кланяются нам.

В разноголосице моторов
Идёт история сама.
И новый, строящийся город
Сметает старые дома!

НЕВИННОМЫССК – ГОРОД РОМАНТИКОВ

Посреди степей из года в год,
Где трава колёсами примята,
Вижу, как в грядущее идёт
Многотрубный крейсер комбината!

Я давно не верю в чудеса,
Но утрами вижу:
между кранов
Город поднимает в небеса
Паруса горячего тумана!

Пристальнее вглядываюсь в даль:
Родственная гоночному треку,
Разрубает степи магистраль,
Словно нерв безудержного века!

А, когда темнеет небосвод,
Там, где звёзды трепетны и мелки,
На ветру, как вымпел, полыхнёт
Пламя над метановой горелкой!

Это же не город - а мечта.
Он сияет нашими делами.
Западным столицам не чета,
Город, что построили мы сами.

МОСТОСТРОИТЕЛЬ

Швырнуть в траву теодолит.
Припасть к земле щекой небритой.
И ничего-то не болит,
И половина бед забыта.

Лежать подобием листа, устав...
Но лишь глаза прикрою:
Стальная радуга моста
Встаёт над вольною рекою.

Проверю лезвие ножа,
Запасы пороха и соли,
Портянкой влажной не спеша
Перебинтую я мозоли.

Здесь насыпь срежет косогор,
Левее – в железобетоне –
Мост чёткий выведет узор...

Ну, а пока горит костёр,
Ловя тепло моих ладоней.

ЗДРАВСТВУЙ, ЮНОСТЬ МОЯ!

Не афишируя мозоли,
(Интеллигенты!)
В солёных робах цвета поля
Сидят студенты.

А ну, завидуйте ребятам,
Не белоручкам,
Привыкшим к вилам и лопатам,
И авторучкам!

За лето стали мастерами.
Им все знакомо:
Они умеют - мастерками,
Лопатой, ломом!

И удивляясь, удивляя,
Ворча,
 пророча! -
Они привыкли, не стесняясь,
Мешки ворочать.

Вот так и вкалывают лихо,
Орлы-задиры!
Не зря их любят поварихи
И бригадиры.

Брось, агроном, пустые речи,
Авансы эти.
Скажи, они подставят плечи.
Они - не дети!

На речь высокую отважась,
Товарищ, помни -
Они вполне познали тяжесть
Зерна и камня.

Они наставят тут “законных”
В полях раздольных:
Дренажных дамб,
Стогов злаченных,
Буртов свекольных!

“Строители кошар овечьих”.
Кто их не понял,
Не знает, как у них под вечер
Гудят ладони!

Присядут у костра устало
на клубней горку:
И снова с ними здесь
Курчатов, Роден и Лорка.

День прожит.
Сердце растревожит
Девчонок пенье.
Ребята голову положат
К ним на колени.

Ах молодость, скажи, ты рада
Меня поздравить
и, уходя, вкус винограда
Губам оставить?

Глава 8

ЛЕТАЮЩИЙ ЖУРНАЛИСТ

ЛЮБИМАЯ ЛЯМКА

Ожиданья. Перелёты.
Звездный ветер дальних стран.
Апельсины вертолётов
На тарелочках полян.

Лыжи. Валенки, как ласты,
Чтоб не слишком был ретив.
Вечно мерзнущая паста.
Запотевший объектив.

Строчки беглые в тетрадке.
Подведённая черта.
И заснеженные складки
Верхоянского хребта.

Разговоров - лет на триста.
Время, что всегда в обрез.
Славься, лямка журналиста -
Вечный к жизни интерес!

НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Здесь на тысячи миль
Ни жилья,
ни следа от ночлега,
Лишь полярное солнце,
Настоянное на слюде.

Тень машины
прыжками
Скользит по залысинам снега
И, споткнувшись о лёд,
Пропадает на полой воде.

Вертолёт зависает, дрожит
и спускается косо.
Шасси трогают лёд,
Осторожно, как будто капкан.
Синяки ропаков
и прогнившие зубы торосов
Обнажает навстречу пришельцам
Старик - океан.

Геофизик Скворцов,
как игрушкой, жонглируя трапом,
Вдруг бульжником валенка
Бьёт запотевшую дверь.
И врывается Арктика
холодом, визгом и сапом
В вертолётную пазуху,
Словно иззябнувший зверь.

И опять вертолеты
Раскрутят свои лепестки.

Будем прыгать на льдины
И снова взбираться по трапам,
Будут иллюминаторы изморозью обрастать.
Океан! Что ж - ты можешь
Прихлопнуть нас снежной лапой,
Но зубами торосов
Тебе нас уже не достать!

Мы сегодня ведем эстафету
От самого старта - над неверием, вьюгой,
И белым свечением вод.

Но пройдут времена,
и расскажут структурные карты,
Что в себе затаил
каждый профиль
глубинных пород.

А когда,
Одурев от полётов, сменяемся с вахты,
Засыпаем, бывает,
не сбросив одежд пуховых,
В глубине океана
мы видим подводные шахты,
Над безмолвными льдами
Нам снятся огни буровых.

*Писалось на Острове Жохова
и дрейфующих станциях серии «Северный Полюс»*

СЕВЕРЯНЕ

Покинув лагеря, бичарни, сферы,
Кто ради денег, кто во имя веры,
Продавливая ящиков фанеры,
Набились в прокопченный вертолёт:

Бродяги, простодыры, пионеры,
Романтики, не знающие меры,
Первопроходцы горестных болот.

Профессор мыслит о палеозое,
Второй пилот о залетевшей Зое,
Завхоз опять клянет всё привозное,
А я, как прежде, думаю о них:

Обутые в дырявую резину,
Они, поди, забыли магазины,
Им дом родной – трясучие кабины,
Не сполоснув сапог, вступают в стих.

Ну что с того, что нажили гастриты,
Что вновь у них не там шурфы пробиты,
Что нет у них устроенного быта,
Что в городах мельчают в суете.

Пока у вас стучит под свитерами,
Отсюда нас не выдуют ветрами,
И будет оглашаться топорами
Их никогда не слышавший алас*.

**Алас – якутское наименование поляны в подлеске.*

Я вас люблю,
Я вас люблю, ей богу,
Поскольку от дежнёвского острога

Через века ведёте вы дорогу,
Через века! По вечной мерзлоте!

Я, рейку нивелирную таская,
Обтрёпышек «Истории» листаю:
«Сибирью мощь державы прирастает...»
Вы слышите, как сказано про нас?!

Остров Новая Земля

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВЗЛЁТ

Люблю взлёт.
Когда вертолёт, от нетерпения
приплясывая на бетонке,
ревёт и ревёт о желании лететь.
И, наконец,
отпущенный в небо рукой пилота,
взмывает
в стихию света
по сияющей вертикали.

И обрывается
пуговина посредственности!

Дома,
давившие своей авторитарностью,
съёживаются.

Люди знакомые и незнакомые,
машут,
протягивают к тебе руки,
будто ты Мессия.

А горы, господа ландшафта,
Покорно склоняют свои лысые головы.

Славься
музыка тысячесильных оргАнов,
сотрясающих тело
стального собора!

Сверкайте графические витражи Родины
в овалах иллюминаторов,

Трепещите, живущие последним днём!
Взлетая,
вертолёт идет к солнцу:

над старым портом,
над вмерзшим флотом,
над непристойным анекдотом,
над ложью будней!

Люблю взлёт.

Когда, отрываясь от земли,
видишь её масштабность,
ликуешь,
ощущая, что на такой планете
есть где расправить
свои плечи!

НАД КАМЧАТКОЙ

Выпало счастье
Без спеси и чванства
У горизонта раздвинуть края.
И, осязая державу пространства,
В тайном восторге шепчу себе я:

Кто изваял эту пластику склонов,
Разнообразие горных причуд?
С видевшим виды магнитофоном
За репортажем к шахтёрам лечу.

Зимняя мгла под капотом клубится,
Зорька встаёт над снегами светла.
Самые лучшие в жизни страницы
Я разрезаю стилетом крыла.

Лоб о стекло охлаждая, шепчу я:
- Боже, когда ты творил на века,
Как же скомкал ты поверхность земную,
Словно бумагу Черновика!

Я не геолог, но нету покоя
Видеть, как наша планета пуста.
Что написалось творившей рукою
На оборотной странице листа?

В дымке небесной за горкою - горка.
Мало ль богатства в такой кладовой!
Сколько же наша продлится уборка,
Гений Вселенной, в твоей Мастерской?

АВИАЦИЯ АРКТИКИ

Избегая обледенения, лететь на бреющем так низко, что брызги волн бьют по остеклению кабины, тяжело и опасно. Но знать, что прямо по курсу с минуты на минуту из густого тумана внезапно вынырнет высокая гряда острова ещё страшнее. Тут вся надежда на штурмана!

Лечу ненужный, несчастливый
В туман, или морскую ширь
Над Благовещенским проливом
На остров Новая Сибирь.

И думаю среди полёта,
Любимая, чего уж там:
В тебе сродни имелось что-то
Его высоким берегам!

Глядят пилоты, горбя спины,
В слепых прыжках поднаторев:
Как остеклением кабины
Не долбануться б о рельеф!

Уж на подлёте где-то вроде,
Да вот - туман со всех сторон...
И штурман Женя Хиль проводит
Расчет на нижний эшелон.

Сидит в чумазой душегрейке,
Не видя в небе ни черта,
С логарифмической линейкой

За отворотами унта.
И лишь порою что-то чистое,
Подобное твоим глазам,
Мелькнёт в разорвано-слоистых
Прижатых к льдинкам облакам.

Пока летит волна под нами,
Пока меня берёт мандраж,
Евгений шевелит губами:
- «Пэ минимум плюс дельта аш...»

Винты лупцуют обороты,
Внизу кипит, как на плите.
Я знаю: Джек ведёт пилотов
На безопасной высоте.

А вот тебе, красивой бабе,
Сказать бы издали, любя:
- Меня то кто,
 ну раз хотя бы,
Для смеха вывел на тебя!

ЭСТАФЕТА

На высотах,
 где сглажены горы,
В лунном свете
 и звёздной пыли
Открывается истина взору,
Проступает округлость Земли.

В две ли тысячи - настоящем,
Современник доверчивый мой,
Мы пристегнуты к креслам летящим,
Хорошо, что еще по прямой.

Не порвалась ещё эстафета
В наш компьютерно-атомный год!
Мы пристёгнуты к точкам планеты
Силой тяжести наших забот.

И пока есть у каждого дело,
Кто живёт вдоль всемирной межи,
Вот бы скорость движения тела
Измерять лишь движеньем души!

Отчего ж, современник, всё зная,
Бормоча, что “гарантии нет”,
Мы в кренящихся креслах зеваем
Над страницами наших газет?

КАТАСТРОФА (Не снижайтесь до самоуничтожения!)

*Полярной ночью,
приняв созвездие за огни аэродрома,
пилот АН-2 начал снижение...*

Утром под снежной попоной
Горы прекрасны с высот.
Что ж вертолётчик над склоном
Остановил вертолёт?

Господи,
Как это просто...
Смотрим сквозь блистеры вдаль:
Чёрного гребня короста
Перепорола дюраль.

Смятая силой ударной,
Словно нагая на вид,
Между гранитных жандармов
«Аннушка» навзничь лежит.

Внутренним,
внутренним зреньем
Видится, видится нам,
Как хвостовым опереньем
Билась она по камням.

Вмят алюминий в суглинок.
Красные кресла пусты.
Милая, в мире вершинок
Ты не теряй высоты!

*Смятая силой ударной,
Словно нагая на вид,
Между гранитных жандармов
«Аннушка» навзничь лежит.*

ПЕСНЯ ТУРКМЕНА

Певец Кара-Кумов был вовсе не стар.
Но звуки свистели, как плети.
Тоска азиата вложила в дутар
Мелодию тысячелетий.

Он пел, что земля в перелётной пыли
Терзаема зноем и тифом,
Что счастье пророча, немного смогли
Когда-то четыре халифа.

Казалось, обиженный голос дрожит,
В сухой пропадая полыни.
И в небе стирали свои миражи
Стиральные доски пустыни.

И корчились ветки засохших садов.
И вновь города вымирали.
И плакали в голос тринадцать ладов
И пальцы ему целовали.

Струился песок азиатской глуши.
Едва шелестела бумага.
И слушали плачущий голос бахши
Геологи из Небит-Дага.

ПРАВО ВЫБОРА

Путь справедливости однажды возлюбя,
Царям исход сопротивленья зная,
Не оправдай в греховности себя
На службе у глупца и негодяя.

Идти в пророки, или славить знать?
Мстить лишь тому, кто тебе зубы выбил?
Взять на себя штурвал, или бежать?
У каждого из нас всегда есть выбор.

Спеши быть богом, человек, спеши,
Итога своего пути не зная!
Не ошибись, энергию души
На избранное дело направляя.

Живи, сермягу правды возлюбя.
Ведь не для мифа и не за монеты
Ты вылепил из самого себя
Осириса, Христа и Магомета.

Пускай кому-то в жизни повезло.
А кто-то милостыню собирает.
Но, как всегда, между Добром и Злом,
Колеблется душа и выбирает.

Из Вифлеема, или худших мест,
Шагая по воде, или взлетая,
Когда есть смысл, тебе не страшен крест,
Когда ты любишь, ты не погибаешь.

АЭРОГРАВИКА

В гулком ущелье по складкам пород
В темную темень идёт вертолёт.

Встанет, достанет линованный лист
Валя Акелин, гравиметрист.

Валя замковую ручку рванет,
За борт шагнет, в снег упадёт.

Около гребня шальной вертолёт
Левое шасси к базальтам притрёт,

Правое шасси оставит висеть
Там, куда лучше
совсем не смотреть.

Валя, прикрыв гравиметр рукою,
Смотрит в дремотную глубь мезозоя.

Это не мистика. Это не мода.
Это площадка с закрытым подходом.

Это апрель.
Верхоянские горы.
Аэрогравика .
Ритм медосбора.

КРАСНОВОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Странен горный ландшафт близ Красноводска. Рассеченные горизонталями террас, выбитых волнами отступившего моря, морщинистые горы напоминают о былой мощи высыхающего Каспия.

Я стою в вагонном коридоре.
Я смотрю печально и устало,
Как по дну отхлынувшего моря
Выложены смоляные шпалы.

Душный ветер с привкусом железа
Вяло занавески полоскает...
Узкие, продольные порезы,
Будто бритвой,
Скалы рассекают.

Ну зачем смотрю я так устало,
И зачем считаю так печально:
Сколько по лиловым минералам
Пролегло морщин горизонтальных?

Без воды здесь кустику не выжить.
Нет воды у склонов позабытых.
Больше никогда им не услышать
Шумных споров влаги и гранита.

Диабаз от нежности не тает.
Так не за упрямство ль и отвагу
Целовало море, отступая,
Каменные лики Куба-Дага?

КАРА-КУМЫ

Пустыня, ты - феникс!
Я вижу цветение твоё.
Любимая,
Знаешь ли как расцветает пустыня,
Когда каждый кустик,
пробившийся к небу - поёт
И листья купает
в небесно-пронзительной сини?

Цвети, тамариск!
И пускай твой воскреснувший лес
Ласкает пески удивительно розовым дымом.

Уж светом любви озарили тревогу небес
Зажжённые свечи
Зелёных побегов кандыма!

Не хочется думать в такие часы о былом:
Ведь солнце в зените,
И в мире ни капельки тени!
Своим осторожным, но вечнозелёным умом
Арча не поймет сумасшедшего чуда цветения.

О, красные маки на каждой забытой версте!
О, искорки горлиц
Над каждым плешивым
такыром!

Колдун карагач,
Позабыв о своей черноте,
Соцветья сердец
Вдруг открыл
удивленному миру!

И так хорошо,
Что закрою глаза:
ты со мной
В цветущей пустыне!
И мы,
как веселые
боги...
Ну разве смешно,
Что среди Каракумов,
Весной,
В мечтах о тебе,
Я опять забываю ожоги?

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Люблю снижение.

Когда самолёт,
от усталости
 клюнув носом,
 уходит
В белый сон облаков.

И тело становится легче,
и плечи,
 будто сбросив тяжесть лет,

Распрямляются
в обжитом салоне
 авиалайнера.

И ты с гордостью
 Переводишь стрелки часов
С дальневосточного -
 на привычное
 время,

Радуюсь
 сэкономленным шансам
 ещё хоть куда-то
Успеть.

Глупый, ты наивен,
 тебя уже поджидают серые будни
И мелочная суета.

Тебя ожидает:
удар
о землю.

И как бы он ни был смягчён
амортизаторами шасси,
скоро тебе почувствовать его силу.

И тяжесть.
Земная тяжесть согнет твои плечи
уже на трапе,
когда в толпе встречающих
ты не увидишь Её.

ДИОГЕН

Пусти вперед богатого холопа,
Коль счастья недостаточно ему.
Достаточен бродяга из Синопа.
Патриции, завидуйте ему.

Он проживет без тоги, крыши, такта,
Без догматических иллюзий и надежд.
Но торжествует материальность факта
Над выдумками правящих невеж.

Пифагорейцам, видно, ближе к богу,
Но сверху им не видно ничего. ...
Из века нынешнего выйду на дорогу
И встречу, как попутчика, Его.

Старик-бродяга, хулиган-калека,
Куплю фонарь за пригоршню грошей,
Продолжить поиски не бога – Человека!
В базарный день под гогот торгашей.

В последний час, скажу тебе, как другу,
Иль, как солдат солдату на губе:
Спасибо за печальную науку –
Не врать, хотя бы самому себе.

ПЕРВЫЙ СЛЕД

Пока ты молод и здоров,
А шаг твой лёгок и небрежен,
Корми таймырских комаров
На енисейском побережье

Живи, как все. Не прекословь
Тем, кто постарше, но с осанкой
Пей на ветру оленью кровь
Сверкающей консервной банкой.

Обитель горестных легенд,
Последняя земля шамана...
Движенье гусеничных лент –
Стальная поступь каравана.

Где гнал оленей самоед
Купцу на спирт менять пушнину,
Вдави-ка самый первый след
Пронзившей небеса машины!

ГЕОЛОГИНЯ

РАССТАВАНИЕ

*«Девчонки в поле не держатся!»
Поговорка геологов*

Неторопливый разговор
И как когда-то,
Горит шалашиком костёр.
Молчат ребята.

Ах, как сегодня на реке
Рассвет оранжев!
Невеста в пихтовом венке,
Не в флёрдораже.

Сегодня запахи хвои
Кружат сильнее.
К чему слова, здесь все свои –
Родных роднее!

И нет ни в чём её вины.
Ни в чём.
И всё же –
Здесь всё
На проводы Весны
похоже.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОЛОГОВ

В слепой авиетке,
Летающей с востока,
Спиртуем,
Закончив работы до срока.

Пусть это не дело,
Но вовсе не пьянка:
Геологи в облаке
Пьют под болтанку,

Чтоб в небе высоком
Да в поле широком
Не пить одиноко,
Не жить одиноко

Единым стаканом
Проходим по кругу
За Арктику нашу,
За белую вьюгу,

Чтоб в небе высоком
Да в поле широком
Побольше бывало бы
Смысла и прока.

ФОТОГРАФИЯ НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ

Знал бы кто,
Догадывался б кто-то:
В самом дальнем ящике стола
У меня есть два заветных фото,
Словно два источника тепла.

Щёлкаю линейкой,
Тру резинкой,
А когда застряну на нуле,
Пара чёрно-белых
фотоснимков
Могут появиться на столе.

На одном - ты, милая, ей богу –
Вешняя гроза
во всей красе!
(Может потому, что слишком много
Правок на газетной полосе?)

И тебя ли,
властью облаченной,
Вижу в этом грубом пиджаке?
Ты ль царишь в чаду редакционном
С мертвой сигаретою в руке?

Вот уж объектив не льстил натуре!
Найден, пойман, выделен типаж.
И навис, как бог,
над корректурой
Твой тяжеловесный карандаш.

Все на снимке:
Будничная гонка,
На окне увядшие цветы...
На другом - беспомощней ребенка
Ты застыла
 у моей плиты.

Это я снимал
 из коридора,
Когда ты готовила обед:
“Боже,
сколько женского позора
В дыме пригорающих котлет!”

Кто же ты,
душа моя родная?
Как поглажу, тихо погляжу.
Ты - не та,
Не эта.
(Я-то знаю!)
Только никому не расскажу.

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Не листопад — спадают крылья с плеч.
Усталая, присядешь на диване.
Я затоплю остуженную печь,
Как будто заиграю на органе.

Пожалуйся на мизер типажа,
На то, что ляпнула в эфире сдуру,
На шефа, на небрежность монтажа
И на поверхностную режиссуру.

Над паром чайника, что так давно урчит,
Над лампой, над раскрытою постелью,
Я слушаю, как голос твой звучит
Весенней, звонкой, мартовской капелью.

Лиловый лес сомкнётся за окном,
И темнота уже не потревожит.
Нам всё равно, что станется потом,
А этот день был друг для друга прожит.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

*Есть жизни, прожитые ровно.
Они напоминают брёвна.*
Владимир Туркин

То приснится на рейде задумчивый сейнер,
То в своем кабинете взгрустну беспричинно,
Неужели опять потянуло на Север,
Потянуло к тревогам мальчишку, мужчину?

Стыдно,
 словно на пляже всю жизнь загораю!
Скучно,
 как от привычки к пропаже...
Это ребра характера грудь распирают
И мешают склоняться над кипой бумажной.

Мне б туда, где пожарные гасят реактор,
Где стоят истребители наизготовку.
Я прошу, уважаемый главный редактор,
Ну, отправьте, пожалуйста, в командировку!

Глава 9

СТАВРОПОЛЬСКИЕ ВОЛОНТЁРЫ В ДОНБАССЕ

УМИРАЕТ ДЕВОЧКА В ЛУГАНСКЕ

Вся столица в праздничном убранстве.
За окошком роскошь снежных царств.
Умирает девочка в Луганске.
Тихо умирает без лекарств.

Красно-белые шлагбаумы. Моторы.
КПП. Преграды на пути.
Пожелайте русским волонтерам
Сквозь таможни побыстрее пройти.

Терминал. Разбитые бараки.
Пограничный пост среди рябин.
Ах, как долго нюхают собаки
Свежий ставропольский инсулин.

Бюрократы. Ямы и метели.
Воры, мародеры на пути.
Пожелайте нам, чтоб мы успели
Девочке лекарства провезти.

РАССТРЕЛЯННЫЙ ХРАМ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ГОРОДЕ ДЕБАЛЬЦЕВО

*Настоятелю храма
Святого Александра Невского
отцу Мирону за человеколюбие*

Когда в божьем храме
Свершался обряд,
Молитвы прервав,
Разорвался снаряд.

И охнуло небо.
И дрогнул портал.
И купол церковный
На землю упал.

Прости неразумным!
Грехи им прости!
Идут униаты,
Идут по Руси,

Закрыв свои лица,
На Божеский Суд
По русской земле
Униаты идут.

*О, Господи, Ты видишь – плачут фрески,
Качается золотой иконостас.
Защитник наш – князь Александр Невский,
Сойди с небес и заступись за нас.*

Но пушки стреляют и мины свистят.
На брата опять поднимается брат.

Прочь, дьявола слуги,
Препятствует вам
Опора России –
Дебальцевский храм!

Стоит он, как крепость,
Лишь слышится стон:
- Не ляжем под Киев
И под Вашингтон!

Голодные люди
Голодной страны,
Мы против Неправды
Мы против Войны.

Мы – дети России.
Завещано нам
По звону набата
Бежать в Божий храм.

*О, Господи, Ты видишь – плачут фрески,
Качается золотой иконостас.
Защитник наш – князь Александр Невский,
Приди с небес и заступись за нас.*

Трудом и Молитвой,
Единством и Верой
Гуртом одолеем
И Укра, и Сэра.

Увидят вожди
Католических стран
Вновь – Купол
Воздвигнутый на барабан!

За Веру, за Правду
Сражался не раз
Свободной России
Шахтёрский Донбасс.

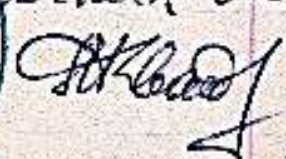
*Ставропольские волонтеры:
водитель Сергей Артёмов и эпидемиолог Равиль Латыпов
в Дебальцево у сбитого купола церкви Александра
Невского*

Икона Божьей Матери со Младенцем прилюдно освящена в храме Александра Невского и вручена ставропольским волонтерам.

Дорогому достопочтенному
 военному генерал-лейтенанту
 Владимиру Яковлевичу, организатору
 батальона Балканского движения
 помощи страждущему народу
 А Н Р от настоятеля и
 пастыря расстреляного храма
 Украинской артиллерией
 храма Александра Невского
 Да благословит Вас
 Господь Бог, вседневной Вам
 радостей, счастья, здоровья
 Вам, Вашей семье, детям
 и внукам.
 Смиренный настоятель
 протоиерей Мирон Квасневский
 12.03.17

Квасневский

Обратная сторона иконы Божьей Матери
 с дарственной надписью настоятеля храма
 протоиерея Мирона Квасневского.

ВОЛОНТЁРЫ

Стихи Владимира Яковлева

Музыка Виктора Кипора

В умеренном темпе

Am Dm G C

3 Не раст-рат-чи-ки, не во-ры, и не де-ти о-ли-гар-хов, во-лон-
C Dm E E7

5 тё-ры, во-лон-тё-ры вы не зо-ло-то и бар-хат, вы о-
E6/9 F C F

7 де-ты в пыль и са-жу, вы е-ди-те, что при-дёт-ся. Бу-дет
Dm Am E Am A

9 счаст-лив, кто од-наж-ды во-лон-тё-ром на-зо-вёт-ся. Бу-дет
Dm Am E Am

12 счаст-лив, кто од-наж-ды во-лон-тё-ром - на-зо-вёт-ся.
Am (окончание)

В сне - го - // - (Так о - ставь-те не-нуж-ны-е спо - ры... и т.д.)

ВОЛОНТЁРЫ

Не растратчики, не воры
И не дети олигархов,
Волонтеры, волонтеры,
Вы не в золото и бархат,-

Вы одеты
 в пыль и сажу,
Вы едите,
 что придется.
Будет счастлив, кто однажды,
Волонтером назовется.

В снегопад ли, в день погожий,
Позабыв про честь и нервы,
Собирают у прохожих
По копейке на консервы.

Перед ними –
 голодуха,
И таможен
 волокита,
И военная разруха,
И разбитое корыто.

А над ними
 канонада
Аж почти что до Ростова.
Ничего-то им
 не надо,
Кроме хлеба для другого.

Верь, ребёнок,
знай, калека:
С волонтёрскою медалью
Встанет облик Человека
Над фашистскою моралью.

*Ставропольские волонтёры
в сиротском приюте «Аннушка»*

УРОК РИСОВАНИЯ

Дети сопят, выводя со старанием
В тонких тетрадочках изображения.
Это проходит
 урок рисования
В пункте приёма украинских беженцев.

Пусть программирует
 Киев, как роботов,
Взрослых людей каждый раз
 телебреднями.

Дети берут
 из картонных
 коробочек
Карандаши государства соседнего.

Дети рисуют:
 как прятались жители,
Шли БТРы и дядьки с погонами...
Дети рисуют
 всё то, что увидели.
Дети рисуют всё то, что не поняли.

«Грады» работают
 из-под Авдеевки.
Лезут фашисты со злобными лицами.
Крыши горят под обстрелом Макеевки.
Многоэтажки зияют глазницами.

Что же дома?

– нет такого в задачниках! –

После налётов от ветра шатаются⁵?

И, как всегда, почему-то у мальчиков

Красный фломастер быстрее кончается.

Грустно разгладив тетрабочку наперво,

Саша грызёт деревянные финики.

Папа ползет,

маскируясь от снайперов,

Из РПГ бить по танкам противника.

Папа – герой! – пишут детские пальчики.

Папа – герой, даже, если поранится!

Папа – герой на рисунке у мальчика.

Папа таким после смерти останется.

Донецк 2015 г.

⁵ При артобстреле железобетонные панели зданий теряют прочность. И многоэтажные дома, удерживаемые только металлической арматурой, начинают покачиваться от ветра.

ТУЧИ НАД ГОРОДОМ

Дождь идет над Ставрополем.
Гром гремит: то – ух! То – ах!
Ну а вам-то, как там в поле,
Под Луганском, в блиндажах?

Не на пляже, не в Париже,
Не в отелях записных,
Много ль вычерпали жижи
Из лачужек земляных?

Чтоб остаться человеком,
С вами разделить беду,
Словно мусульманин в Мекку,
Хоть пешком, а добреду.

Сам себя сорву, как пломбу!
Побреду, угрюм и зол,
Мимо звездочек на тумбах,
Мимо выгоревших сел.

Разрешите мне, ребята,
Вместо них пополнить строй.
Разрешите стать солдатом
На земле моей родной.

КИЕВСКИЕ НАГРАДЫ

От взрыва в спальне у Ирины Горбань рухнула полка. Девушка не стала склеивать награды за победы в литературных конкурсах полученные в Киеве, а просто смела их веником вместе с известкой, стеклами и щепками от разбитой рамы. С этого момента у поэтессы из Макеевки началась другая жизнь.

В тихом лесочке, почти что у города,
Прыгает пушка от дьявольской радости.
Вот оно – логово лютого врага.
Вот они люди, творящие гадости.

Видно в бинокль,
 как здания рушатся.
Видно в бинокль,
 что школьники в панике.
С тихим шипеньем снаряды уносятся
К детскому садику и поликлинике.

В крыше железной
 всё дырочки,
 дырочки.
Вертится ретропластинка Вертинского.
Падает в спальне
 от взрыва у Ирочки
Полка с наградами украинскими.

Грохнул
 по грамоте кубок расколотый –
Лауреатские символы прежние
...
Кончилась, Ира, прекрасная молодость.
Кончилась, Ирочка, жизнь безмятежная.

Тихое горе с ночными тревогами
В хату вошло, сединой не растаяло...
Плачет от боли собака безногая,
Где в огороде зарыты хозяева.

Мальчик стреляет, о Боже, прости его!
В рамке без стекол лишь небушко чистое...

Видно, не быть уж Донбассу под Киевом.
Видно, не склеить Россию с нацистами.

Стёкла,
 извёстка,
 да щепки от рамы там.
Смята кастрюля.
В кастрюле вареники.

Ире не склеить ни кубка, ни грамоты.

Ира сметает реликвии
Веником!

Макеевка 2017 г.

АРФИСТКА

*Леночке Коваленко, арфистке
Донецкого оперного театра.*

Кусочек счастья.
Сладостный момент.
От зла, от горя и от разоренья
Готический педальный инструмент
Уносит зал
В эпоху Возрожденья.

Но свет погас
Вы встали и ушли.
Лишь струны арфы плакать продолжают
О том,
 что вас никто не провожает,
О том,
 что ваши туфельки в пыли
Расстрелянных домов
 не сдавшейся столицы...

Что ночь светла,
 что Пушкин круглолицый
Напоминает вновь
О волшебстве добра.

Ваш предстоящий ужин
Состоит
Из маргарина и перловой каши.

Но дворники осколки подмели,
И чисто на душе, как на бульварах наших.

И вновь,
 не понимая почему,
Лишённая привычного апломба,
Идёте тихо
К дому своему,
В который угодила бомба.

Друзья,
 соседи,
 родственники - все
Закончили свой путь
 на этом свете...

Лишь детская скамеечка в росе,
Да кофточку пронизывает ветер.

Но день придёт, вновь будет полон зал!
И вы услышите из оркестровой ямы,
Как посягает
 на священное
 Вандал,
Вновь режиссируя
 убийственную драму.

И вот тогда,
Из старенькой строки
Вы сотворите чудо – Жизни ради,
Как Моцарт всем убийцам вопреки,
Как Шостакович в осаждённом Ленинграде.

Донецк, июнь 2020 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИУДЫ

*Врачам, бежавшим из донецких
больниц летом 2014 года.*

Люди помнят!
И хранит дела архив,
Как остался без начмеда коллектив.

Своей грудью защитившие страну,
Что сказали бы «двухсотые» ему?

- Ну-ка вспомните, профессор, ставший в позу,
Как бросали вы лежавших под наркозом.

Как кляня под канонаду всех святых,
Оставляли на уборщицу больных.

Как орала санитарка:
- Не вези! -
Здесь некому работать на УЗИ!

И стоял над получившим огнестрел
Без врача осиротевший ИВЛ.

Медицинская – из вузов – детвора
Шли, без вас, - как новобранцы, - на ура...

Без тебя, Маэстро, шли. Вот в чём вопрос...
Не хватало крови. Но хватало слёз.

И неслись, как перелётные грачи,
Гиппократу изменившие врачи.

Время шло.
И те козлы на самом деле
Где-то рядышком с фашистами сидели.

Врач без совести – как рота без потерь!
Отсиделись?
Возвращаетесь теперь?

Ишь – из Киева приехал! -
Говорит,-
Брать российскую вакцину на «Covid».

На предателя,
Когда пришла пора,
Божьей Матерью смотрела медсестра.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Ленточку – святую радость эту
Я надену,

но не для красы –
Две полоски огненного цвета
Да ещё три чёрных полосы.

Эта ленточка
давно врагам знакома.
И понятно даже молодым,
Со времён
турецкого
разгрома
Символы её – огонь и дым.

Что нам ваши
«укрохунвейбины»?
Есть у нас Россия –
Наша Мать.
Со времён Второй Екатерины
Мы привыкли – только побеждать.

Что фашисты?
Что бандеровские тени?
Что нам Украина?
Что террор?

Дай мне ленточку жаккардова плетенья,
Молодой донецкий волонтер!

9 МАЯ

Хорошо весной сирень цветёт.
Погляжу вокруг – жизнь прекрасная!
В этот день у нас вся страна поёт.
Небо синее, флаги красные.

- Эй, сосед, - кричу, - брось сутулиться,
Заходи на чарку с салатами,
Как положено, - на всю улицу
«День Победы» спеть на Девятое!

А соседко от страха корчится,
Будто стелет соломку заранее:
- Я не знаю, чем всё закончится,
Может вновь отойдём к Украине?

Как легко ему перекраситься.
Мы с соседкой люди разные.
Может так размышляли власовцы,
Когда дед мой лежал под Вязьмою?

КАРАТЕЛИ

О це у Донецке біло гарно.
Их вывели в наручниках попарно.
Построили шеренгой во дворе.
На обозрение донецкой детворе.

Покуда не было ни судей ни милиции,
Народ сбегался посмотреть им в лица.
Но не от холода айдаровцы дрожали,
Когда донецкие «любовь им выражали».

Как рыло опозоренной Европы,
Стояли пленные с эмблемами «укропов».

Молчание немой толпы нарушив,
Вдруг к офицеру подошла старушка:
- Вот ты стоишь, вояка, жив-здоров,
А ты кормил в подвале комаров?
Ты слышал ли когда-то, сын собачий,
Как дети по ночам от взрывов плачут?

И к офицеру, вызывая страх,
Мать подошла с ребёнком на руках:
- Ты знаешь, как ужасно, волчья сыть,
Когда ребёнка нечем накормить?
И, закусив платок, сказала мать:
- Таких, как ты – на месте убивать.

А следом подошёл согбенный дед,
Которому не знаю сколько лет:
- Будь моя воля, я б не отпустил
Тебя... ты бы мосты мостил.

И чтоб, скотина, дать тебе ума,
Ты век бы ремонтировал дома.
Ты в жизни не построил ничего,
Майданский выродок,
А ну – лупи его!

Прости, мой боже, что тут началось:
Их били женщины.
Руками.
Вкривь и вкось...

ПЛАЧ СЛАВЯНКИ

Ты куда уходишь,
Умирая, милый?
Мёдом, сладким мёдом
Я залью могилу.

Чтобы твои рученьки,
Глазоньки твои
Не точили черви.
Взяли муравьи.

Молодые ветви
Поднимают прах.
Мёд переливается
На твоих устах.

Посмотри, хороший,
Не твои ли друзья
Простирают к солнцу
Молодые руки?

Не лежать любимому
В грязи и пыли –
Подниматься радостным
Дымом от земли.

Пусть воркуют гусли.
Пусть дудят в дуду.
Погоди, родимый,
Я к тебе приду.

НОЧНОЙ ОБСТРЕЛ

Спят городишки, войною распятые,
Там, где Россия не в силах помочь,
Жахают гаубицы стодвадцатые
Каждую, каждую, каждую ночь.

Общее горе? Тревога позвала ли?
Но на балконы повысыпят все
Видеть воочью Явление Дьявола
В пламени ада, в ужасной красе.

Вновь от районов соприкосновения
Танки отводим. Скажи, почему
Нету тяжелого вооружения,
Чтобы на равных ответить Ему?

Здесь в ожидании, к смерти прикованы,
Ждут неизвестно какого суда –
Села красивые, разворованные
Теми, кого мы не звали сюда.

КОПАТЕЛИ

Каждое лето студенты Донецкого национального университета экономики и торговли ведут археологические раскопки на местах боёв ВОВ. Дискутируют, спорят. Преподаватели не запрещают следопытам высказывать различные мнения. В горячих студенческих дискуссиях принимал участие и автор этих строк.

Вновь студенты землю беспокоят,
В тексте Реквиема ставят запятые.
Над Донецком небо голубое,
За Донецком степи золотые.

Слышу: рассуждают дальше-больше:
Всё проходит, всё расставят годы.
Может зря освобождали Польшу?
Может зря форсировали Одер?

Шла не здесь ли в боевом порядке
Линия советской обороны,
Коль звенит сапёрная лопатка
Вновь по черепам и медальонам?

Что ж ты, ветер, в голых ветках стонешь,
Аль схватил фашистскую заразу?
Рассыпайся на моей ладони
Угольный патрон противогаса!

Мы пришли, чтоб навсегда запомнить,
Как вершилась горькая Победа.
Но вещает радиоприёмник
Про колонны киевских скинхедов.

НАТЮРМОРТ

В углу стояли автоматы.
Валялись на полу «разгрузки».
Храпели на посту ребята.
И это было так по-русски.

Они приехали без визы,
Рисково одолев границу.
Работал ночью телевизор
Для тех, кому всегда не спится.

Там, на экране, шли дебаты,
Мелькали депутатов тени.
А здесь вчерашние солдаты
Переходили в ополчение.

Там, на экране, люди выли
От залпов «градов» и «акаций».
Вот почему друзья решили
В луганской бойне оказаться.

Они рабы солдатской чести,
Они – кто не смогли иначе,
В кулак собравшиеся вместе –
Солдаты смерти и удачи.

Что им ворона напорочит,
Налают псы сторожевые?
И сладко спят последней ночью
Такие, черт возьми, живые.

СЕРЁГА

Сергею Артёмову

Оставив за полночь вполне уютный дом,
Признайтесь, вы плевали против ветра,
Вы прыгали на ящиках верхом
По бездорожью сотни километров?

И в кабинетах, как в полях футбольных,
И среди тех, кто прав от сих до сих,
Я видел, как Серёге было больно
Выпрашивать лекарства для больных.

Нравоученья он сносил покорно,
Презренье сытых принимал в тоске.
Зато потом на площади соборной
Он, словно крест, держал пакет в руке.

Он был просителем-воителем-борцом.
И в детприютах, где мороз по коже,
Мы называли Сергия отцом,
Хотя он был всех нас тогда моложе.

Ставропольский волонтер С. Артёмов

Если в Ставрополе у главного входа в рынок «Тухачевский» вы увидите старенькую жёлтую газельку с трафаретом "Поможем сиротам Донбасса", знайте: это машина военного пенсионера, афганца Сергея Николаевича Артёмова. Он человек небогатый, но под вечер салон его машины полностью набивается лекарствами и перевязочными средствами, банками солений, мешками с мукой и сахаром, консервами, одеждой и обувью. Это сердобольные ставропольцы, кто чем может, помогают жителям Донбасса. Его хорошо знают в Донецке и Луганске, с благодарностью вспоминают в Алчевске, Торезе, Стаханове, Антраците и Краснодоне. **За полторы сотни рейсов он подарил нуждающимся людям более 180-ти тонн гуманитарной помощи!** Его благословляют в церквях, а несчастные люди говорят ему: спасибо, родной!

МИННЫЕ ПОЛЯ

Вот стоят поля у хаты.
Не засеяны поля.
Здесь вставали брат на брата,
Землю-матушку деля.

Вот стоят поля у хаты.
Не идёт в поля народ.
И лежат в полях солдаты.
Их никто не подберёт.

Их никто не похоронит.
Не предаст сырой земле.
Только мамка где-то стонет.
Только горько-горько мне.

Сколько тола, меди, стали
Бережёт в себе земля...
Заросли бурьяном дали –
Это минные поля.

БОЛЬ УТРАТЫ

Не донесённый в лазарет,
Под обелиском Юрка.
А рядом – пачка сигарет
И шесть окурков.

Дождь пачку вымочил уже.
Над Юркой – комья.
А те ребята в блиндаже
О нём всё помнят.

Кому вручить судебный иск,
Снимая маски?
На деревянный обелиск
Надета каска.

ДОНЕЦКИМ БРАТЬЯМ

Я не ходил в атаку на «Азов».
Не брал ни языков, ни голосов,

Но утверждаю из России я:
Теперь вы - братья мне, донецкие друзья!

Пусть денег у меня свободных нет,
Я привезу вам блоки сигарет.

И, проглотив, по-тихому, слезу,
Я Мишке инсулина привезу.

Я напишу вам песню про зарю
И командиру свой бинокль подарю.

Глава 10

СТИХИ НАПИСАННЫЕ В ОКОПЕ

ЗЕМЛЯК

Мишке «Скифу» из Светлограда

В боевой луганской глине,
Между пушек, невысок,
Жив ещё на инсулине
Ставропольский паренёк.

Он сюда «по озаренью»,
Не за деньги, а за так.
Две нашивки за раненья,
За спиной – Луганский флаг.

Протекает жизнь порою,
Будто детская слеза.
Над кубинской бороδοю
Наши русские глаза.

На горе ли, под горою...
Он пришёл отдать долги.
Мирный город за спиною,
Впереди – одни враги.

ОТПУСКНИК

Я возьму себе отпуск. Поеду в Луганск,
Не снимая разношенных берцев.
Там сражался мой дед, умирая от ран,
Там должно быть и ты, моё сердце.

Ротный рапорт подпишет, крутнув у виска,
Принимая привычно бутылку.
И такая в душе поселится тоска,
Будто еду в сибирскую ссылку.

А в брезентовом сидоре лишнего нет,
Лишь иконка, да ключ от квартиры,
Русский паспорт, аптечка, военный билет,
Фотография 3х4.

Без оружия еду. В таможне я чист.
Пусть обнюхивают собаки.
Я одет по гражданке. Я сорванный лист.
Я готовый боец для атаки.

Отчего я поехал? Да сам не пойму,
Отчего мне в маршрутке не спится.
Это совесть нас вызвала, по одному,
Пересечь равнодушья границу.

Ну не может Россия Луганску помочь
За великую правду сражаться.
Значит, дело за теми, кто вовсе не прочь
За своих земляков пободаться.

Ухожу, я, товарищи, в зону огня,
Чтобы трусостью жизнь не коверкать.
Я не знаю, как примут в Луганске меня.
Как я чисто пройду спецпроверку.

Ты прости мне, жена, что покинул уют
И тебя, и детей наших милых.
Если я не вернусь – они песни споют,
Поправляя венки на могилах.

Но стихи напишу я товарищам всем,
Кто изгваздан и в пепле, и в саже.
Ну а что не смогу, то АК-47
За меня все, что надо, расскажет.

Чтобы правду в душе ставропольской сберечь,
Повторяю я снова и снова:
Я готов стать под пулю за русскую речь,
За великое русское слово.

Ставрополь-Донецк-Луганск 2016 г.

КОМЕНДАНТСКИЙ ПАТРУЛЬ

«Так идут державным шагом...»

А. Блок

В час, когда точит нож брат на брата,
Когда жутью скованны нервы,
Когда выгодно стрелять первым,
По ночному Донецку идут ребята.

Идут, срывая прокламаций листовки,
Идут, незащищённые от пуль.

Фонариком

высвечивая миномётчиков*,

Идёт милицейский патруль.

Твёрже шаг, зорче глаз!
Мы – их? Или они – нас?

Всем, кто мечтал о Европе и Штатах,
Кто обещал
Превратить эту землю в пустыню,
А теперь прячется меж виноватых,
«Вставим дыню!»

Гулок шаг. Мрачен труд.
Четверо патрульных по бульвару идут.

Где ты, скользкая киевская душа?
Где ты, сволочь,
сховавшийся диверсант?

* По ночам украинские диверсанты, обстреливают из миномётов жилые кварталы Донецка. Обычно стрельба ведётся с крытых брезентом «газелей», быстро переезжающих из одного городского двора в другой.

Справа – потёртый ремень калаша,
Слева – Георгиевский бант.

Тверже шаг, зорче глаз! –
Мы – их? Или они – нас?

А в камуфляже чужого покроя
Рванув из страны, где царствует НАТО,
Не ощущая себя виноватым,
Держит шаг комендантского строя,
Прихрамывая, да с больной спиной
После контузии на передовой –
Серб, в карманах которого – ни рубля -
Даян Берич – из патруля.

Даян серб, а что тут такого?
Он тоже воюет за русское слово.
Берич прям, как выстрел из танка.
Он напевает по-сербски «Славянку».

Он нам - товарищ, а не господин.
И мы – не одни, и он не один.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Если нашу армию трогать не с руки,*
Мы ли не из Ставрополя, мы ль не казаки? **

Если нам, станичники, есть чего беречь,
Заступись, калашников, за родную речь!

Поцелуй, родимая, прощевай наш дом.
С Николай Иванычем *** на врага идём.

Припев:

Ты не тронь, и я не трону,
Ты казак, и я казак.
Всё, брат, будет по закону,
А не просто абы как!

* «Российская Армия не воюет в Донбассе» - официальное заявление Правительства России.

** Виктор Страхов из Ставрополя, Денис Свиридов из Шпаковского, Виктор Черныш из Новочеркаска и сотни земляков наших, войдя в состав Всевеликого Войска Донского, отправились в зону АТО, защищать русских.

*** Сформировавшись в осаждаемом Антраците под флагом Атамана Войска Донского Николая Ивановича Козицина, ставропольцы лихо проявили себя в боях под Луганском и Донецком.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВОЙНЫ

Война состоит из мата.
Терпения. Голода.
А ещё из виноватых,
Которые так молоды!

Война состоит из пота
И мозолей от черенка,
Когда окапываться неохота,
А хочется хлеба и кипятка.

Война состоит из дружбы
И осточертения,
Когда от отчаяния нужно
В строю заниматься пением!

Война состоит из вони,
Гноя и гуда машин,
Гильзы в полёте стонут,
И греются калашаи.

Война состоит из трупов,
Разлагающихся на жаре,
И часового, тупо
Мерзнущего в январе.

Победа в крови купается,
Радостью окупается,
Но, несмотря на желанья,
Нет войне оправдания!

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Это вам не Испания !
Это близко.
Вы слышите, близко!

Англосакская сволочь
Корчует дедовobeliski!

И идут против нас
Отщепенцы с бандеровским флагом.

Значит, пробил наш час.
Начинается русская сага.

Мы гостей не просили.

Но, как всё загоралось когда-то:
Подползает
К границам России
С военными целями
НАТО.

Извините заранее
 за конкретику нашего иска:
Это, брат, - не Испания.

Это близко.
Вы слышите? –

Близко...

ЖИЛЕТ «РАЗГРУЗКА»

Жилет «Разгрузка» состоит из сетки,
Которая не впитывает пот,
Когда бежать приходится в разведке
От смерти, если ты не идиот.

Разгрузочный жилет не для болванов,
Хотя и вызывает интерес,
Где симметричность клапанов карманов
Почти уравнивает вес.

Разгрузочный жилет – одежда славы.
Одежда в бой собравшихся мужчин:
Граната наступательная справа,
А слева грозная граната «Ф-1».

Чтоб не кричать «Вперёд!» или «Полундра!»,
Разумнее приспособлений нет:
По поясу картонные цилиндры
Сигнально-осветительных ракет.

Пока за нас ещё не ставят свечи,
Пока нам жены пишут про любовь,
У сердца медицинская аптечка
И красный жгут, блокирующий кровь.

Чтобы идти или ползти по следу,
Под цвет песка и разноцветных глин –
Залог российской будущей победы,
Прекрасная одежда для мужчин.

До самой телеграммы похоронной,
Жилетик милый, ты всегда со мной.
Спасибо нашему министру обороны
И девочке из швейной мастерской.

ПИСЬМО ОПОЛЧЕНЦА НА УКРАИНУ ЛЮБИМОЙ, ТОРГУЮЩЕЙ СОВЕСТЬЮ И ТАНКОВЫМИ АККУМУЛЯТОРАМИ

Ты отдыхала в Индии и Бирме.
Я, строясь, отвечаю невпопад.
Ты финдиректор украинской фирмы,
Я - ополченец, «ватник», «колорад».

Я буду драться за свободу наций,
За то, к чему с пелёночек привык.
Чтоб за медали деда не бояться,
За русский и украинский язык.

Скрипит моя двухъярусная койка.
Глаза мои наполнены тоской.
А твоя фирма поставляет бойко
Аккумуляторы для части войсковой.

Ещё в Донецке догорает школа,
Ещё шепчу я сам себе: - Не трусь.
Ещё звучит команда «Моторолы»
Вставать на битву за Святую Русь.

И вот лежу в степи с застывшим взглядом,
Твой снимок на груди ещё храня.
На БТРе - твой аккумулятор.
А с БТРа целились - в меня.

Ещё ты цены поднимаешь резко,
Ещё растёт товароборот.
Ещё тебе не принесли известие,
Которое тебя убьёт.

НАЗНАЧАЮ СВИДАНИЕ

Крым – наш!

Пока Донецк – в огне, Луганск – в крови,
Мы в Интернете, где проклятья и раздоры.
О, наши – за полночь – признания в любви...
О, наши политические споры!

Я, очевидно, что-то не пойму.
Вы – в Киеве, я – здесь, в своей квартире.
Я назначаю вам свидание в Крыму.
Пусть аборигены нас помирят.

Я путь ищу к вам так, как ищут брод
Через водовороты лжи и злобы.
Пусть ваш сын – майданский патриот,
Поймёт крымчан, ушедших из Европы.

Я – валенок. Плевок стерев с лица,
Довольно вежливо и превентивно,
Я оплачу поездку в два конца
Рублём державы, а не вашей гривной.

Где тот порыв любви? Где тот рычаг,
Которым вы себя перевернёте?
Запятав в сумочку ваш украинский флаг, -
Ну что? Вы на свидание придёте?

Киев-Ставрополь 2018 г.

ХУДОЖНИК НА ФРОНТЕ

От наброска, от характера, от случая,
Самого себя сомнениями мучая,
Замечая боль чужую и страдания,
Будь художником в эпоху созидания.

Отправляйся в беспокойные края, -
Ты ж художник, летописец и судья!

Ты сражаешься за правду, ты – художник.
Ты под пулями поставил свой треножник.
Там, где люди умирают, но поют,
Ты сражаешься за Родину свою.

Лишь однажды, отложив свой карандаш,
Поведешь своих друзей на вернисаж.
И холсты твои разглядывая строго,
Назовут тебя художником от бога.

Будь же верен правде жизни, строгим будь.
Добрый путь тебе, художник,
Добрый путь!

Светлоград - Изварино 2017 г.

ДОНЕЦКИЕ ШАХТЁРЫ

Тот, кто отбойный держал молоток,
Не побежит от врага наутек.

Мы добываем не гривны и рублики –
Чёрное золото нашей республики.

Эй, олигархи! Первые лица,
Видите наши угрюмые лица?

Вы нас не видите? - Ну и не надо.
Скоро шахтёры выйдут из ада.
Сами мы – Армия! Сами – Милиция!
Красные каски. Чёрные лица.

Антрацит 2019 г.

МІЙ ДРУГ

Сергію Москаленко

Припомни, мой литературный Брут,
Театр на Таганке, Бирюлёво...
Боготворя Литературный институт,
Мы там влюбились в Родину и Слово.

Волхонка, Дмитровка, Кольцо, Зелёный дом...
Мне до сих пор общага наша снится.
Ты более меня был москвичом,
Когда рассказывал приезжим про столицу.

- Мы уважаем всех! – твердил Вахид, -
Не путаясь в тенетах нацвопрососов.
Друг другу посвящали мы стихи –
Джамиль, Фатима и Фикре Толоса.

А как мы были на подъём легки!
Ты помнишь наш «Твербуль» в часы досуга?
Когда у нас пустели кошельки,
Как просто выручали мы друг друга!

Когда мы пили за прекрасных дам,
Охотно другу уступали слово.
Но вот нас разнесло по сторонам
И каждый думает, что он правей другого.

Теперь в твоих речах сквозит укор.
И я уже своё имею мнение.
Нас разделил не Минский договор,
А только Полоса разграниченья.

Устало танки выстроились в ряд.
Георгиевская лента на антенне.
Не оставляйте одного меня, друзья,
В минуты колебаний и сомнений!

Удачны ли победные бои,
Где сколько правых - столько виноватых,
Друзья мои, сокурсники мои -
Разменный материал олигархата!

За доллары, за гривны и рубли
Кому из нас лежать на дне окопа?
Траншеи, словно трещины Земли,
Ложатся меж Россией и Европой.

ПОСТИЖЕНИЕ

*В 1979 г. без рубля в кармане два поэта
из Литинститута - Марина Колюбакина
и Петька Прибылов - отправились пешом
постигать истины по Западной Украине.*

Что вам деньги, что обновы?
Как припомню, в горле ком:
Шла Маринка с Прибыловым
По Украине босиком.

Шли упрямы, шли убоги,
Подвернув свои штаны.
И ложилась им под ноги
Вся история страны.

И сливались песни Глинки
За полшага от беды
С песней Леси Украинки,
С виршами Сковороды.

Мову слушали, немея.
И ласкал их интеллект
Музыкальностью своею
Украинский диалект.

Истину со дна колодцев
Доставали там и тут.
Ночевали, где придётся,
Ели то, что подадут.

Марь степная навевала,
И шептал карпатский лес,
Как с Россией поднимались
И Донбасс, и Днепрогэс.

Спотыкались, как на кочках,
От бандеровской муры.
Но уже дымились строчки,
Как бикфордовы шнуры.

Мимо хаты, мимо тына,
Мимо страха, как во сне,
Шли Петруха и Марина
То ли к славе, то ль к тюрьме.

ДОНЕЦК-ЛУГАНСК-НЮРЕНБЕРГ

Приходит экономике конец.
Туда, где не работают законы,
Идут из матушки России на Донецк
Гуманитарные колонны.

Когда везут шоферы молоко,
Когда латает ЛЭПы Росэнерго,
Поверь, красивая, не так уж далеко
От Киева – до Нюрнберга.

РУССКО-УКРАИНСКАЯ СВАДЬБА

Сделав «Запорожцу» знатный тюнинг,
Захватив и сала и сольцы,
Еду я в люстриновом костюме –
Расступись «купцы» и «продавцы»!

Я иду сюда не за невестой.
Я иду, ребята, - за Женой!
Все ступеньки у её подъезда –
Все! – перецелую до одной.

Оборвав родителей тирады,
За трахею взяв свою мечту,
Начихав на все косые взгляды,
Сам надену на Неё фату.

Всю Её, как крепость, атакуя,
Прошептав: - Желаю и люблю. –
Первым принародным поцелуем
Свадьбу на лету остановлю.

Не смотри, любимая, сурово:
В вышиванке тамада сидит.
Слышишь, как украинская мова
В каждом тосте весело звучит?

Посмотри вокруг на всё на это:
Каждый волен жить, как он привык.
Никогда не будет под запретом
Украинский ласковый язык.

Пейте самогонку, режьте сало.
Пропадите пропадом года.

Всюду ты, невестушка, бывала,
А на русской свадьбе никогда.

Тосты,
 песни,
 пляски,
комплименты.
Буду видеть, подтянув штаны,
Как в последний раз
 все конкуренты
Пьют из туфельки моей жены.

Будем помнить русские забавы:
Как летели гривны и рубли,
Как до порошковской канавы
Тестя с тещей
 в тачке повезли.

Породнимся,
 словно две державы,
Песни украинские споём.
В Ставрополе скажем:
- Боже правый...
В Киеве дубовый кол забьём.

И в угоду
 свадебному люду,
Нам подарят люльку и кровать.

Будешь, дорогая, бить посуду.
Буду дорогую целовать.

Я тебя целую,
 как девчонку,

Глава 11

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Уже без вина
от твоих поцелуев я пьяный.
Ты слышишь, родная,
как в сердце поют соловьи?
Любимая, здравствуй!
Твой День наступает,
Татьяна,
На вечную радость,
на годы - твои и мои.

Друзья и враги,
о зажгите венчальные свечи!
Спасибо Тебе,
что нашла меня, искренний Друг.
Господь Всеблагой
подарил долгожданную встречу
С Тобою. Единственной.
Всё озарившей вокруг.

Кричи на меня. И давай мне дурные советы.
Кокетничай. Умничай и улыбайся, браня.
Хочу просыпаться со страхом:
а, вдруг, тебя нету,
Как не было долгие месяцы возле меня.

Полжизни прожив без тебя,
я и счастлив-то, кажется, не был.
Я жил без тебя,
как пещерный дикарь без огня.

Ты мне развязала язык
и приблизила небо.
Спасибо за то, что ты выше и лучше меня.

Зову тебя ласково – «милая»,
Ты меня – «милый».
Идём, взявшись за руки,
снова друг друга любя.
Я счастлив писать тебе вирши
до самой могилы,
А, если ты раньше умрешь, то и после тебя.

Кто станет из нас олигархом,
банкиром,
калекой?

Что кланчить у жизни?
Что тень наводить на плетень?

Да будет прекрасен День,
длящийся более века –

Один на двоих,
удивительно радостный День.

ТАНГО «ФАНТАЗИЯ»

Мне пригласить бы вас под соснами в Паланге
Закатным вечером
на медленное танго,
Чтобы песок и шум морской волны
Не нарушали царства тишины.

Чтоб музыка
сосновыми
ветвями
Тянулась еле слышно вслед за нами,
Чтобы потом
от счастья
при свече
Вы засыпали на моём плече.

Мне пригласить бы вас
в мой холостяцкий домик,
Где из вещей –
лишь этот новый томик
Моих стихов, написанных в надежде,
Что я увижу, как снимаете одежды -
Очаровательны, покорны и тихи,
Чтоб я одел вас в новые стихи.

Мне пригласить бы вас
на творческий свой вечер,
Когда дышать мне станет уже нечем,
Чтоб при провале,
как в кошмарном сне,
Одна вы встали
и похлопали бы мне.

Мне пригласить бы вас
в зал бракосочетанья
Закончить эту эру вычитанья,

Чтобы единым росчерком пера
Открылось время созиданья и добра.

Мне пригласить бы вас...

Но что же я робею?

Что подойти, как равный, к вам не смею?

Что не спрошу спокойно:

- Как дела? -

Садясь на кафедре на краешек стола.

О, если бы,

встречаясь ежедневно,

Я мог сказать вам:

«Вы моя царевна,

Владычица моих прекрасных снов!»

Но где найти так много нужных слов?

КАФЕ ПОЭТОВ

Я заказал столик
Для нашей последней встречи.
Да нет же, не у Максима,
Не в баре Фоли-Бержер.

Дай мне свою ладошку,
Доверься тому, кто знает,
Где дирижирует Вечность
Оркестром былых времен.

Нет, моя дорогая,
Не вверх, не в страну Валгаллу,
Где восседает Один,
Валькирий не торопя,

Где белые кони бродят,
Чуть шевеля крылами,
И умершие герои
О подвигах говорят.

Доверься тому, кто сходит
Вниз
 по крутым
 ступеням
Туда, где сидят солдаты,
Погибшие от любви.

Дерюги, камзолы, фраки,
Гимантии и хитоны...
И пониманье темы
 Общей для всех. Одной.

Давай-ка и мы присядем
За наш деревянный столик.
На нём, пока мы спускались,
Кто-то зажжёт свечу.
И кто-то для нас поставил
Осенние туберозы.
Ты замечаешь, в зале
На столиках нет цветов?

Сидят до утра поэты,
Друг другу стихи читая,
Ах, как им грешно и сладко
Шампанское забывать!

И падают капли воска,
Как слёзы у Ниобеи.
И трубочный дым так горек,
И прошлого не вернуть!

О чём-то неповторимом
Печальный Орфей играет,
И слушает Северянин,
Как плачет стихи Бальмонт.

Они потеряли милых.
Они же расстались с ними.
Ты видишь, как Пушкин с Блоком
Посматривают на нас?

Венгерки и эпoletы.
Классические поэты.
А, всё-таки, взгляд оттуда –
Довольно печальный взгляд!

И Фёдор Иванович Тютчев,
Погладив запястье Фету,
В сторону нашу глядя,
Встаёт, направляясь к нам.

Прихрамывающей походкой
Приятель Генриха Гейне
Испрашивает позволенья
С нами поговорить.

Ведь мы же пока живые.
И можем свершать ошибки,
И можем творить, как боги,
Пока нам дано любить.

- Окажете честь, коллега! –
Я классику стул подвинул.
А он поклонился даме
И руку поцеловал.

Сидеть наравне с Поэтом,
Волнуясь, как в ЦДЛе...
- Ангела, - Фёдор Иванович, -
Не встретили в небесах?

- Что - я, если... одиноко
Созвездием быть Орфею.
- А почему поручик
Без Вари Лопухиной?

И Тютчев сказал, вздыхая,
Вдыхая цветочный запах:

- У Вас есть живая Муза,
Храните её тепло.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ.
Художник П.Я.Павлинов.
Гравюра 1932 года.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ ЗВЁЗД

В тихий час катастрофы Вселенной,
В пустоте замерзающих скал,
Номер твой, как сонату Шопена,
По мобильнику я набирал.

И опять мы с тобой говорили
Через трепет магнитных антенн,
Что писал ненаглядной Люсилли
Перед казнью Камилл Демулен.

Уготована высшая мера -
Крест пылающий и колесо -
За безумные письма Вольтера,
За Ринальдо Торквато Тассо.

Хоронясь за комедии Плавта,
Я твердил, попирая свой страх:
- Мы с тобою, как два космонавта,
На лету разминулись в годах...

Ты, как мячик бросала мне:- Разве?
Ты ломала шлагбаумы лет,
Вспоминая Нино Чавчавадзе
И Лауры божественный свет.

Эта нежность копилась годами.
Этот шаг до отчаянья прост.
Мы сейчас разгадаем губами
Божью тайну рождения звёзд.

В САЛОНЕ НОВОБРАЧНЫХ

С любопытством смотря на прохожих,
Среди брошек, серёг и колец,
На хорошего чёрта похожий
За прилавком стоит продавец.

У витрины соседей толкая,
Где всё время царит суета,
Я кричу, продавца окликаю:
- Сколько стоит вот эта фата?

Старый чёрт подползает улиткой,
И тихонько, как истинный спец,
С непонятной и странной улыбкой
Философствует продавец:

- Деньги тут не имеют значенья.
Если хочешь увидеть свой свет,
На прилавке оставишь - Сомненья
Вместо пригоршни мелких монет.

Душу вывернешь, без скопидомства.
И оставишь ты, мой балагур,
Все сомнительные – Знакомства
Вместо розовой пачки купюр.

Милый, лысому чёрту в угоду,
Заходя за святую черту,
Заплати – Холостяцкой Свободой
За волшебную эту фату.

Ничего не даётся бесплатно.
Э, да что там, дружок, говорить,
Заплати мне, пожалуйста, клятвой
Эту женщину - удочерить.

Есть решимость, желание, дума,
Что бы ни было – вечно любить?
Посчитай, наберётся ли сумма,
Чтоб за счастье своё заплатить?

Вместо сдачи дам – Ревности схватки,
(Утаи-ка ты их от друзей!)
И тогда эти лёгкие складки
Станут крыльями милой твоей.

Я считаю, считаю, считаю.
И кричу, заходя на черту:
- Лишь решительности не хватает.
Отложите на время фату!

Чёрт в ответ:
- Ладно. Все вы такие.
Только, милый мой, ты уж прости,
Не раздумывай, могут другие
Очень скоро её унести.

ПОЭТЕСЫ XIX ВЕКА

Мы «рубим бабки», как Сибири дровосеки.
Мы «гасим конкурентов» по злобе.
Но поэтессы девятнадцатого века
Ещё напоминают о себе.

Посередине интернетного уродства,
Читая, начинаешь понимать,
Что бедность не мешает благородству,
Порядочность достоинству под стать.

Стихи не разменять на хлеб и сало.
Поэзия крепка, как не крути.
И, значит, в нас ещё не всё пропало –
Горят лампы на святой Руси.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Исходя из постоянства,
Не садитесь с нею близко.
Ах, как манит аспиранство
Золотую медалистку!

Пусть она куда-то мчится.
Дайте ей шлепка в дорогу.
В этой первой ученице
Чересчур тщеславья много.

Под собою ветку рубит
Эта пламенная дива.
Может быть, когда полюбит,
Станет менее строптивой?

А когда семья закружит,
(К черту камерное пенье!)
Вот тогда, родного мужа,
Будет слушать с наслаждением.

ДВА КЛЕРКА

Ни о чём не думая, посредине дня
Слушай, полоумная, обними меня!
Дорогая вредина, всё – в тебе одной:
То ли час обеденный, то ли рай земной.

Где уединимся мы, там же и поймём
Для чего родились мы, для чего живем.
Здесь на подоконнике целовать готов
Рученьки сведённые стрелками часов.

А в конторе родненькой общий ох и ах:
Сразу двух сотрудников нету на местах.
Над планктоном офисным
 пусть грохочет гром,-
Всех, кто зол, на свадьбу мы
 скоро позовем!

САМАЯ - САМАЯ

Когда ты ведешь семинары
Такая...
Ну, вроде...-
Совсем незнакомая,

Когда на Учёном совете
Даешь ты советы –
Толковые,

Когда посещаешь театр
И эти фуршеты
Постылые,

Когда постирушки твоих атрибутов
Свершаю, блаженствуя, милая,

Ты – Самая -
Самая-
Самая!

Так будь же отныне мне
Дочкой, Сестрою и Мамою.

Так стань же единственной радостью
В скучной судьбе.

Свет клином сошёлся,
Да-да! –
На тебе.

Вы самая элегантная среди гуляющих подруг,
А я вкалываю, как в каменоломне.
Вы – кандидат экономических наук,
А я даже таблицу умножения не помню.

Вы изумляете форелью
и варениками на меду,
А я в области яичницы большой новатор.
Простите, но вечером я не пойду
Ни в областную филармонию, ни в театр.

В моей квартире царит тарарам,
А у вас движения плавные...
Вы хороши. Но не звоните мне по утрам.
И вообще, секс это не самое главное.

КАНДИДАТ В НЕВЕСТЫ

Что мне
Хозяюшка у плиты?
Для меня человечество –
Это - ты.

И что мне шуба твоя
Из собольих шкур?
Когда ты – мой кислород
И бикфордов шнур!

И,
В конце-то-концов,

Что мне твоя учёная степень
Она не к месту,

Когда ты
Мой Кандидат-
В невесты!

Космонавт в сурдокамере истово хочет общенья.
Вера Фигнер стихами исходит в тюрьме.
Я тебя потерял. Но, твоей становящийся тенью,
В одиночке своей я страдаю, мой друг, по тебе!

Как же мне позабыть все твои золотые закаты?
От тебя ли отречься?
Забуть твой божественный лик?
Вспомню пальцы твои и услышу Аппассионату,
Если вновь лунный луч
просияет по клавишам книг.

На твоих ли друзей насылать, дорогая, проклятья?
Раз тебе хорошо – за тебя буду рад, я пойму...
Если эта любовь
по жестокости схожа с распятым,
Значит тяжесть креста я уже не отдам никому.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Мне не нужно блинов
И пилюль из дежурной аптеки.
Напишите письмо
В стиле прошлого века.

Выходите на свет,
Бриллиантовых слов не жалея.
Мы отбросим, как бред,
Телеграфный стиль
Хемингуэя.

Напишите, как друг,
Даже если писать будет нечем,
Приоткрыв ноутбук,
Вы зажгите высокие свечи.

Нам дороже побед
И карьер, и случайной постели
Белый цвет – нашей совести свет,
Проступающий сквозь акварели.

ТРЕУГОЛЬНИК ВЕНЕРЫ

Кто из гордых мужчин
На пути
 не встречал
Женских
Тихих и сдерживающих
Начал?

Ну, а если
Однажды
Терпели вы крах –
Тело лучшей из женщин
 внушает вам страх.

Бесполезно
О главном молиться с утра,
Если линия жизни идёт – от бедра!

Каббалических знаков
 не ведает Бог –
Столько сил колдовских
 в треугольнике ног!

Если любишь –
 смелее плыви, Магеллан:
Тело милой загадочно, как Океан.

И мечта – и боязнь,
И соблазн – и каприз.
Все другие красавицы – лишь компромисс!

Без стыда и одежды.
Обетов и слов.
Правил нет никаких в отношенье полов.

По тебе ли обложкою
Плакал «Плейбой»,
Изначально
Проигрывая перед тобой?

Что не ты- то подделка!
На том и стою.
Без тебя не хотел бы я жить и в раю.

Если замуж решишься,
Чего же ясней,-
Мне заказан покой до скончания дней.

ЭЛЛАДА

Легко и беспечно, смеясь и маня,
В какой-то немыслимо жуткой усладе
Ведёшь и ведёшь, как Вергилий, меня
По древней Элладе, по древней Элладе.

Пушинки улыбок на наших губах.
Такое лишь в юности может присниться.
Неравенства не было в этих краях.
Мы – сильные птицы, мы – равные птицы.

В кармане Овидий, а в термосе ром,
И в камере кодаковская фотоплёнка.
Навеки, навеки, навеки вдвоём,
Беспечное милое чудо, девчонка.

Достойный тебе подбираю я фон.
Ты к южному солнцу ещё не привыкла?
Стань здесь: сзади иктиновский Парфенон,
Афинский ансамбль эпохи Перикла.

Тебя обнимает небесная синь.
Небрежно развязываешь сандали.
Так раньше сюда прототипы богинь
На мрамор нагретый туники роняли.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВРЕМЕНИ

Вы помните, ещё до нашей эры,
Смеялись мы, разделавшись с долгами,
Когда мы выходили из Пирея
Под вечер, под косыми парусами?

Вы помните египетские ночи,
Нил, обнимающий папирус лодки,
Что вам тогда ещё Помпей пророчил,
Смеясь над этой царственной уродкой?

Вы не забыли, как собой рискуя,
Мы сыр с вином Овидию возили?
И вы его, опального, целуя,
Шептали: звёзды остаются в силе.

Кренился мир, произнося обеты,
Молились рыцари Прекрасной Даме.
Свершалась эволюция планеты,
Ведь мы же оставались вместе с Вами.

ДОЧЬ АФРОДИТЫ

Она и в одежде – голая.
Идёт, зажигая свет.
Цветы поднимают головы
И долго ей смотрят вслед.

Догадываюсь, робея –
Настолько рельефна мысль:
Всё, что связано с нею,
Нездешний имеет смысл.

Прислушиваюсь к каждому слову,
И верить уже готов:
Она из каких-то новых,
Иль очень древних миров.

О, как я храбрюсь для виду,
Угадываю – ну и дела! -
Эллада иль Атлантида
Такую вот создала...

СНЕГ

Уже сентябрь, скажи на милость!
Уже летит мохнатый снег.
И ничего не получилось,
О чём мечталось по весне.

Белым - бело на месте пашни.
Дорога больше не видна.
Приходит вечер, и не страшно
Сидеть у проруби окна.

Как валит снег, как небо мглисто!
Я буду биться об заклад,
Что это шапки оптимистов
Обратно медленно летят.

БИЗНЕС-ВУМЕН

Отряхнувшись от забот, как от трухи,
Пишет баба ночью детские стихи.

Расплывается от капельки строка –
С жизнью девушка сыграла в дурака.

Проклинает ли печальный свой ночлег?
Догоняет ли коротенький свой век?

Перед зеркалом валяются духи.
Ночью баба пишет детские стихи.

Есть любовник. Лексус дремлет у дверей.
Только нет у бабы маленьких детей.

Потому и наполняется строка
Теплотой её грудного молока.

Завтра утром баба джип свой заведёт.
Маникюром небеса к себе пригнёт.

Окаянно будет завтра. А пока
Ищет мира покаянная рука.

Пролетают косяками женихи.
Бизнес-вумен пишет детские стихи.

ЛЮБОВЬ СТАРИКОВСКАЯ

Ну до чего же хорошо вдвоём
Взяв рюкзаки, покинуть тёплый дом!

И – на поляну, чёрт возьми, в который раз...
На ту, где всё случилось в первый раз.

Да здравствуют хождения в леса,
Нас посвящающие в чудеса!

Как буриме. Как коллективный стих
Одну палатку ставим на двоих.

Садимся на любимое бревно.
Оно знакомо нам уже давно.

С годами всё понятно между строк.
Приятен молчаливый диалог:

- Последнюю листву теряет дуб?
- Мне, кажется, он, всё же, - однолюб...

И отвечаешь ты, товарищ мой,
От дыма навернувшейся слезой.

Костёр моих желаний не угас.
Но ярко он горит в последний раз.

Жена моя, подруга и сестра,
Пожалуйста, погрейся у костра.

Да, я настойчив. Мне же хочется успеть
В последний раз любимую согреть.

МИМО СТАРОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Вы говорите, что жена стара?
Я брал ее когда-то на «ура»,
Как крепости отчаянно берут,
Когда и сам бывал довольно крут.

Я помню общежитье №5,
Куда так просто в форточку влезать.
В одной из комнат там была кровать,
Нас заставлявшая друг друга обнимать.

Мы были молоды, чего ещё желать?
Нам нравилось матрасы прогибать.
Ах, как бы нам сейчас расцеловать
Ту панцирную ржавую кровать!

Теперь мы по-супружески вдвоём
Степенно мимо юности идём.
Но ни один рискованый верхолаз
Не угадает родственников в нас.

А вот о том, что мы остались там,
Где время подчиняется цветам,
Где дороги секунды доброты,
Об этом знаем только я и ты.

Они всю жизнь друг с другом говорили
О бабочках, о росах на лугах,
О том, как дороги автомобили
И о перегоревших утюгах.

И в долгих спорах о социализме
Они могли вдвоём про всё забыть.
Но вот один из них ушёл из жизни
И враз другому расхотелось жить.

И он не трогал старые обои,
Не переделывая в доме ничего...
Как будто унесла Она с собою
Весь смысл существования его.

НАША ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

Когда я умру,
а, быть может,
уйду к новым звёздам,
Вы эту тетрадь
положите
к себе под подушку.
И не посвящайте
последнюю вашу подружку
В то, что там написано
нами так честно, но поздно.

На ваших очках
снова ниточкой связана дужка.
На тумбочке старой,
простите меня,
бога ради,
Я вижу:
таблетки лежат
на раскрытой тетради,
На строки поэмы
сиделкой
поставлена кружка.

Вы будете жить ещё долго,
я вас уверяю,
Вы будете жить,
но, простите,
уже не со мною.

Где шли на субботники девушки
в красных косынках,
Где парни поили пустыню водой канала.

Прочтёте ль по памяти
строки стихов,
умирая,
Как весело жили
как двигали вместе
эпоху?

И тихо,
до крика,
до слёз,
до предсмертного вздоха
Захочется жить,
о чудесной поре вспоминая.

МОЙ ПОЛОСАТЫЙ РЕБЁНОК

Сделаю фарш из куриных печёнок,
Мягко ему постелю.
Есть у меня полосатый ребёнок.
Я его очень люблю.

Банку с компотом катает по кухне.
Ручки буфета грызёт.
Скоро бабахнет, или бубухнет
Тем, до чего доползёт.

Снова удумает с тапком бороться.
Вновь с шифоньера парит.
Сзади ко мне на плечо заберётся
И, как на троне, сидит.

Пусть наш диван с наслаждением изгрызан
И поцарапан весь стол,
Смотрим на пару мы с ним телевизор –
Мы обожаем футбол!

Хитрости есть у него и отмычки.
Всё у него по уму.
Все мои слабости, бзики, привычки –
Всё переходит к нему.

Сахар рассыпав, глядит так влюблённо...
Больше терпеть не могу.
Вот доберусь до тебя я, котёнок,
Когти тебе подстригу!

Но среди ночи меня беспокоя,
Грозно мурлычет свой марш:
- Папка,- кричит,- дай мне мясо сырое,
Или какой-нибудь фарш.

В дерзкой мечте о высоких заборах
Шапку наденет и шарф.
Как же душе моей, всё-таки, дорог
Мой драгоценный кошмар.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

Поверить в оптимизм метеосводки,
Морщинки в зеркале разглядывать на коже.
Какая глупость – в разных сковородках
Поджаривать почти одно и то же!

В потрепанной джинсе или сорочке,
Пощёлкав пультом телек наудачу,
Как неразумно в разных одиночках
Одни и те же видеть передачи!

На проигрыш настроясь изначально,
Изведать вдоволь будничности бремя...
Две параллельных жизни так печальны,
Так независимы в одно и то же время.

НЕ ПИШИТЕ СТИХИ

Надо ль сердцем стучать,
Если правильно дышится?
Не пишите стихи –
Они сами напишутся.

Если каждый ожог,
Зарастёт новой кожицей,
Нужно правильно жить –
Остальное приложится.

КЛИН КЛИНОМ

Мне ли смотреть на Вас сверху вниз?
Позвольте с коня спешиться.
Такие стихи не читают на бис.
После таких – вешаются.

Талантливейшую гостью
Спросят ли о здоровье
Пастернак, писавший костью,
Есенин, писавший кровью?

И, чёрт с ним, - с благополучием!
И, бог с ними, - с кавернами...
Вы пишете – это лучше,
Чем быть угодливо-верной.

Что Вам мирские горести?
Карандаш, бумага... - и вот:
Выходит, *добавив* скорости,
Из штопора самолёт.

ТВОРЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК

Какая прелесть –
книжки как попало
Раскрытыми бросать на край стола,
Не дочитав...
И замечать устало.
Что вновь рассвет, что ночь уже прошла.

Я вновь один.
Никто меня не смеет
Учить, как следует вести дела,
Что надо засыпать, когда темнеет...
Прости им, бог, приличные слова!

Я с книгой новой - как с подругой новой.
Пусть рядом никого со мною нет,
Горбатится в печи микроволновой
Мой ужин-завтрак-полдник и обед.

Мелькают годы, города, понятия:
Стоунхендж достраивают...
Крутится праща...
И это стоит женского объятья,
И это стоит мисочки борща.

Рассветом бледным или ночью поздней
Пусть одинокому полшага до беды,
Но я свободен наслаждаться жизнью.
Светает.
Дождь смывает все следы.

ЭЛЕГИЯ

Не листопад –
 спадают крылья с плеч.
Усталая, присядешь на диване.
Я затоплю остывшую печь,
Как будто заиграю на органе.

Лиловый лес
 сомкнется за окном,
И темнота уже не тревожит.
Нам всё равно, что станется потом,
А этот день был друг для друга прожит.

Недолог путь
 декабрьского дня.
Но долги вечера...

Лиловой ранью

Давай, мой друг, присядем у огня
Разматывать клубок воспоминаний.

КИПР

Мы любили с тобой на Кипре
Всё живое на белом свете.
Но о чём-то вздыхало море
С затонувшими кораблями.

Мы бродили с тобой по пляжу.
Ты среди голышей искала
Камень, смахивающий на сердце,
Чтоб везти контрабандой в Киев.

И когда нам везло с находкой,
Мы опять целовались дважды.
Галька, выброшенная морем,
Обжигала твои ладони.

А потом молоко ослицы,
Крепче чар афродизиака,
Нас дурманило и пьянило,
Как Адониса с Афродитой.

Будь вовеки неповторима!
Будь единственна и прекрасна,
Как мозаика из Равенны,
Как из Пафоса Панагия!

А потом на карете белой
Мы катили по побережью
И про нас сочиняли мифы
Аплодирующие пальмы.

А потом, как молочник - в белом,
В деревушке какой-то горной

Украшал я свою богиню
Левкаритики кружевами.

Здесь живут со времён Александра
Православные и мусульмане.
Здесь живут, не воюя, турки.
Здесь живут, не стреляя, греки.

Но закончится время мира
И возьмёт нас в штыки реальность
С трапа белого парохода,
С трапа белого самолёта.

ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ

Плывём так сказочно, так просто
По шитой золотом реке.
Наш белый домик, белый остров
Покачивает налегке.

Мы пишем песню - слово к слову,
И так простителен просчёт,
Пока предчувствие большого
В нас не оформилось ещё.

Спят берега на водной глади.
Волна колеблется едва.
И перепутались тетради,
И отодвинулись дела.

Ещё окажет память милость,
Ещё мы спросим:
— Отчего
Так безмятежно говорилось,
Так не хотелось ничего?

Как хорошо в такую осень
Про всё забыть.
И не стоит ещё вопроса,
Куда
 нам
 плыть?

МОСТ СЧАСТЬЯ

Есть мост по преданьям Корана
Над бездной у райских дверей.
Он детского волоса тоньше,
Он сабли джигита острей.

Есть мост меж
 людскими сердцами,
И как подтвердили века:
Для лживых он сабли острее,
Для злых не прочней волоска.

Всё это усвоить непросто.
И люди, и черти в аду,
Смотрите -
По этому мосту
Я к сердцу любимой
Иду.

* * *

Я хочу с тобой шататься
по проспектам
предрассветным,

Я хочу с тобой листвою
очарованно шуршать.

Я хочу с тобой быть рядом,
понимаешь ли ты это?

Понимаешь,
понимаешь,
как же это не понять!

Я к тебе ещё приеду.
Я ворвусь к тебе
с перрона.
Я тебя осыплю градом
поцелуев и речей.

Мы ещё с тобой разделим
общежитских полбатона,
Пополам гранат распилим,
чай заварим горячей.

Будем пить и обжигаться,
торопливо таратора.
Будет голос твой хороший
колокольчиком звенеть.

А потом о самом главном
 прочитаю я во взоре,
Друг на друга будем молча
 очарованно смотреть.

Я шепчу, билет сжимая:
Дай нам, боже,
 чтобы спелось,
Чтобы в нас навеки слилось
Всё твоё
 и всё моё.

Чтобы было всё на свете
Так, как милой захотелось.

Чтобы был я до могилы
Вечно подданным её.

Когда мне некому помочь,
И нету друга, кроме Блока,
Когда зализывает ночь
Оранжевые раны окон,

Я говорю, что всё пройдёт.
Что скоро станет всё иначе,
Что эта женщина придёт
И сядет рядом,
И заплачет...

Переплетая голоса,
Мы позабудем о пропаже,
Когда опять её коса.
Мне тяжело на горло ляжет.

Я прошепчу ей:
- Ну и пусть,
Войди ко мне!
Я вновь поверю...
Я поздно за полночь ложусь,
Давно не запирая двери.

ПАНДЕМИЯ

Коловращение народа.
Кто мёртв, кто болен, кто здоров.
На старой вешалке у входа
Уже свободных нет крючков.

Здесь дело вовсе не в зарплате.
И на судьбу свою не злясь,
Спят женщины в мужской палате,
На тумбочки облокотясь.

Они в супружестве законном,
В российской, горестной тоске
На этаже инфекционном
Спят, как всегда: рука – в руке.

И слышу я под шум пороши
Уж не «пардон» и не «мерси»:
- Мой милый, я тебя не брошу.
- Любимая моя, спаси!

ДВЕ ЧАШКИ

До чего же мы свободны,
Волю вольную любя!
Утром чай налью в две чашки,
Буду пить поочерёдно.
Буду пить поочерёдно
За тебя и за себя.

Может что-то я не понял
И, впадая в тихий транс,
Буду греть в своих ладонях
Остывающий фаянс.

Я отдал бы всё на свете,
Если б раньше видеть мог,
Как предельно чист и светел
Нежных губ тепло хранящий
Золотистый ободок!

Всё, как в жизни...
Так бывает...
Но понять не в силах я
Что ж так быстро остывает,-
Как живая – остывает! -
Чашка белая твоя?

За окошком ветер свищет,
Намекает, что не стар.
Только я ловлю губами,
Словно дым над пепелищем,
Поднимающийся пар.

ЗА ЖЁН

Гася ладонями протяжный звон бокала,
Закусывая ломтиками дынь,
Я пил коньяк с послем Туркменистана,
Чтоб между нами не было пустынь.

Потом за Фариду и за Татьяну
Мы сдвинули бокалы на столе
За самых умных, преданных, желанных,
За самых лучших женщин на земле.

За тех, кого ни разу не носили
Мы на руках, переступив порог...

Мы в первый раз так виновато пили
За тех, кто состояться нам помог.

Глава 12

ФРЕСКИ

ГЛОТОК ВЕЧНОСТИ (Нефертити)

*Празднуй радостный день и не печалься.
Ибо никто не уносил добра своего с собою.
И никто из тех, кто ушёл в вечность,
Не вернулся обратно.*
Песнь арфиста. Египет. 20 век до н.э.

Не из мрака и крови, а из Нила с утра
На небесной корове поднимается Ра,
Чтоб в династии новый
на египетский трон
той небесной коровой
был рождён фараон.

Каждый раз, как нубийцы
проворонят рассвет,
Начинают убийцы
исчисление лет.

Новый век, как ребёнок,
потирает виски.
Новый день, как телёнок,
Вечность пьёт из реки.

Всё туманно и сыро,
но жрецы не солгут:
Серединою мира
этот день назовут.

Сколько в Фивах отваги!
только время гноит
Деревянные тяги внутри пирамид.

А потом через горькие слёзы и стон
Город строил для новых богов Эхнатон

Раб

не стоил ресницы.
Туф крошился, как мел.

Только скульптор,
Влюблённый в царицу -
Посмел:

Сердце молотом бьётся,
И рубило поет!
Остановлено Время
Улыбкой
Её!

Египтологам

вряд ли такое понять:
Что за сила
бросает столетия
Вспять.....

Что швыряет века и империи
Ниц
Ради губ
Не целованных нами цариц.

Есть во имя богини Восторженный труд –
Это чудо на свете
Любовью зовут.

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

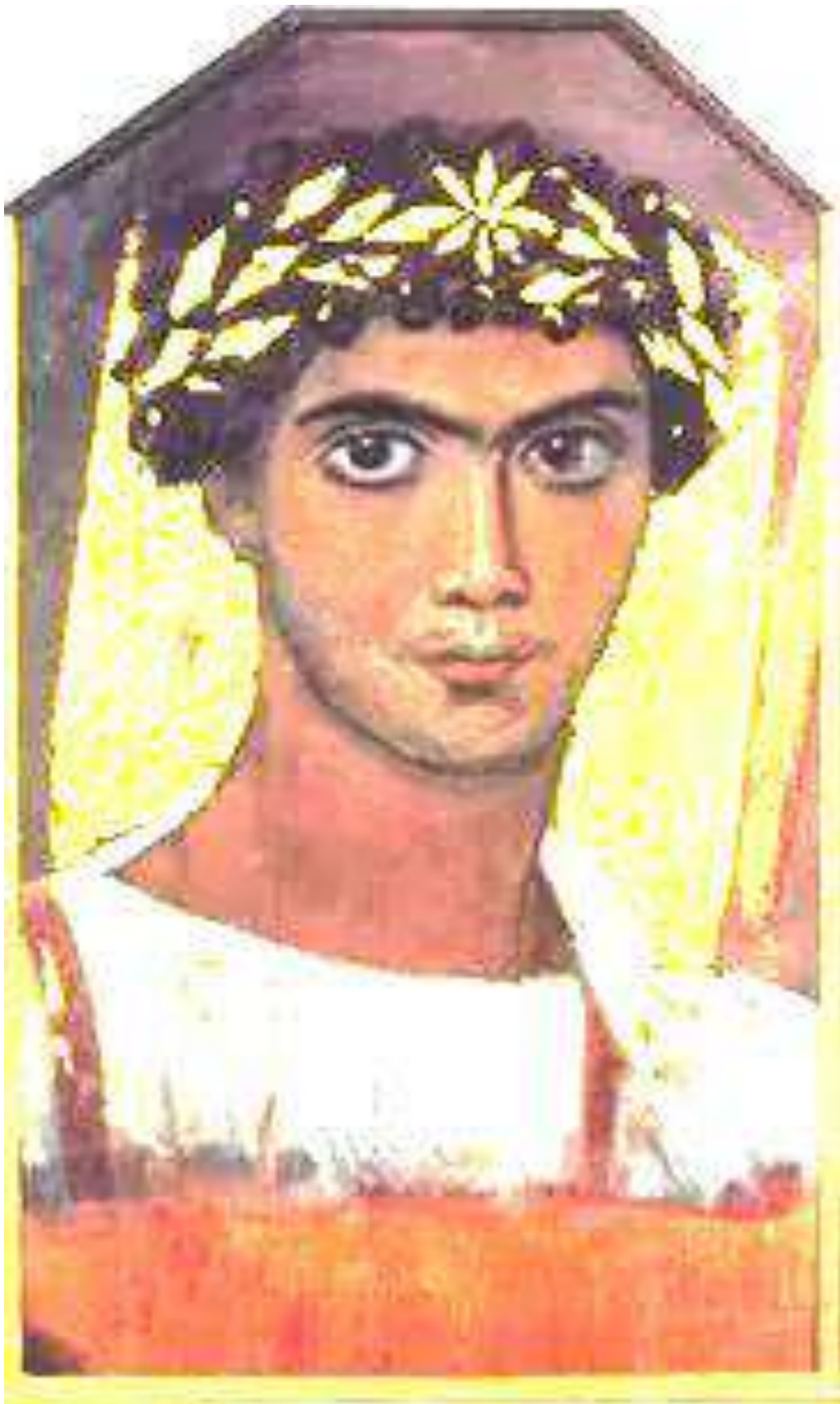
Читаю «Тексты пирамид»
Заупокойных ритуалов,
Где «Книга мёртвых» говорит
О династических началах
Царей, ушедших на покой,
Приверженных такой-то вере...

Неслышно праздною рукой
Листаю записи мистерий.

Течёт истории река
И моет фрески и скульптуры.
Листает древние века
Латинская клавиатура.

Попыток новой мысли нет.
Канон спокойствие пророчит.
Страшны длиною в сотни лет,
Темны египетские ночи.

Блеснёт ли мысль, как метеор,
Не потревожив поколений...
Я наклоняю монитор,
Кляня партийность «Книги Бдений».

Фаюмский портрет, I-III вв. н.э.

ГЛАЗА ФАЮМСКОГО ПОДРОСТКА

Час ночи.
Падаю без сил.
И думаю под одеялом:

- Я блок питания погасил?
- А принтер вырубил?

Устал я.

Льёт дождь.
И за окном гроза.
Уснуть бы.

Но уснуть непросто:
Меня преследуют -
глаза...

Глаза
фаюмского подростка.

Пацан
Доверчивый
Родной –
Что привязался, как холера?
Ты похоронен был не мной.
Давно
Еще в начале эры.

Ты хочешь баюшки-баю?
Ну что за триллеры в постели?

Я знаю: мумию твою
Уже три раза кошки съели!

Цвета – по воску,
Как цветы,
По доскам мертвенно угрюмым.

Но разве...
Разве умер ты,
Мой милый мальчик из Фаюма?

Час ночи.
Перестань бесить.

Иди к своей умершей маме.

Что хочешь у меня спросить
Своими взрослыми глазами?

Отстань, пацан!

(Весь сон пропал.)

Я не из шайки похоронной!

Включаю новостной канал,
Нашарив пульт дистанционный.

Там снова:
 нефть,
 бензин
 и газ,

Стотысячные
выступленья
граждан...

Народы,
жившие
до нас,
Такой ли вы хотели правды?

А мальчик,
искренность храня,
Как только у детей бывает,
С надеждой смотрит на меня.

И, как ребёнок,

Ожидает.

ЛАСТОЧКА

Первая ласточка,
 экое горе,
Что, не согревшись,
 трепещешь в руках?
Кто тебя гонит от Красного моря,
Что тебе надобно в наших краях?

Еле очнулась –
 порхнула мгновенно
Косо и криво,
 зови – не зови,
Не о тебе ли слагали легенды
Вечно искавшие верной любви.

Только сойдет снеговая обида,
Лето цветами ещё не горит,
Ищет Осириса
 птица Исида,
Ласточкой
 падая
 с неба навзрыд.

Ну и полёт...

Так бегут от испуга.

Что же
 в своей одинокой беде,
Птичка,
 богиня семейного круга,
Не обеспечила счастья себе?

ПИСЕЦ

Папирус свёрнут в сто тугих колец.
Прибор чернильный замер на колене...
Властитель книг.
Божественный писец.
Предвестник грозных роковых решений.

Предсказывая в небе ход светил
И наводнений сокрушительную силу,
Ты знаешь механизмы этих сил,
Где Сириус подьёмлет воды Нила.

Тебя не тешат шумные пиры.
Тобой расставлены, как мулы на ночлеге,
Все звуки. Все планеты. Все миры.
Картинками существ застывших в беге.

Неспешное перо и ночь, и день
Скрипит среди открытий и сомнений.
Скрипит, как передаточный ремень
Машин, хранящих опыт поколений.
Великий жрец! Великая пора,
Когда без войн, без крови и коварства
Посредством тростникового пера
Ты связываешь времена и царства.

Клоня устало голову на грудь,
Ты не герой застолий и походов.
Но ты прекрасный предвещаешь путь
От иероглифов – до битового кода.

ЦАРИЦА ЕГИПТА

Изнеженная в тёплом молоке,
Обсыпанная золотой пылью,

С рубиновой змеёю на руке,
Любимая! – Царица мира! – Ты ли?

Босой ногой
 ступая на ковры,
Прикрытая
 полупрозрачной тканью,
Кому несёшь волшебные дары,
Ты, ставшая и госпожой, и данью?

Пленяющая красотой своей,-
Ну что тебе до всех европ и азий? –

Наложница египетских царей,
Царица эротических фантазий!

Тебя навряд ли был достоин Рим.
О эта соразмерность слов и линий!

На зависть евнухам и ненависть другим
Одновременно ты-
Рабыня и Богиня!

Одетая в курильниц сладкий дым,
Владычица, царица, привереда...

Невероятным именем твоим
Моя обозначается победа.

СТАТУЭТКИ В СКАЛЬНОМ СКЛЕПЕ Безысходность

Рабом рожденный породит раба.

Египетская вечная тоска.
До новой эры эдак лет за тыщу,
Как говорили в древние века,
«Умерший должен обладать жилищем».

И в скальных склепах,
 не прикрыв испуг,
кто вновь с мотыгой,
 кто склонившись к лире,
Стоят рядами статуэтки слуг,
Служить готовых
И в загробном мире.

Ни одного достойного лица –
Вдруг, с отвращеньем понимаешь это!

Жестокий мир.
Жестокие сердца,
Где даже смерть не принесет просвета.

Глава 13

«ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ»

ЧУМА

«Культура» средневековья

О, город греха!..

Франческо Петрарка

Надежным камнем с четырех сторон
От злого духа, недруга и вора,
От виноградников – стеною защищен
Глухой и чопорный средневековый город.

Здесь молятся, воруют, пьют вино,
Здесь жгут колдуний и боятся сглаза.
Утрами шумными соседу под окно
Опорожняются ночные вазы.

Здесь каждый дом к соседнему прижат.
Здесь каждому своё добро дороже.
Здесь на горбатых улицах лежат
Живые свиньи междудохлых кошек.

Прохожий писарь несказанно рад:
Он от помоев увернулся ловко.
(Излишествами посчитал аббат
Канализационные ливнёвки!)

У нищего на паперти лицо
Изъедено, белки подъяты к выси.
В подвалах у запасливых купцов
Мешки с мукою прогрызают крысы.

С мансарды – радугой – каминная зола.
Вшей дружно ищут куры на нашесте.

Без ветра вольного, без света и тепла
Лысеют рано бледные невесты.

А над благоуханьем папских роз
Парит, как голубь божий, «Аллилуйя».
И в раскалённый полдень водонос
Речной водой у входа в храм торгует.

Каскады кровель. Теснота дворов.
Иное дело участь дворянина:
Он недоступен даже для клопов
Под шелковым покровом балдахина.

Ему роптаний быдла не понять,
Его мольбы убогого не тронут.
Копыта его белого коня
На немощёных улицах не тонут.

Заботы черни – не его ума...
Он многих выше по своей природе!
Вот так пришла Бубонная Чума
Сравнять паршивцев,
Словно гнев господень!

Где чистая, как память о былом,
Поблескивает Рона, словно рана,
И опустевший Нотр-Дам-де-Дом
Мерцает молча золотом органа,

Гниющим заживо понадобилось жить.
Они друг к другу тянутся со стоном.
Но некому их стало хоронить
На улицах святого Авиньона.

АПОСТОЛЫ РАЗВРАТА

Коррупция Версаля

Подобно зелёной омеле,
Которая с виду, права,
Живут
паразиты
на теле
Слабеющего существа.

Где вы, кто блистали порою, -
Удач мимолётных ловцы?

Есть в каждой эпохе герои,
Но есть и свои Подлецы:

Привычно играя с Законом,
Послушный народ не щадя,
Цвели-расцветали Бурбоны
И с солнцем
равняли
себя.*

* Многочисленные войны, которые вел Людовик XIV, опустошили бюджет Франции и высосали из народа последние соки. Однако, именно в это время к государственной казне сумели присосаться пиявки, всегда появляющиеся в моменты социальных бедствий: придворные Кюрваль, Дюрсе, герцог Бланжи и епископ Парижа, чья преступная группировка скрепилась перекрёстным браком их родственниц - Алины, Аделаиды, Юлии и Констанс. В преступном сговоре они быстро открыли секрет колоссального обогащения за счет народа.

Их ждал
и зеркальные залы,
Король им при встрече сиял,
Тень Регента* их не пугала,
Не страшен им был Трибунал.**

Чтоб ярче брильянты сверкали,-
На всём заработать не прочь! –
Сам герцог кладёт под Кюрваля
Свою элегантную дочь.

Людовик XIV – «Король-Солнце».

* *Регентство – коллегиальный совет, осуществляющий всю полноту государственной власти (сначала при Анне Австрийской, затем при кардинале Мазарини).*

*** Трибунал – чрезвычайный суд во время
Французской революции.*

А внученька Аделаида
Супругою стала Дюрсе –

*Скреплённые браком - для вида! -
Близ власти повязаны все.*

И девичьи бёдра пылали,
И не было пакостней лжи:

Все делали вид, что не знали,
Как вышла Констанс за Бланжи.

И вот, не колеблясь, бесстыже
Все –
в банковский бизнес –
гурьбой!

И вот уж на зависть Парижу
Три свадьбы одна за другой.

Как девушки уличной пробы,
Отцов своих нежно любя,
Все три молодые особы
Инцестом связали себя.

А чтоб было все «по закону»,
Чтоб Церковь баюкала Двор,
С согласия молодожёнов... -
Епископ
Включён
в Договор!

Продажны, но ангелы с виду,
Себя отдают, как аванс,

Алина и Аделаида,
И Юлия вместе с Констанс.

Крещёны придворною грязью,
В развратнейшей страшной «красе»

Преступной и тайною связью
Близ власти повязаны все.

Какие там к чёрту вуали?
Чего же им больше желать?

Богатство и знатность давали
Порокам – «пророками!» стать.

Жрецы «Европейской морали»,
Устроили новый режим:
Дюрсе под эгидой Кюрваля,
Епископ и герцог Бланжи:

Проценты,
налоги,
законы...

Не платишь – решётка тюрьмы!-
Так франков на два миллиона
Украли они из казны.

Не лопнув, просили добавки:
«Ну, как же дворцам без обнов!?»

Они, как четыре пиявки,
Сосали народную кровь.

И таял,
 как жемчуг в бокале,
Закат на лесном берегу.

И мальчики им подавали
Клубнику в январском снегу.

Ах как они переживали,
Да нет, не за правду и честь –
За то, что способны едва ли
Они человечину есть...

Разврат начинается с трона.
В продаже душа и земля.
И вот уже *выше закона*
Любой поставщик короля.

Во Франции не было Бога,
Когда, в результате затей,
Ярмо черезмерных налогов
Надели они на людей...

Ах, как же они воровали! -
Уже выходя в тиражи,
Дюрсе под эгидой Кюрваля,
Епископ и герцог Бланжи!

Смешны им церковные слюни.
Что им до молвы и суда...
Мечта о Парижской Коммуне
В народе рождалась – тогда.

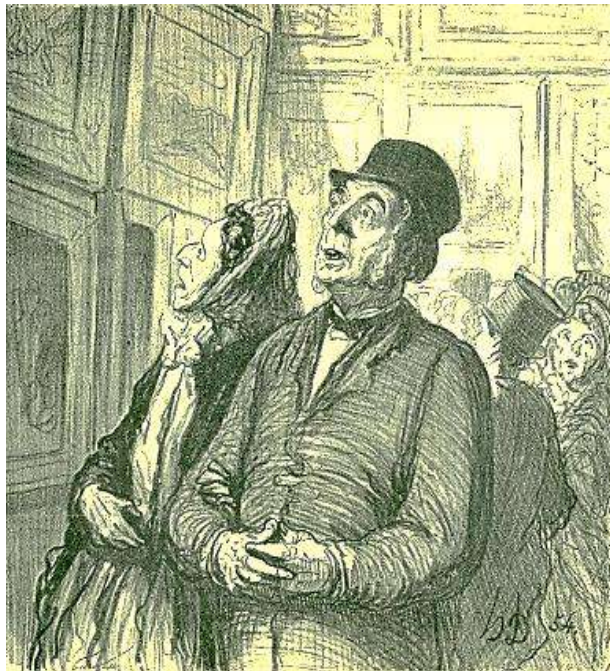
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Место художника в обществе наживы

1..ЭКСПОЗИЦИЯ

У нуворишей свой престиж,
Своя трактовка архетипа.
Век девятнадцатый. Париж.
Империя Луи Филиппа.

Как новоявленная ржа
Уже диктующие моду
Всему французскому народу,
В искусство лезут буржуа.

Буржуа на выставке

Они своё имеют мненье,
А, ведь, убьют из-за гроша!
Что в вас, лакеи барыша,
От идеалов Возрожденья?

2. КАРИКАТУРИСТ ДОМЬЕ

ОНОРЕ ДОМЬЕ

Он не был, как другие, слеп
И сыт в покорности бараньей.
Но горек был тюремный хлеб,
И тяжек литографский камень.

Он день и ночь писать готов
Трудяг в прокуренном вагоне,
Шахтёров, прачек, пастухов
И жертв восстания в Лионе.

Честь покупая за гроши,
Отныне лавочники в силе:
Они по алчности души
Лувр к ливру присоединили

Когда с народа десять шкур
Сдирал министр Гизо* – «Зубастик»,

Франсуа Пьер Гийом Гизо (прозванный в народе – «Зубастик») занимал посты министров. внутренних дел (1830), народного просвещения (1832-1837), иностранных дел (1840-1848). Фактически руководил всей политикой Июльской монархии, враждебной рабочему движению Франции. Революция 1848 года положила конец карьере Гизо.

Через журнал «Карикатюр»
Огюст спросил у новой власти:

- Что ж ты, Парламент, точишь лясы?
Где вы, гражданские права?
Жрёт слитки золотых запасов
Луи Филипп – «Гаргантюа»! *

Gargantua (Louis Philippe)

*За эту литографию с критикой главы государства Оноре Домье был арестован и осуждён на тюремное заключение.

3. СУДИЛИЩЕ

КРИТИК ЛУИ ЛЕРУА

Куда ни глянь – бараньи лбы.
Бульвар Настурций. Здесь до срока
«Салон отверженных» пророков
На поругании толпы.

О, суд журнального пера,
Его смертельные удары!
Салон фотографа Нодара
Ждёт журналиста Леруа.

Перу Луи покорна мода.
Он так их ловко обзовёт,
Что сам в историю войдёт
За счёт «мазни неряхи Клода».

Не видя дальше запятой,
Остряк газет всегда в ударе.
И разразится «Шаривари»
Беспрецедентной клеветой:

Почто, коллега, так хитро
Себе избрали в оппоненты

Кретина «Жозефа Винсента»
Перед картиной Писарро?

Что пресса? – ровно ничего,
Когда вся смелость журналиста
Равна невежеству его,
Рассчитанному лет на триста.

- Талант,- вы скажете хитро,-
Быть должен бит? Ну что ж, пожалуй...
После подобного провала
Самоубийством кончил Гро.

Сказал Шекспир: «Слова, слова...»
А мы добавим: «и медали...»
Вы вместе с модою проспали
«Impression. Soleil Levant.» *

*Рождение нового стиля перевернувшего само понятие мировой живописи, связано с первой не принятой посетителями выставкой 1874 года, устроенной авторами в салоне-мастерской фотографа Нодара

Публика не поняла революционных задач группы: освобождение от условностей классицизма, романтизма и академизма, утверждение красоты повседневности и демократичности. Даже сам метод работы художника на пленере, когда, отказываясь от «гладкописи», он использует новую живописную систему разложения сложных тонов на чистые цвета и использует взаимопроникновение отдельных мазков, взятых, минуя палитру, прямо из тюбы, казался зрителям неприличным.

Скандал увековечил журналист Луи Леруа, опубликовавший в журнале «Шаривари» вымышленную беседу с мифическим критиком Жозефом Винсентом. Больше всех досталось Клоду Моне за картину «Impression. Soleil Levant.»-Впечатление от восхода солнца в Гавре . Поэтому новую группу художников прозвали «Впечатленцами» «Импрессионистами». Влияния импрессионизма испытали: К.А.Коровин, В.А.Серов, И.Э.Грабарь, и даже А.П.Чехов и И.А.Бунин.

4. ТВОРЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

ПОЛЬ ГОГЕН

Прости, Париж. Прости-прощай, Лимож.
На что художнику торговая фортуна?
Поль в свитере заштопанном похож
На шкипера с большой рыбацкой шхуны.

Теперь судьба у каждого своя.
И независимый до неприличья,
К таинственным глубинам бытия
Он эмигрирует из суеты столичной.

И чтобы не уйти «душой в стакан»,
И чтоб не научиться «брать на лапу»,
Он сам себя сослал, как в Магадан.
Снимите шляпу, Поль, снимите шляпу.

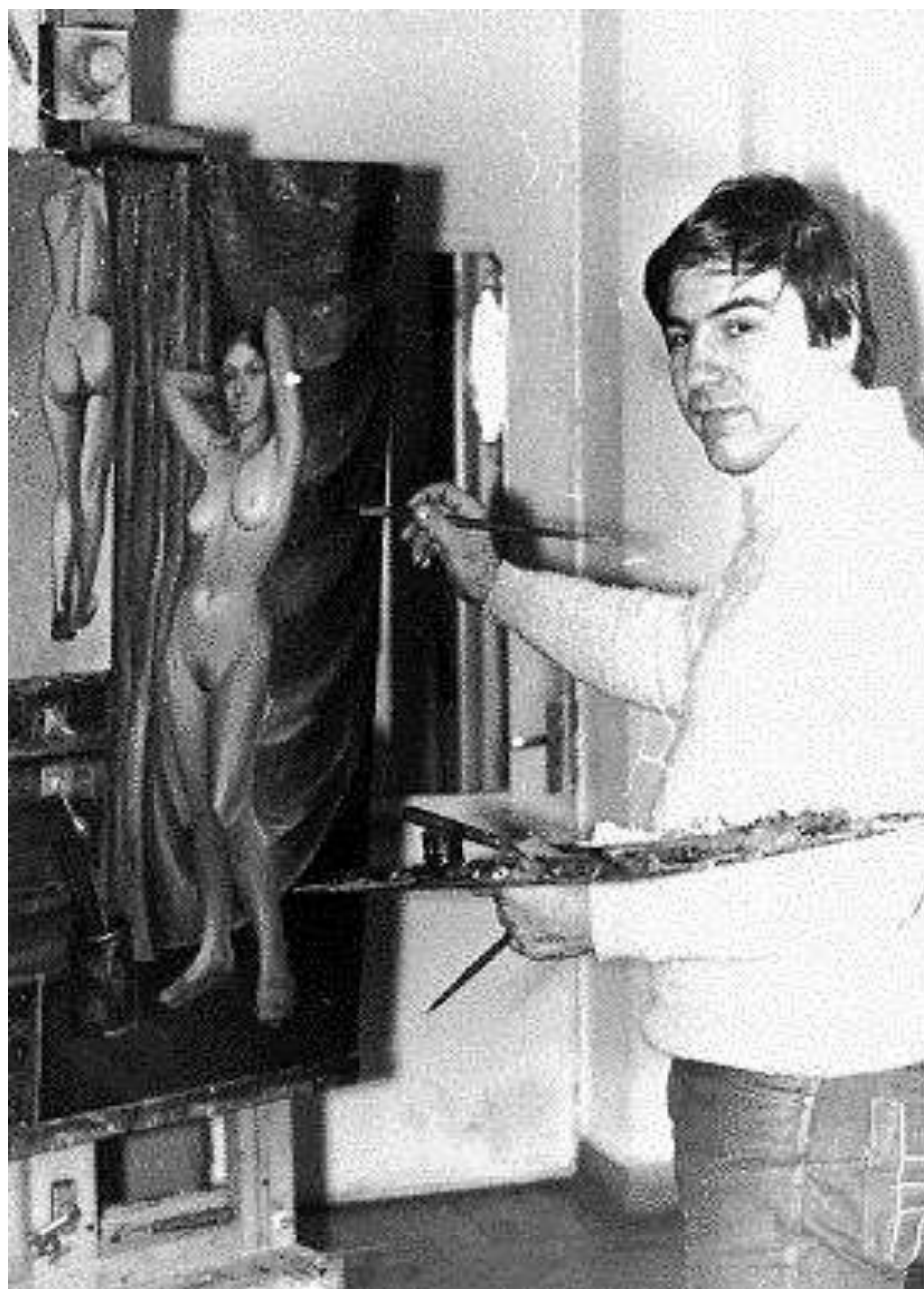
Эх, много ль в нашей жизни перемен?
Вот кисть Ван-Гога.
Вот Высоцкого гитара.
На острове Мартиника Гоген
Напоминает лермонтовский парус!

Но вдоль разбитой баррикады
Художник, всё-таки идёт!

Туда, где смерть картечью косит,
Превозмогая свой испуг,
Рабочим суп в горшках приносят
Девчонки из кривых лачуг.

Нет пороха, но есть азарт.
Нет провианта – есть ватрушки.
И парни катят на Монмартр
Вскладчину купленные пушки.

Принадлежа своей стране,
Душой едины, сердцем юны,
Курбе, Коро, Домье, Мане
Вступают в Комитет Коммуны!

Глава 14

РЕЗЕЦ И ПАЛИТРА

СТУДЕНТЫ ЛОЗУНГИ ПИСАЛИ

Я помню: в необъятном зале
И на полу, и на стене
Студенты
 лозунги
 писали
На знойно-красном полотне.

Брадатый,
 чем-то вроде Стеньки,
Клоня иконописный лик,
Как все,
 стоял на четвереньках
Преподаватель-шрифтовик.:

Я повернулся неуклюже,
Я краску белую пролил, -
И поползла
 на ситец
 лужа
Свинцово-цинковых белил.

Переживая лишь о деле,
Крича:
- Ну что же ты опять!
Ребята мне помочь хотели
Огромный лозунг приподнять

·
Но встал Он
 над учениками:
- Работа наша всем видна,
Берите чистыми руками,

Чтоб не заляпать полотна.

Нет,
 не кричал он
 и не злился,
Обычный меж обычных дел,
Но каждый вдруг остановился
И на ладони поглядел.

Не мы ли стали
 дураками,
Совсем
 не думая
 о том,
Когда немытыми руками
Мы наши лозунги берём?

ГАЛАТЕЯ

1. Сумерки

Досадная нелепица —
Денёк, когда не рубится, не лепится...
И всё тебе – не то...
И всё – не впрок...

Не та натурщица,
 не так стоит станок!
Природа,
 слышишь? Я ли человек,
Твоё великолепие уродуя?
Какую послезавтра выдам оду я,
Когда в руке ножом сверкает стек?

2. Близость

Я — Глина!
Я зову грядущей плотью!
Спеши, пока в тебе душа моя.
Шепчи в ночи:

«Не в силах побороть я
Предчувствие таланта».
Я — твоя!

Тебя ни в чем не стану обвинять
И обещаю краткое блаженство.
Избей, изрежь, но сделай —
Совершенство.
Я — женщина! —
Прошу:
Роди меня.

Да, я из тех,
врывающихся
вдруг!
Мне оскорбительна
твоя несмелость,
Прохладным,
неоформившимся телом
Я жадно жду твоих мужичьих рук.

Ну, кто еще
Так радостно заплатит
За предстоящий пот, полет и труд?

Я — глина, глина.
Слышишь ли, ваятель?
Приди ко мне!
Я — женщина.
Я жду...

ПРАВО СУДИТЬ

Ну вот, наконец,
 проясняется суть.
Прорезался голос
 высокий и чистый.
В квадрате подрамника
 начался суд,
И я поднимаю
Тяжёлые кисти.

Отныне я знаю, кого обвинять.
Я помню свои и чужие обиды.
Пристрастность навряд ли оставит меня,
Покуда колеблются Чаши Фемиды!

Я знаю, рискуя своей головой,
Что значит забыть
Осторожность и меру.

Искусство быть честным.
Я призван тобой.

К мольберту иду.
А как будто, — к барьеру!

СЕРЕБРЯНАЯ ГРАФИКА ЗИМЫ (эстамп)

Картины февраля

такие тихие,

Штрихи берёз,

как будто, из-под штихеля.

И хочется спросить у тополей:

- Кто резал

ваше кружево ветвей?

Седых рассветов

Пепельные отблески

Ещё не раз,

не раз тебе вспомнятся.

Какие замечательные

Оттиски

У сердца лягут,

в памяти останутся!

Пусть увлекают,

как киносеанс,

Барокко осени,

Весенний ренессанс.

Но почему-то больше любим мы

Серебряную графику зимы.

НА ЭТЮДАХ

Бросив друзей и предав домочадцев,
В рай эмигрировать – что за отвага!
Вот оно, с нами, всё наше богатство:
Зонтик, этюдник, армейская фляга.

Мне ль восхищаться твоею сноровкой,
Одoleвать косогоры без пауз?
Весело шлёпать по речке Грушовке
И замирать над рекой Аманауз.

Падают навзничь ромашки под нами,
В небо взлетает пустырник сердечный.
Всё, что уже не оформить словами,
Кажется вечным, кажется вечным.

Время попало шиповнику в сети.
Солнце в соцветиях пижмы не тает.
За руки взявшись, как малые дети,
В небе парим, облаками играя.

И, достигая предельной отметки,
От высоты мы хмелеем без браги.
Ах, как качаются дружно на ветках
Белые брюки, как белые флаги!

Мы отключаем трезвонящий «симсон».
- Хватит тебе, - я кричу, - улыбаться,
Слушай, давай черемши наедемся,
Чтобы к шашлычникам не возвращаться?

Ты – это лето, прошедшее мимо.
Ты – это взбитая ветром солома.
Ты – это свежесть мазков а ля прима,
Ты – это цветоигра по-сырому.

Строгая умница, милая дура,
Ты мне, как солнышко после ненастья:
Чувствует кисть холстяную текстуру,
Чувствует сердце последнее счастье.

РУССКИЙ РУБЕЖ

Мне с детства скептицизм был привит.
Я вопрошал
У пограничной сини:
- К чему мне будет песня без любви,
Что станет значить сердце без России?

Нет, я слугой отчизны стать не смог, -
В любом слуге так много от холопа!
И я вступал с Россией в диалог,
Когда она склонялась над окопом.

Поэзия мне изменила вновь,
Но прошептали в ночь дожди косые:
Что, если мне изменит и любовь,
То, всё равно, останется Россия.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

*... и каждый раз,
взлетая на только что
изобретённой этажерке,
мы разбивались почти насмерть!*

Да, ты хвалила вкус моих котлет.
И я к тебе ходил на пироги.
Но мы с тобой прожили сотни лет
И каждый раз прощались, как враги.

Мы вместе были – та ещё шпана!
Добро искали в этом мире зла.
Но Истина вставала, как луна,
Давно не приносящая тепла.

Я поминал тебя сто раз на дню.
А ты считала, что во всём права.
Когда кресало било по кремню,
Выскакивала Правда, как искра.

И загорался наш последний дом.
И рушились стропила старых догм.
И ты мне руку тискала: - Идём!
Ну что нам дорогого было в нём?

И мы вставали с тёплых пепелищ.
С насиженных, намоленных полян.
Я спрашивал тебя: - Ну как, летим?
- Лечу, мой авиатор! Хоть ты пьян.

Не спирт пьянил нас – неба чистота!
Свистел от бурь единственный карман.
Про нас нудили: странная чета...
Но тысячи – завидовали нам.

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Строчки порою сквозь нас прорастают,
Как из-под снега гроздь рябины.
Сытый голодного не понимает.
Не до художника мещанину.

Хватит прикидываться старухой.
Что себе кажешься глупой и ржавой?
Можно писать и с отрезанным ухом.
С четвертью мозга править державой.

Если творящий сродни эхолоту,
Так не желай себе долю другую.
Видишь, Маресьев идёт к самолёту?
Павел Корчагин о стали диктует?

Музыки алгеброй не отравишь,
Пусть хоть полмира страдает зевотой,
Как ты себя в этой жизни поставишь,
Так и пойдёт она с точки отсчёта.

ВЕРХОГЛЯДЫ

*Друзьям
из творческого объединения
«Третий берег»*

Что ж вы, братья, так сказать,
Окосели? -
Насобачились писать
Акварели?

Всё у вас и ох, и ах –
Море лести.
Боли нет у вас в стихах.
Нету чести.

Та – в цветочки влюблена...
Тот – мечтает.
А родимая страна
Вас... не знает.

Где ж ты, горьковская мать?
Где ты, Данко?
Только сборища одни.
Только пьянки.

Так по жизни вы, скользья,
И идёте.
Мелко пишете, друзья.
Громко врёте.

*Ставрополь.
Перспективный район.*

ОЛАДУШКИ

Памяти Валентины Нарыжной

Я просыпаюсь в утренней тоске.
Иду на кухню совершать рутину.
А в холодильнике в крестьянском узелке
Оладушки Нарыжной Валентины.
Открою кран. А там какой-то всхлип.
Вода закончилась? – Для грусти нет причины
В квартире, где царит стереотип
Навеки одинокого мужчины.
Холостяку не надобно ума.
Ему никто не действует на нервы.
Лишь в холодильнике печальная зима
Сковала льдом забытые консервы.
И жизнь моя успела пролететь
Уже гораздо больше половины.
Мне б разогреть на газовой плите
Оладушки Нарыжной Валентины.

Валентина Васильевна Нарыжная, член правления Ставропольского краевого отделения Союза писателей России, лауреат губернаторской премии им. В.И.Сафонова за цикл песен о Ставрополье и литературной премии им.В .И.Слядневой за книгу «Воскресшие купола». Умерла 31 декабря 2020 года.

ДОМИК ЛЕРМОНТОВА

Посмотришь – прошибёт слеза:
Как нувориши в небеса -
вонзают крыши!
(А домик Лермонтова выше...)

Что им отеческий саман?
В антильский мрамор,
в лазурит –
Вложили тыщи!
(А домик Лермонтова чище...)

Свою страну обворовав,
Чиновник, может, в чём-то прав.
На нас он смотрит сверху вниз,
Как кур с нашеста!
(И всё ж не место красит нас.
Мы – красим место.)

Входя сюда -
 в который раз –
Мы вольно дышим,
Покуда прикрывает нас
Его соломенная крыша.

ПРАВО ХУДОЖНИКА

В раздумьях: врать или не врать

—

*Не стоит быть поэтом
Среди пришедших потреблять
И преуспевших в этом.*

Пускай ты эрудирован весьма,
Мой старый друг, мой критик бледнолицый,
К чему твердить о смелости письма
И забывать о смелости позиций?

Приобретут инерцию года,
Хрусталь тяжёлый заведётся в доме.
Творец, ты не подёнщик лишь тогда,
Когда твоя судьба - на переломе!

Есть кодексы. Их не коснулась медь
И суета торгашеской мороки.
Там, где-то вслед за правом умереть
Есть право на талантливые строки.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Мне не нужно выгоды
дешёвой, как мерседес.

Мне не нужно правды
горькой, как сахар.

Мне не нужно жизни
длинной, как однообразие.

Мне нужен друг,
честный, как враг.
Нужна женщина
сильная, как подснежник.

**Мне надо реанимировать Бога
по имени – Совесть!**

И тогда я буду спокойно
засыпать в правильном мире,
где всё – на своих местах.

АВТОПОРТРЕТ

*Что можете сказать вы мне,
Каждый день идущему на Голгофу?*

Мы на обочине.
Нам не кричать ура.
Сожрать ближайшего любая сволочь рада.
Катитесь в лимузинах, буржуа,
В Глобалитет сплошного зоосада!

Товарищ Бывший, в собственном дерьме
Легко ли умирать в больничной койке?
О, если б мы погибли на войне,
Чтоб не дожить до вашей перестройки!

Я к вечным ценностям душой своей прирос,
Шрам совести не скроет тень загара.
Вождь санкюлотов Коммунист Христос -
На майке в образе портрета Че Гевары!

Перед дверьми мне не шептать «сим-сим».
Таков уж я.
Поэзия, ты рада?
Соприкасаюсь с временем моим
Как капсуль бронебойного снаряда.

ПРЫЖОК

Открывается люк.
И становится вдруг не до шуток.
Но – решительный шаг! –
Он даёт тебе право и власть
На поющем ветру
Раскрывать облака парашютов
И порой предрассветной
В зелёные травы упасть.

Это было не раз.
Парашюты ложились на землю.
Улыбались друзья.
Розовела небесная даль.

Так чего же я жду?
Почему же я всё-таки медлю?
Под моею рукой,
Дребезжа,
Холодеет дюраль.

*Ты была среди будней моих
Воскресеньем.*

Ник Петерсен

То не вьюга в поле завывала,
Озимь зеленые губя,
Дорогая, если бы ты знала,
Как мне одиноко без тебя!

Начиная новую затею,
Думаю все время лишь одно:
Как бесцельно всё, что я умею,
Всё, что не тебе посвящено.

Что со мною будет, я не знаю,
Без тебя и жизнь мне не мила,
Старенькая девушка, родная,
Свечечка последняя моя.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

*Я не буду, как в прежние годы, метаться,
Возле окон чужих до рассвета ходить;
Мне бы только в берлоге своей отлежаться,
Только имя твоё навсегда позабыть.*

Ярослав Смеляков

Празднику, а будто палачу,
Улыбаюсь: он-то не обманет!
Никого я видеть не хочу,
Без тебя уж никуда не тянет.

Дни
затворничеством горестным
губя,
Без любви, без песни настоящей
Разреши молиться за тебя
Каждый вечер в тишине звенящей.

И, пока ты бродишь вдоль аллей,
О, позволь-позволь, моя услада,
Перед фотографией твоей
Зажигать зеленую лампаду.

СТЕКЛОДУВ

От капли стеклянной до вазы узорной
Над печью, что жаром поёт,
Труби, стеклодув, пусть мелодия формы
Запомнит дыханье своё!

Незримым касаньем
кладёшь полутени.
Посмотришь – на сердце светло!

Минута отводится на вдохновенье,
Пока не остыло стекло.

Крути стеклодувную трубку проворно,
Вытягивай
тонкую
нить...

*Пусть будет вовеки нетленная форма
До первой небрежности жить.*

ПЛЕНЕР

Утро

*Ясные арии света.
Контрапункты листвы.
Удары меди из леса.*
Сесил Дей-Льюис

Среди обнаглевшего воронья-
На пне, как на троне,
Царствую
Я.

Палитра сверкает!
Свистит мастихин!
Я нынче в ударе.
(Так пишут стихи.)

Я воздух глотаю смеющимся ртом,
И гнется под кистью эскизный картон.

Пастозно бросаю густые мазки,
Мне дали любые отныне близки,

И тени легки в перспективе аллей!
И всё, всё, всё! –
Получается
В жизни
Моей.

СЕРЕНЬКИЙ ДЕНЬ

Всё места на свои
ставит
Трезвейший полдень.
Куда ж этюдник мне поставить,
Как грех господень?

Переплетаются
любовно
Дымки аула.
Стерней подстриженной ровно
Бреду сутуло.

Молю,
чтоб не стихала лира.
Душа не гасла...

Змеёй ложится на палитру
Из тубы масло.

Росы рассыпанные бусы.
И вкус пропажи.
И одиночество
Эльбруса
В степном пейзаже.

И колет ласковое небо
Стерни щетина.
Суть одиночества нелепа.
И половинна.

ВЕЧЕР

Вокруг
 воронкой
 тихо тает
Снег...

Свод –
 без звезд...
Пока подрамник догорает,
И тлеет холст.

Кто пожалеет...
Кто обманет...
Раз не дано...

Вот догорит,
И в жизни станет –
Совсем

Темно.

КОМПОЗИТОР ВИКТОР КИПОР

Глава 15

ПЕСНИ ЮНОСТИ

ПЕСЕНКА ДЕСЯТИКЛАССНИЦ

Стихи Владимира Яковлева

Музыка Виктора Кипора

mf *В среднем, умеренном темпе*

5 Не о-став-ля-я на по-том, я, как цве-то-чек
а-лень-кий, не - до-ри-со-ван-ный аль-бом от-дам дев-чон - ке
9 ма-лень-кой. Го-ды у-хо-дят, дни у-ле-та-ют.
13 Взро-слы-е иг-ры нас ув-ле-ка-ют.
17 Э-то не шут-ка --э-то ис-кус-ство: но-вы-е мы-сли
21 --но-вы-е чув-ства! э-то не шут-ка --э-то ис-кус-ство: но-вы-е мы-сли
25 --но - вы - е чув - ства! Дав- // чув - ства!

Не оставляя на потом,
Я, как цветочек аленький,
Недорисованный альбом
Отдам девчонке маленькой

Давно ль ходили в детский сад
С конфетами и косами?
Но куклы все при нас молчат.
Ведь мы же стали взрослыми.
Сегодня мы глядим хитро.
И нам целуют пальчики.
На Буратино и Пьеро
Похожи наши мальчики.

Припев:

Годы уходят, дни улетают.
Взрослые игры
Нас увлекают.
Это не шутка – это искусство:
Новые мысли – новые чувства

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНК

Стихи Владимира Яковлева

Музыка Виктора Кипора

Не спеши, в умеренном темпе, выразительно

The musical score is written in 12/8 time and consists of six staves of music. The lyrics are written below the notes. The chords are indicated above the notes. The lyrics are: Пусть на све-те есть ты-ся-ча мне-ний: что ми-ну-ло --то-го не жа-лей! Толь-ко груст-но по-ро-ю ве-сен-ней на-все-гда по ис-тёр-тым сту-пе-ням, и до бо-ли зна-ко-мым сту-пе-ням у-хо-дить нам, у-хо-дить нам, у-хо-дить нам из шко-лы сво-ей. Ах, шко-ла, шко-ла, ста-ра-я доб-ра-я шко-ла, как же ты о-бой-дѣшь-ся без нас? Как же ты о-бой-дѣшь-ся без нас? Бу-дут // ты о-бой-дѣшь-ся без нас? Как же

Пусть на свете есть тысячи мнений.

Что минуло, того не жалеи.

Только грустно порою весенней

Навсегда по истёртым ступеням

Уходить нам, уходить нам,

Уходить нам из школы своей.

Пронеслись, как диснеевский мультик,

Наши школьные чудо-года.

Всю родню доводя до инсульта,

Мы из школы не делали культа.

Парта школьная, как катапульта,

Бросит нас не..., бросит нас не...,

Бросит нас неизвестно куда.

Будут ценности мира нетленны.

Будут годы сливаться в века.

И забудем мы, как постепенно

Становились нам тесными стены,

Как мы ждали с уроков звонка!

Припев:

Ах, школа, Старая школа,

Как же ты обойдёшься без нас?

МАРШ ВЫПУСКНИКОВ

Стихи Владимира Яковлева

Чётко, с экспрессией, с задором

Музыка Виктора Кипора

mf C E7 Am F
Вы-пуск - ни - ки! — А э - то зна - чит, что пред - сто - ит те - перь нам
4 G7 C G7
всё пе - ре - и - на - чить. Пусть от эк - за - ме - нов кру - жит - ся го - ло -
7 C F E
ва, под - ска - жет серд - це нуж - ны - е сло - ва
11 Am Припев. F
Шко - ла род - на я! Мы твёр - до зна - ем, что доб - ро - ту тво - ю не рас - те - ря - ем. Мы
15 Dm F E Dm G
бу - дем веч - но пом - нить о те - бе! Мы бу - дем веч - но пом - нить о те -

Выпускники! А это значит,
Что предстоит теперь нам всё переиначить.
Пусть от экзаменов кружится голова, -
Подскажет сердце нужные слова!

Припев:

*Школа родная! Мы твёрдо знаем,
Что доброту твою не растеряем.
И будем вечно помнить о тебе.
Мы будем вечно помнить о тебе!*

Нас провожают, провожают, провожают.
Но провожания, увы, не утешают.
Так пусть же с каждым годом дорожают –
Воспоминанья о прекраснейших годах!

Припев.

НОЧЬ ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО БАЛА

Могли ли вы однажды превозмочь
Свой возраст, и беспечный, и веселый,
Бродили ли вы с девушкой всю ночь,
Покинув навсегда родную школу?

Был небосвод, похожий на кораль –
В нем так дрожали звезды-недотроги.
Луны необитаемый корабль
Нас звал всю ночь отправиться в дорогу.

Да, бронь была.
Но не было брони,
Чтоб защитить естественное чувство.
И городок гасил свои огни
И зажигал каштановые люстры.

Без сна,
без лжи,
без птичьих голосов,
Не в Петербурге,
не в деревне,
не в Париже
Прогулки ночью до пяти часов
Обязывали стать друг к другу ближе.

Был жар и дрожь,
но не хватало слов.
А жизнь, зависящая только от момента,
Как гоночный спорткар без тормозов,
Летела будто бы к аплодисментам.

Ужель все это ровно через год
Покажется собраньем юной блажи?

Ужели все забудется?
Пройдет?
И ни к чему такому не обяжет?

Боль расставания. И радость. И беда.
Боязнь открыться навсегда и сразу...

Такого уж не будет никогда.
И хорошо, что не было.
Ни разу.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Да здоровствует короткое: «Привет!»
И пусть же до тех пор не устареет
Вот эта свежесть институтских лет,
Покуда голова не побелеет.

Припев: И в Кембридже,
и в Гарварде,
Сорбонне и МГИМО,
Философы и барды,
Студенты пьют вино.

Звени, гитара, лирикой звени
В уютных неютах общежитий.
Да здоровствуют счастливейшие дни
Познанья человеческих открытий!

Припев.

Но что бы мы ни пили и ни пели,
Мы знаем счастье, постигая мир,
Сходить с ума, влюблённым в Рафаэля,
Счищая бережно картофельный мундир.

Припев.

Здесь разговор – на грани откровений!
Здесь шутка колкая, а в ней прозренья свет!
Здесь каждый третий без минуты – гений.
И потому, естественно, поэт!

Припев.

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДОРОЖНАЯ

Страна родная, я - твоя мембрана!
То с гордостью, то со стыдом, любя,
Не из окна вагона-ресторана
Я вижу, слышу, чувствую тебя!

Припев: Прекрасная от края и до края,
Далёкими дорогами маня,
Огромные задачи предлагая,
Страна моя, испытывай, меня!

Страна турбин, “Востоков” и моторов,
Дай мне твоих увидеть подлецов
В тех пасынках России, для которых
Халтура - слишком русское словцо!

Припев.

Не у функционеров узколобых
Всю жизнь учусь!
И оттого близки
Геологи твои и хлеборобы,
Строители твои и моряки.

Припев.

Глава 16

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРВАЯ НАВИГАЦИЯ

Дай мне памятью перелистывать,
Лебединностью кораблей.
Снова пристани смотрят пристально
Переборами фонарей.

Волны ластятся, тихо охая.
Месяц вахты стоять устал.
Ты о чём по ночам со вздохами
Так поскрипываешь, штурвал?

Расскажи, как дорожка дальняя
Доброй памятью дорога,
Да, как молодость беспечальная
Входит медленно в берега.

Пахнут звёздочки маслом смазочным,
Ароматом ночных полей.
И плывёт по реке, по сказочной
Белый лебедь судьбы моей.

*Волга, колёсный пароход
«Писатель Помяловский»..*

ПОД ВЯЗЬМОЙ

В нашей деревне не было библиотеки, магазина, Дома культуры. Зато был фельдшерский пункт, который постоянно посещали корреспонденты, фотографы и писатели. Заведовала им дочка расстрелянного врача.

Сейчас всем известно сколько тысяч попавших в окружение советских бойцов полегло в лесах под Вязьмой. А папка нашей фельдшерицы был врачом. Одного бойца подобрал, другого перевязал, потом взял казённую бричку, да и поехал по полям собирать раненых. Как он лечил их и чем, об этом говорить не будем, а вот поставил на ноги семнадцать солдат и одного комиссара!

- Спасибо,- говорят ему пациенты, – вылечил, счастливо тебе оставаться.

Фельдшерица, она тогда ещё совсем девочкой была, метнулась по деревне от одного дома к другому, собрала бойцам в путь-дорогу что бог послал: яйца, сыр, картошку. Благо, село наше в те поры было ещё не разорённое, потому как лежало вдалеке от железной дороги, а добираться до него надо было по грязи болотной, да узким лесным тропиночкам.

Пришли селяне провожать на фронт бойцов Красной армии. Построились подвыздоровевшие солдаты. Комиссар уже хотел торжественное слово сказать, а наш бригадир, одноногий Колька Соколов как заорёт:

- Что ж вы, делаете? Сволочи!

Все опешили. А Колька машет на окна фельдшерского пункта, к которым тесно прилипли

неходячие:

- Сами, значит, улепётываете, а товарищей своих на смерть бросаете?

Селяне загудели. Комиссар снял фуражку и жалостно просит:

- Бабоньки, может кто по домам раненых разберёт? Припрячет?

- Двадцать пять раненых мужиков припрячь? - Орёт бригадир. - Вы в своём уме?

- Да, - сказал комиссар, - придётся оставаться.

Так в деревне со странным названием Хватов-Завод Семлёвского сельсовета Вяземского района Смоленской области было создано ядро партизанского отряда «Искра», дававшего немцам такого дрозда, что они за всю войну так и не посмели сунуться в нашу деревню. А только обстреливали её с бронепоезда от полустанка Годуновка. Врач, принимавший участие в боевых операциях партизанского отряда, однажды попал в плен, но своих не выдал и пал, как говорится, смертью храбрых.

Жилось послевоенной ребятне голодно, но интересно. Вот, например, я умею плести лапти, пилить, пахать, косить, доить, стрелять.

О последнем расскажу подробней.

Шастая по заросшим окопам, блиндажам и дзотам, по местам отгремевших боёв, мы быстро обогащали свои мальчишеские арсеналы. Мой состоял из винтовки Токарева, кавалерийского карабина, двух трехлинеек, автомата ППШ, шмайсера, нагана, маузера, парабеллума, вальтера, ТТ и немереного количества патронов. Мы глушили рыбу, ловили раков, ели корни осоки и всё же жили голодно.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮНГИ ДАЛЬНОГО ПЛАВАНЬЯ

1. РЕЖЕМ МАЧТОЙ – ОБЛАКА!

По Баренцеву морю идём, как на параде. Вода чистая, солнце ясное, штиль. Только девушек для полного счастья не хватает. Есть, правда у нас две буфетчицы, но разве с ними поговоришь о высоком и чистом?

Только я сразу скажу, как отрежу: не верьте трепачам, которые балаболят, что женщина – это позор корабля.

Девчонки наши что надо. И никакого разврата. У нас даже слух прошёл, что они девственницы. Смешно, конечно. Однако, сами посудите, если девушка в рейсе с одним роман закрутит, а остальным что делать - морды друг другу бить? Нет уж увольте. Мы в такие игры не играем.

У нас команда – сорок пять мужиков. Так, что правильно говорят француженки: легче ни разу, чем только один раз! На берегу другое дело, а здесь, как в большой деревне, всё видно, всё слышно.

Так о чём, бишь, я? Ах да, о Баренцевом море. Интересное морцо, с характерцем. Нигде не увидишь такого чуда-юда, у которого даже научный термин есть - «Парение моря». Это, когда мачты корабля, как нож масло, режут новорождённые облака, подсвеченные снизу незаходящим летним солнышком Арктики.

Почему это парение происходит? Да потому, что теплые воды Гольфстрима, сталкиваясь с холодным воздухом Русской Арктики, не дают подниматься тугим новорождённым облакам и они висят прямо у нас над головой.

Тут никаких светоотражателей и фильтров не нужно. Не море, а профессиональная фото-студия! Тени легкие, тона мягкие. Щёлкай – не ленись.

Вот по этой по причине спрос на меня, как на главного фотохудожника парохода», начал стремительно расти. Того и гляди, скоро в очередь записываться станут! Почему? Да потому, что каждому хочется письмецо домой послать с героической фотографией. Тем более, что я делаю из людей именно романтических героев. Не могу не приврать. Как возьму фотик в руки, так и ищу, за что бы человека похвалить. Иногда нахожу. А людям это нравится. Теперь даже сам кок в друзья набивается. А я то за швабру хватаюсь, то за кисточку. И всё смотрю, смотрю на облака. У меня от этого даже стихи получаются:

РОЖДЕНИЕ ОБЛАКА

Где солнце ступало на шхеры,
Где плавала лодка луны,
Как белое тело Венеры,
Вставало оно из волны.

Приснилось ли это? – не знаю.
Вставало, как песня с листа.
И ветры, его поднимая,
Несли на незримых перстах.

Крошились прозрачные груды,
А вечер был нежен и тих.
Живое небесное чудо
Касалось ладоней моих.

2. ПРИЗРАКИ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

И засвистели горизонты студёным дыханием смерти. И разлеглись ледяные глыбы от борта до самого неба. Не зря же бывалые моряки зовут это чёртово Карское море то «Ловушкой мореманов», то «Кладбищем кораблей». Сколько, братцы, людей здесь полегло, сколько идей разных...

Вот помнится, не было в нашей деревенской семилетке на Смоленщине восьмого класса. И детей железнодорожников свезли со всех полустанков в вяземскую школу-интернат. Чем хуже сиротский быт, тем ярче горели наши мечты. Читали за-поем. Вслух читали друг дружке. До сих пор помню строчки из Жюль-Верна, Нансена, Норденшельда. Вопреки всему мечтали жить честно и прямо. Идти и не сдаваться.

Спустя десяток лет, коротая ночную вахту на палубе сухогруза «Новиков» пробивающего паковый лёд, я припоминаю дорогих мне школьных друзей. Тех, с кем читали правильные книги, бредили рисковыми путешествиями и боялись, что всё до нас будет открыто.

Докладываю вам, пацаны: я – кормовой Вовка Яковлев здесь - в Карском море. Впереди Северная Земля, остров Жохова, море Лаптевых и Восточно-Сибирское море, остров Врангеля... Только что прошли Мыс Желания.

И мне кажется, что как тогда, в интернате, всем нам улыбаются ещё живые Русанов, Нансен, Альбанов, Брусилов, Седов...

И я встаю, как на молитву, придавливая коленками тающий снег, и пишу на чёрном чугунном палубном кнехте, на трепещущем листочке бумаги, посвящённые и нам, и погибшим покорителям Арктики стихи:

Море Карское.
Мыс Желания.
Удивительные, как сон,
Кружат белые изваяния,
Закрывающие горизонт.

Между ними, проход выискивая,
Мы спешим, но куда ни глянь -
Встали белыеobeliski
Затерявшимся кораблям.

Между плавающих гигантов,
Между этих ледовых скал
Шхуну русского лейтенанта
С детства я отыскать мечтал.

3. ТЯЖЁЛЫЙ ЛЁД

Поздний рассвет показал, что по всему нашему курсу до самого горизонта, а скорей всего и дальше, лежит классический тяжёлый паковый лёд. Тут и авиаразведку заказывать не надо: тут и бабушке ясно, что этот дебёлый лёд – не наш.

Посмотрите сами, даже на сломе у кромки каждая льдина на полтора метра торчит над водой! Значит, дальше будет – все три с половиной. Не с нашим рылом - в калашный ряд. Остаётся ждать пока наберётся караван из таких, как мы, одиноких горемык. Тогда и ледокол запрашивать можно. Ну а пока стоим и ждём. Время течёт медленно. Делать нечего.

4. МИШКА

Пока собирался караван, пока ждали ледокол, к нам аборигены пожаловали. Вот лупоглазый тюлень подплыл, нами интересуется. Вот полярная пуночка на ванты села.

Пиком событий стало объявление боцмана, по громкой:

- Внимание, все наверх! - (пауза.) – и, хохотнув, добавил, - Медведь за бортом.

Все рванули наверх. Царя природы смотреть. Оказалось, никакой это не царь и не принц. А махонький медвежонок, которого мамка бросила.

- Ну, допустим, не бросила, а где-то рядом промышляет,- слышались голоса ветеранов.

Медвежонок слушал наши разговоры, наклоняя и поворачивая свою голову. Потом твкнул по-собачьи.

- Что он хочет сказать?

- Он хочет сказать, что жрать хочет, а мамки нет.

- А что он жрёт?

- Да всё, что дадут.

Вся команда разом поворачивается и кричит в открытую дверь камбуза:

- Кок, дай сосиску! Медведь жрать хочет!

- Некогда мне дурью мучиться,- отвечает кок и захлопывает дверь камбуза.

- А сладкое он жрёт? – интересуюсь я.

- Ну какой же ребёнок не любит сладкого?

Я - мигом в каюту, отыскиваю банку сгущёнки и скатываюсь на локтях по поручням трапа. Нож большой, банка маленькая. Поэтому и надрезы получаются, как у пилы на лесоповале, огромные, зубчатые.

- Эй, ротозеи! - кричу я.- Посторонись, кидаю.

Описав широкую дугу, банка шлёпается рядом с Мишкой. Тот отпрыгивает. Но, заинтересовавшись блестящей штучкой, подкрадывается ближе, нюхает, катает банку лапой.

Затем царевич природы снова смотрит на нас.

- Привереда... – слышится с мостика.

- Ешь, что дают! – советует команда.

Палуба хохочет.

Тем временем медведь распробовал лакомство и дело пошло. Он катал банку, стонал, рычал, зажмуривал глаза и тьякал от удовольствия.

Такое же удовольствие читалось и на лицах всей команды. Между тем, дело принимало неприятный оборот. Долакав сгущёнку, медвежонок стал облизывать зубчатые края банки, похожие на пилу лесоруба.

Ему было больно, но расстаться с лакомством он не мог. Снег вокруг банки порозовел детской кровью, а он всё лизал и лизал.

- Прекратите издеваться над ребёнком,- заголосили буфетчицы и половина команды хмуро посмотрела в мою сторону.

- Ну и что вы на меня смотрите?- промямлил я.
– Бросайте шторм-трап, я мигом отберу у него банку.

- Я тебе отберу! Я тебе брошу шторм-трап!! - зарычал боцман.- Ты не устраивай тут приключений!. Мне что потом «Человек за бортом» играть? Мнение команды разделилось поровну. Сердобольные, включая девчонок, были за то, чтобы я всё-таки полез на лёд.

Философы рассуждали иначе:

- Тут всюду камеры понатыканы, а боцману через полгода на пенсию.

Были и более ужасные варианты событий:

- Пока мамки нет, всё в порядке, а как только Вовка на лёд выбежит, она и его и съест.

- Будьте уверены, съест!

- Обязательно съест! Уж я-то знаю.

- Медведи быстро бегают.

Тем временем ребёнок долизал банку, съел этикетку и, пнув ногой тару, заковылял искать мамку.

- Расходись, народ, кино кончилось.

- Медведь неблагодарный! - Послышалось с палубы, - А спасибо сказать забыл?

- Забыл! - сказали буфетчицы и заплакали.

5. ПОМОЩИ ЖДАТЬ НЕОТКУДА

Старший помощник капитана был когда-то капитаном, но его подвела доброта, а также излишнее трудолюбие.

Везли мы на крохотный остров Шмидта аппаратуру. Хрупкую, импортную, научную.

Подошли к берегу. Берег для высадки неудобный. Капитану бы, как полагается по уставу, дать команду «Стать на якорь!» и трава не расти. Пусть сами учёные разбираются: их груз - их головная боль.

Но, вот беда - волнение поднимается, ветер боковой. Шлюпку перевернёт, а то и вовсе унесёт ко всем чертям собачьим со всеми научными причиндами.

Да и много ли на вёсельных шлюпочках груза перевезёшь? А у зимовщиков и горючее, и баллоны с газом для зондов и сборные домики, и дрова с углем.

Вот, и решил Василий Фёдорович пойти людям навстречу. Помочь, так сказать, науке.

С юга к берегу подошли – учёным не нравится, с востока – тоже не нравится. А море волнуется раз, море волнуется два. Рулевому штурвал по пальцам бьёт:

- Рисуем, Василий Фёдорович!
- Мужайся, моряк, стой себе на руле.

Допрыгались! Подкинуло нас боковой волной к берегу, да и сели мы на мель всем корпусом. Учёным смех, нам слёзы. Выгрузились они конечно, с комфортом. Сухими из воды вышли. Мы же их от ветра машиной корпуса корабля прикрывали.

Бегают очкарики по валунам, место для посёлка выбирают. А мы сидим и плачем. Крепко сидим.

Тут капитан задал любимой команде работы:

- Ребята, раз помощи ждуть неоткуда, раз никто нас с мели стягивать не собирается, обойдёмся своими силами?

- Как это обойдёмся?

- Надо только перегрузить всё, что можно, на другой, не лежащий на дне борт. Благо, что все винты целы, а машина у нас, - сами знаете – дай боже!

Легко сказать, перегрузить с борта на борт груз корабля водоизмещением 140 тысяч тонн! Но кэпа мы уважали и потому работали день и ночь в три смены. За себя и за вон того дядю, что между нами, как провинившийся, ходит.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Недельки через полторы всё же снялись мы с мели. Дали «Малый – вбок!»

И тут, прямо на носу, в жвака-галсе, что-то сильно запылило, задымилось. Полундра!

Хотя, если трезво подумать, ну что может гореть в трюме для хранения коренной якорной цепи, приваренной к корпусу судна? Там же одна сталь!

Это по морскому уставу, а на деле - хранилось в этом трюме под полубаком кроме якорного устройства премного всякого барахла: матрацы в тюках, масляная краска в бочках, судовая библиотечка, банки с кинолентами и прочая дрянь, которую мы второпях, когда снимались с мели, понасовали куда угодно. В том числе и сюда.

Хотели, как лучше, а получилось... Видать, второпях аврала какой-то проводок задела. Тут и короткое замыкание. Тут вам и, будьте любезны, возьмите огнетушители, половина из которых, не работают.

Были в мыле - стали в копоту!

Радист, чтобы время тянуть, стучит: дескать, страшно затёрты льдами, отстаиваемся, ждём, когда метеообстановка улучшится.

Штурманы из солидарности в бортовом журнале тоже всякую фантастику сочиняют: дескать, всё хорошо, прекрасная маркиза, не извольте беспокоиться...

Но не зря говорят, что беда одна не приходит, а, коли приходит, так сразу с двумя подружками. Общее перенапряжение, Расслабуха. И, когда нам казалось, что всё уже позади, наскочили мы сдуру на подводный риф.

Сильно наскочили. С правым дифферентом в тридцать восемь градусов. Ещё немного и сыграли бы оверкиль.

Пришла пора сдаваться. Пробоина налицо, следы пожара – налицо. И вранья в пронумерованных журналах - не стереть! - Баста.

Пришло судно-спасатель. Прилетело начальство. Мы, естественно, ввали, как могли и дознавателям, и следователям, и чиновникам из пароходства.

А что? Кто скажет, что у каждого острова каждый риф помечен? Сами-то в лоцию давно заглядывали?

И потом, кто скажет, что на всех кораблях вся проводка вовремя меняется?

А по линии морали - кто рискнёт сказать, что не надо содействовать Нашей Науке? Тем более что друзья по несчастью - совестливые зимовщики, пошли нам навстречу. Добились того, что руководство Института Арктики и Антарктики направило благодарственное письмо за геройский поступок капитана Приходько в наше долбанное пароходство.

Дело замяли.

Фигуранта не посадили.

Но с капитанов, всё-таки, сняли. Точнее, понизили до старшего помощника. С тех пор стал Фёдорыч какой-то задумчивый.

6. СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Стоим мы с Василием Фёдоровичем, опираясь на студёные трубы леерного ограждения, и смотрим, как наш караван ведёт ледокол.

Я говорю:

- Красиво.

Старпом говорит:

- Хреново!.

Я знаю, что именно так сейчас бурчат судоводители всех кораблей, покорно плетущихся за лидером.

Тут и личный опыт их сказывается, и осторожность.

Но больше всего гнусная человеческая зависть. Ну какой сухогруз не мечтает стать ледоколом?

Старпом тупо смотрит вниз, где пенится и исчезает в сером крошечке льда сизая забортная вода, потом резко, как в баскетболе, грубо блокирует меня:

- Яколеф, ты стенгазету когда мне нарисуешь?

- Сёдни.

- С фотографиями?

- Ага.

Иду, чертыхаясь, в каптёрку.

Вот хотел поспать, а не получается!

Система организации вахт «четыре через четыре» скоро доконает меня.

Четыре часа вахты, а затем - четыре часа отдыха. Так «вахтуют» все команды российских судов в Арктике.

В тёплых морях хорошо, там вахты несут как обычно. А вот когда мы рубимся по Северному Морскому Пути сквозь торошенные поля... Когда теплоход с размаху бьётся башкой об лёд! Когда стаканы летят с тумбочек, и, если ты спишь непривязанным, то просыпаешься уже на полу, - стоять вахты в обычном режиме не-воз-можно. И мужики переходят на, так сказать, «военное положение» по формуле «4Х4».

Время вахты сокращается вдвое, Но и время отдыха тоже. Да и какой там «отдых», у главного фотохудожника и редактора замечательной корабельной стенгазеты «Почему мы скоро потонем»?

Обидно! Все свободные от вахты братишки давно спят, а я тащусь в фотолабораторию, переделанную из старпомовского туалета, печатать снимки для чьих-то жён, невест, и вертихвосток.

Внезапно путь преграждает кок:

- Стой, хватограф! Всех щёлкаешь, а меня нет. Почему?

- Некогда мне!

- А вот я тебя кормить тогда не буду.

- Ладно, доставай черпак и чепчик глаженный.

Стой здесь. Я - за фотоаппаратом.

Через пять минут я уже нащёлкал кучу снимков: «Кок - с ложкой!», «Кок - с поварёшкой!», «Кок - с пробковым кругом!», на коем значится порт приписки и гордое имя нашего парохода..

- Слушай, Вова,- по-человечески улыбнувшись, сказал повар. – А давай я и тебя бацну. А то ты всех бацаешь, а тебя – никто. Я аж прослезился, услышав

от него такое. И тут же сказал:- Давай мне спасательный круг.

Вот так и появилась эта фотография.

7. КОТ В КАМБУЗЕ

Обычно в самом начале навигации проводится собрание судовой команды. Среди важных вопросов обсуждается и вопрос питания.

Старпом спрашивает:

- Из какого расчёта, громодяне, питаться будем?

Это значит, сколько из нашего заработка ежемесячно будут удерживать для покупки продуктов на каждой стоянке. Команда демократическим голосованием решает.

Не знаю, как на других кораблях, но в нашем трудовом коллективе особенно тесно сплотились трое: боцман, кок и артельщик.

Что их спаяло? – конечно же водка! Где они деньги брали? Да у нас и брали.

Вот только бросим швартовы там, где есть какой-нибудь сельмаг, базар, или промысловая точка, и бегут по скрипучим сходням трое «героев из «Кавказской пленницы» - это их так народ окрестил за то, что они всегда под хмельком.

Как эти алкаши концы с концами сводили? А никак. Бросят за борт длиннющий линь с крючками. Пока судно идёт, на эту верёвку что-нибудь, да наловится: селёдка, треска, морской окунь.

Наша команда была малоскандальной: ну рыба, так рыба. Сегодня рыба, завтра рыба, послезавтра – тоже рыба. Мяса, правда, хоть иногда хочется, но не поднимать же из-за этого шум?

Вот о чём думал я, ожидая, пока высохнет негатив с Морьяками Арктики и алкашом-коком.

Думал и с ненавистью косился на рулон английской фотобумаги, мечтая о том, чтобы её поскорее не стало. Чтобы при встрече отвечать старпому:

- Фотобумага закончилась. Амбочка.

Чтобы всем любителям нахаляву получать героические портреты тоже смело и правдиво повторять:

- Отвяжитесь. Нет бумаги. И не будет.

И чтобы спать после вахты, как все нормальные люди, а не бежать сюда в старпомовский туалет, переделанный в фотолабораторию, чтобы, шатаясь от усталости, возиться с проявителями и закрепителями.

Можно было бы, конечно, улучив момент, выбросить к чёртовой матери весь фоторуллон в бескрайние просторы Ледовитого Океана... Но я же из смоленских крестьян, а у нас губить добро не принято.

8. БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Итак, представьте себе Матроса, мужественно поднимающего, как перископ подводной лодки, огромный, - где такой только достали? – фотоувеличитель. Матрос клюёт носом от усталости, клянёт рулонище матовой фотобумаги, – чтобы её оставалось как можно меньше! И увели-чи-вает, увели-чи-вает формат каждого стенгазетного снимка (чтобы побыстрее израсходовать эту чёртову бумагу).

Когда дело доходит до фото кока, увеличенный снимок по размерам уже походит на плакат. Матрос любит свою работу: герой в образе, композиция монументальна, тени проработаны, резкость идеальна!

И тут в его подточенное тщеславием сердце закрадывается сомнение. Он начинает говорить сам с собой:

- Как же так? Я – лучший художник нашего парохода, воспеваю пьяницу и ворюгу, обкрадывающего товарищей? От гнева и усталости его сознание начинает раздваиваться. В духоте уборной, переделанной под фотолабораторию, он начинает мнить себя карающим мечом команды. Бесстрашный Матрос поднимает, ещё и ещё выше, как Флаг Борьбы за общее дело, за справедливость, - к самому потолку! – горячую железяку фотоувеличителя, отводит в сторону красный фильтр и считает пули секунд фотоэкспозиции.

Затем берёт старые бортовые журналы, и, чтобы высветить траурную рамку, тесно укладывая их друг к другу, оставляет большие поля по краям Он шепчет:

- Одной торпедой троих: боцмана, артельщика, кока. Особенно кока!

Включает верхний свет:

- На тебе, ворюга! Получай!

Большой портрет мучителя команды, засвечиваясь по краям, облачается в широкую траурную рамку...Матрос смотрит на часы и восклицает:

- Ёлки-моталки! Опаздываю. И бежит на обед.

9.ЮМОР ГОЛОДНОГО ЭКИПАЖА

Скучно на дальних переходах: Одни и те же лица, одно и то же дело. Поэтому любая ерундовина часто превращается в событие, к которому охотно приобщаются все.

Когда я влетел в кают-компанию (она же столовая, она же библиотека, она же кинозал), все уставившись на меня, спросили:

- Ну?

Я распахнул ещё мокрый рулон с траурным изображением кока и торжественно произнёс: Вот!

И зашумела толпа, обсуждая неминуемую моральную гибель всенародного прохвоста. Взбурлило сотворчество. Штурманы притащили планшет и кнопки. Механик скрутил венок из веника. Буфетчицы украсили его чёрными лентами. Когда пыл утих, коллектив обратился ко мне:

- Вовка, сочини мадригал.

- Чиво? – не поняли буфетчицы.

- Надгробную надпись!

- А не слишком ли это, ребята?
- Не слишком! - Ответила команда.

Ну и понеслось!

Понять мое состояние в силах только древнегреческие оракулы, громко вещавшие от имени народа. И я начал, важно расхаживая между столов, импровизировать:

Он прожил свой недолгий век,
Борясь с голодным светом.
Он был хороший человек,
Но делал – рыбные котлеты!!

Штурманы быстро написали эту надгробную надпись. Строчки мадригала красиво перекликались с траурной лентой. Наконец, коллективный творческий экстаз иссяк и в зале наступила тишина. И тут над народом встал радист. Скрестив руки и наклонив голову, он критически обозрел всю композицию и сказал:

- Чего-то здесь, всё-таки, не хватает.
- Чего? – спросил коллектив.
- Рыбы не хватает для натюрморта.
Все прыснули со смеху.
- Предлагаю доверить это дело мотористу.
- Почему всё я, да я?
- Ты, Шурик, у нас выдвиженец. – сказал радист. - И голос у тебя нахальный, и рожа кирпича просибельная.
- А вот оскорблять меня не надо.
- Это мы понимаем, потому и поручаем тебе от имени всего народа идти в разведку.

- Узнай, что вкусенького на обед.
- У кока - и вкусенького? Рехнулись?
- Иди, разведка, тебе коллектив доверяет!

Младший моторист, окрылённый данным поручением команды, кометой ворвался в камбуз:

- Кок, чо у нас на обед?
- Иди отседова, тюлень чумазый, припёрси в грязных прохарях.

- Нет, правда, Лешка, ну что мы кушать будем?

- А тебе не всё равно?
- Сволочь-кок, а ну, кок, подавай Меню!
- А «Тебю» не хочешь - черпаком по рылу?

В наступившей тишине разведчик тихо обдумывал обходной манёвр.

- Леша, ну я тебе очень вежливо говорю: мне на вахту надо. Срочно. Вот глуханут оба двигателя, потеряем ход и впендюримся в какой-нибудь айсберг. И поплывёшь ты, гад, в своей кастрюле по Ледовитому Океану, раздвигая шницеля.

- Ну, довел ты меня, хрен чумазый. На - жри!

Терелка сыроватых котлет с пережаренной капустой легко проскользила и замерла на краю стола. Моторист вылетел из камбуза и гордо, словно достал языка из вражеского штаба, воскликнул:

- Котлеты!!!
- Какие?- затаив дыхание, спросил коллектив.
- Сырые, - ответил разведчик.
- Балда, тебя спрашивают из чего они сделаны.

При слове – Рыба! - все вскочили со своих мест и воткнули вилки в две несчастные котлеты. Получилось нечто вроде ёжика.

Радист подвинул это дивное сооружение поближе к плакату и, любуясь экибаной, стоящей на столике у входа в камбуз, заключил:

- Готово. Будем ждать развязки.

Океан не то чтобы трясло, но как-то подозрительно лихорадило. Где-то по рубку тонули и снова выныривали малые сейнера, где-то штормовые волны кувалдами били в мол и циклон прижимал к аэродромам самолёты. А нас только слегка покачивало.

Тоннаж корабля позволял нам чихать на погоду.

Не всегда, правда. Но сегодня было именно так.

Запоздавший, запаренный и нервный, с колёсной каталкой раздачи в столовой появился кок Алексей Константинович Чергинцев.

Привычно и быстро - налево и направо - раздавая тарелки, он вдруг остановился и подозрительно спросил:

- А что это вы все на меня уставились?

Народ молчал.

- Опять прицепили какую-нибудь гадость? – И то ропливо ощупал себя сзади.

Народ ещё сильнее молчал.

Лёха, успокоившись, покатыл дальше, раздавая котлеты. Покачивало. Все взоры скрестились на виновнике торжества, к которому уже давно приклеилась кличка «Кот в камбузе». Артельщик и боцман при этом только хмыкали да пожимали плечами. Делали вид, что это их не касается. Лёха, сделав классический оверштаг - лихо развернувшись на 180 градусов, покатыл пустую каталку восвояси. Не доходя до камбузной двери, остановился как вкопанный, мгновенно оценил злободневность нашего творчества и, пистолетом выбросив указательный палец прямо в меня, рявкнул:

- Ну, Хватаграф, этого я тебе до смерти не забуду!

Когда все разошлись, прижал меня боцман у двери, взял за горло и педагогически изрёк:

- Эх, салага, какой коллектив испортил!

Я с омерзением отвёл его руку и прошипел:

- Шёл бы ты, боцман... на пенсию!

Пролетавший мимо радист мгновенно оценил ситуацию, взял боцмана за пуговичку, и медленно так проговорил:

- Не трусь, боцманюга, кляузы писать не будем. Мы со всеми вами по-братски, разберёмся.

10.ГОСПОДИН КОМАНДЕ НЕ ТОВАРИЩ

До вахты оставалось всего ничего и я решил малость прикорнуть.

- Куды несёсси, Яколеф? – Перехватил меня старший помощник капитана.

- Отдохнуть хочу перед вахтой, Василь Фёдорович.

- Потом отдохнёшь, ну-ка подь сюда!

Голос помощника капитана не предвещал ничего хорошего.

- Это ты бунт на корабле устроил?

- Нет, Василь Фёдорович, не я.

- А кто - Пушкин?

- Гумилёв.

- Какой Гумилёв?

- Ну тот, который:

«... бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыплется золото с кружев
Розоватых брабантских манжет»

- Это что ж, Васька Гумилёв стихи начал писать? Говорил засранцу, ты же завпродскладом! На тебя люди смотрют, зачем тебе золотые запонки под халатом? Ворованное глаза людям колет. Довыдрюкивался, козёл... Однако, ты мне зубы не заговаривай. Почему весь пароход ходуном ходит? Ты виноват?

- Нет не я.

- А кто?

- Вы сами, Василь Фёдрыч!

- Как это?

- Вы с командой когда в последний раз обедали?

- Да и не припомню. А при чём здесь это?

- Рыбу в последний раз когда ели?

- Жена готовила дома. Яковлев, что ты меня в дебри заводишь?

- А мясо когда ели?

- Вчера, позавчера, сегодня. Как положено.

Мне кок в каюту приносит из уважения.

- Ваш кок - воришка! И боцман – вор! И артельщик ворюга. А вы их покрываете. Знаете, как вас теперь за глаза называют?

- Как?

- «Олигарх грёбанный»!

- Ну ты, салага, слишком-то не кочегарь...

- А мы вас ещё выгораживали на Врангеле.

Груза таскали. Матрацы тушили...А вы...

- Знаешь, юнга, за такие оскорбления раньше под килем протягивали.

- Что, правда глаза колет?

- Да я ж не знал, что они воруют.

- Фёдорыч, вы были для команды «товарищем капитаном». А стали - «господином старпомом».

- Юноша, не шебурши.

- Подумайте, господин старпом! Однажды с такой хреновины на броненосце «Потёмкин» революция началась.

Следующая навигация проходила уже с новым коком. Василий Фёдорович ушёл на пенсию. Артельщик перевоспитался. А боцману просто не с кем стало пить. Сытно стало на дальних переходах. Но скучно.

ЭТА ЖАРКАЯ НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ (РАССКАЗ ПОЖАРНОГО)

Работа у нас не пыльная. Зато жаркая. Не в белых воротничках работаем.

Но подворотнички у нас белые: и в нашем чумазом быте есть щегольство.

Вот, помнится, встречали мы как-то Новый год. И не где-нибудь, а на дежурстве.

Встали в строй. Сапоги поблескивают, гимнастёрочки заправлены, подворотнички снега белее – щёголи записные и только. А Паша Ровченко – начальник нашего караула, и того пуще: галифе в обтяжку, сапоги – ясным зеркалом, портупея новенькая, как родного, обнимает. Мы-то знаем, что к чему: есть у нашего командира невеста. Нафуфыривается, наверное, сейчас перед зеркалом. И Пашка, тоже к встрече готовится.

Однако, есть у пожарных примета, стоит надеть кому-нибудь что-нибудь новенькое, тут вам и «покатит масть»: вызов – за вызовом, пожар – за пожаром.

Косимся мы на начкара, но помалкиваем. Стараемся преодолевать ерунду предрассудков. А, всё же, друг на друга, нет-нет, да и поглядываем. И только мы разложили на столе наши нехитрые безалкогольные радости, только разлили по стаканам детскую шипучку... - Трах-бах- тара-рах! - Тревога!!!

Заголосила сирена. Заскрипели ворота. Захлопали дверцы. Взревели моторы. На бегу напяливаем куртки, на лету застёгиваем каски. Метнулся наш лейтенант в диспетчерскую, схватил путевку, скользнул зорким взором по карте района выезда, и тут уж не до

переодеваний!

Мчат по городу наши многотонные автоцистерны, ломаются на красный свет. Бьют по стёклам набегающих домов вспышки проблесковых маяков. Расступись Вселенная! А Паша, командир наш, – герой! В кабине первого хода царствует: правая рука на планшете, левая – на клавишах бортовой радиостанции:

- Я полсотни два! Что горит, где горит? Уточните маршрут следования!

Горели капитальные каменные гаражи. Прямо по курсу мы уже видели танцующее зарево. И тут головная машина будто ткнулась во что-то. По инерции нас бросило вперёд. Чокнулись касками:

- С Новым годом, мужики.

Тяжёлые колёса «Урала» зависли над свежей траншеей:

-Блин! -Газовики перекопали!

-А объезжать – три квартала!

-Бабуля,- спрашиваем придремавшую старушку,- дворами проедем?

-Нет милые, там моё бельишко сушится...

-У, с-с-собственница! - рычит Витёк-водитель, рывком бросая сцепление. Многотонная махина, качнувшись, срывается с места. По клумбам, по грядкам, по выгородкам, еле вписываясь в промежутки между жилых домов, теснимся, щемимся, рвёмся напрямую к пожару! А по обе стороны автомобильного радиатора, как волны у парохода, тянутся, развеваясь на ветру бабкины простыни.

- Жалко бабушку! – сетуем мы, всё-таки одобряя действия нашего водителя. – На пожаре, как на пожаре.

Ну вот и прибыли.

Встречают.

Клянут за опоздание.

А новогодний фейерверк в разгаре!

Горит шеренга осанистых гаражей, вплотную прижавшихся друг к другу.

Рвутся канистры, взлетают какие-то банки, склянки. В гаражах много чего напихано.

Огонь вырывается наружу, жадно облизывая двери каменных боксов. Нам – туда!

- Ворота железные.

- Замки внутренние.

- Ломом не взять.

- Тут нужна грубая сила...

Всё это проносится в наших головах, пока мы, обгоняя друг друга, летим, подбрасываем вверх дверца боковых отсеков, вытаскиваем-выхватываем-ловим спирали брезентовых рукавов, на ходу прикидывая точки ввода стволов.

Ну и командир наш, конечно, залиvisto командует:

- Первым расчётом: Чергинцев, Викулов, Шипулин боевое развёртывание!

- Есть.

- Проложить магистраль на два ствола!

- И чего орать-то?- недовольно бормочет Викулов, - в первый раз, что ли?

- Пусть покрасуется,- подхватывает Шипулин,- народу-то вишь сколько...

Трещат горящие доски, звенит лопающееся стекло, матерятся мужики и тоненько причитают бабы.

Двухметровый Викулов сплеча бросает рукавную скатку. Она начинает разматываться уже в воздухе, послушно ложась по идеальной прямой. А Серёга, презрительно отвернувшись, успевает выдернуть на себя её нижний конец и клацнуть алюминиевой муфтой, присоединяя первый рукав к насосному патрубку.

Кто бы знал, сколько тренировок предшествовало этому изяществу!

- Морозов, Коровин – отсечь пламя!

- Локализовать!- поправляет командира мужичок-с-ноготок Петя Морозов.

- Поумничай тут у меня...

- Лом-багор-топор-лопата - вот чем служба черевата! – ехидно подначивают нас бездельники-чистоплюи-водители, спокойно стоящие у подтекающих насосов. Они своё дело сделали, привезли, теперь наша очередь пострадать за Честь Пожарного Дела.

Только не говорите – «пожарника» вместо «Пожарного»- мы же не поджигатели! А если скажете «шланг», вместо «Рукав», тут же услышите дружное: сам ты «шланг» и никто даже разговаривать с вами не станет.

- Яковлев, Пирущий.

(Это нам.)

- Вскрыть дверь!

Хватаем из-под пеналов увесистую лестницу-трёхколенку и, не раскрывая её, словно тяжёлым средневековым тараном, бьём в дверь. Дверь даже не шелохнулась.

Разгоняемся по новой – стоит проклятая!

В толпе начинают посмеиваться. Витя Шубин, водитель первого хода, тихонько протягивает мне пожарный крюк. Цепляю его за дверной косяк снизу. Трос натягивается, и «Урал» всей своей мощностью вытаскивает целиком дверь с рамой и половиной гаража! Толпа в экстазе. Дверь, висящая на верхней петле, дымит фанерной обшивкой, плюётся горящим пенопластом, скрипит и раскачивается, словно крыло огромной Жар-Птицы.

- Хлопчики-пожарнички, мальчики родненькие, - бросается к нам коротконогий пузан, - мерсик мой вытащите! Век буду обязан! Всем по ящичку водки ставлю.

- Нашёл чем купить! - сплёвывает Пирущий.

Работаем лёжа. Баграми пытаемся зацепить передний бампер хозяйского «мерзавца»...

Пламя хлещет по лицам, растекаясь кляксами по стеклянным забралам пластмассовых касок. Боймся, что у чёртова мерса прогорит бензобак – и бомбой ахнет объёмный взрыв. Что останется от мерса? Что останется от нас?

Тянем-потянем – вытащить не можем. Что за дела?

- Ё-моё! - так она же у меня на противоугоне! Я ж ей колёса заблокировал! – рыдает коротконогий пузан.

- Мальчики, ну придумайте же что-нибудь! Уж я вас не обижу.

- А, семи смертям не бывать!- крикает Пирущий.- Парни, а ну-ка помогите!

С обожженной огнём машины медленно сползает краска.

Впятером подходим к обожжённому «мерзавцу», берёмся за крылья, за бампер. И, рывком подняв тяжёлый передок мерседеса, выталкиваем обжигающую руки машину из пылающего гаража. Кряхтим, стараясь не замечать шелушащейся краски около горячего бензобака. И, ещё не отдышавшись, слышим гневный вопль хозяина:

- Сволочи, я на вас в суд подам! Машину мне поцарапали! Ничего доверить нельзя...

Не реагируем. Привыкли. На пожарах и не такое бывает.

Спешим.

Спешим.

Спешим.

В нашем «Урале» всего-навсего четыре тонны воды. А насос, если дать по максимуму, выдавит её через два рабочих ствола за каких-нибудь семь-восемь минут! Вот и крутись, как можешь, если к тому же не найдёшь поблизости исправного гидранта, да не подзаправишься.

Шуруем, тушим, орём, толкаем друг друга. Гляжу на часы:

-Мать честная! Без трёх двенадцать... С Новым годом, мужчины!

- И тебя туда же! - хором отвечают те, кто слышит.

Уже взломаны двери шести гаражей. С помощью жителей выкатили ещё две машины. Люди благодарят нас. Компот несут. Куски торта с новогоднего стола – огромные, руками не взять.

А пламя не сдаётся, лижет пропитанные маслом полы, прожигает смежные стены. Выкатываем бензиновые бочки, выбрасываем чадящие скаты, с полуслова понимая и уважая друг друга.

А знаете, что самое страшное на пожаре? Огонь? – нет! Неотключённые провода? – нет! Возможность провалиться в какую-нибудь яму, попасть под горящую балку или под просевшую крышу? – Нет! Самое страшное на пожаре – работать в паре с новичком, которым и был в эту незабываемую ночь наш стажёр Лешка Чергинцев, за которым, бдительно присматривал сам командир нашего караула лейтенант Павел Иванович Ровченко.

И все, вроде, было хорошо: ничего не взорвалось, никто не поранился.

Чтобы не разгорелось повторно, мы, разбившись на равные группы, ведём проливку очагов горения. А стажёр наш, не в силах успокоиться, бегаёт туда-сюда. Мы покровительственно улыбаемся, понимая, что первый пожар – это, как потеря девственности, – на всю жизнь запомнится. Но, чтобы избавиться от суетливого помощника, посылаем его к начкару.

А Павел Иванович в то время обходил боксы, ковырял провода, стараясь установить причину возгорания, дабы красиво и точно доложить об этом, как всегда запаздывающим, следователям районной прокуратуры.

Услышав, что в соседнем гараже Лёшка играет со стволом, Павел Иванович зычно гаркнул:

- Воду экономь, салага!

Но поскольку эта команда была слишком отрывистой, а Лёшка ещё не владел ситуацией в силу своей молодости, ему показалось, что лейтенант приказал «дать воду- на голос», как это было только что в моменты наших огненных кульминаций. Ну он... - и дал!

Упругая струя устремилась через стенной прогар в соседний бокс, где находился ничего не подозревавший напедикюренный Павел Иванович...

- Кран перекрой, салага! – уворачиваясь от холодного душа, кричит Паша.

Дорогие читатели, вы когда-нибудь видели такой фокус: возле примуса стоят две бабки и о чём-то орут. Орут друг дружке и не слышат, а за полквартала всем всё ясно. Это потому, что рядом с примусом.

Вот такой эффект примуса сработал и в ту злополучную ночь. Шипящая струя, заглушая слова Павла Ивановича, делала их неразборчивыми. Лешка подумал, что командир торопит его, что надо дать как можно больше воды, ведь проливка ещё не закончилась.

И Лёшка-стажёр с радостью включился в тушение. Красный кран комбинированного ствола под его старательной рукой провалился вниз до отказа.

Струя в шесть атмосфер стенобитным бревном с гудением и рёвом пошла в амбразуру прогара, сшибая на своём пути всё, что было у неё на траектории. Трепетно взлетели вверх полочки. Баночки с масляной отработкой, скляночки со старой тормозухой, тубики с герметиком и солидолом, черепок с наведённой синькой - вся эта адская смесь, клубясь и подпрыгивая, пошла в соседний гараж, где корчась

от невыносимой досады, терял свой новогодний шарм жених Павел Иванович Ровченко.

По блескучим крыльям командирского плаща стекали мутные пятна всех цветов радуги. Где ты, наглаженное галифе?

Закончив проливку, мы окружили нашего командира. Я уважаю ребят за то, что, в эту минуту никто из нас не рассмеялся. Мы выдержали это испытание.

- Ладно, Паш, не расстраивайся, в этом году ты её уже не увидишь.

- Всё равно она уже ушла.

- Новый год, никого не ждёт.

Однако, никто из нас даже предположить не мог, что именно в эту ночь будущая жена Павла Ивановича Лена в самый первый раз докажет ему свою верность, пританцовывая на морозе у въезда в пожарное депо.

А у нас, тем временем, было всё, как обычно: расписались в прокурорских бумажках, ещё раз пролили – чтобы повторно не выезжать - все сомнительные места, доложили на центральный пункт пожарной связи и, получив «полный отбой», покатали восвояси...

Третий час ночи. Небо расцвечивают китайские погремушки, которым, естественно, далеко до нашего отгремевшего фейерверка. Лишенные привычной тяжести, машины идут легко. Легко и радостно у нас на душе от сознания исполненного долга, от праздника, который уже давно наступил. Ночь, а машин в городе - навалом. И нам, как всегда, никто не уступает дорогу. А мы и не спешим! Ведь, у нас ещё вся жизнь впереди.

ГРЕНАДА
ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВА
Исследование литературного творчества

Секретарь секции критики
Северо-Осетинского отде-
ления Союза писателей России,
кандидат филологических
наук.

ТАМЕРЛАН ТЕХОВ

1.Боевая позиция поэта

О чём бы ни писал замечательный русский поэт Владимир Яковлев, каждая из его книг возвращает нас к песне Михаила Светлова «Гренада», ставшей девизом нескольких поколений с их интернационально-библейской готовностью «умереть за други своя». Вот такая мера ответственности за происходящее. Вот такая у автора масштабность поэтического видения и, как говорят, - «глубина литературной вспашки».

2.Жажда жизни

А теперь поговорим о Жадности поэта, которому неймётся на хорошо обжитом месте. Он вечно голоден по настоящим делам и хорошим людям. Это и гонит его то на БАМ, то на БСК, то в Кара-Кумы, то на Северный Полюс.

Сразу и не поверишь: как это - один и тот же человек мог ходить на корабле, быть помощником бурового мастера на Кавказе, художником на Смоленщине, командиром звена пожарной разведки в Ставрополе, к тому же дослужившимся до майора милиции. Он же, – не удивляйтесь! – старший научный сотрудник картинной галереи в Брянске, преподаватель университета, поэт с дипломом московского Литинститута им. М. Горького и профессиональный журналист – ведущий целого ряда краевых радио и телепрограмм. Организатор, создавший первые в стране ведомственные телестудии: «Тревога» ГУ УВД СК, «Призыв» ВКСК, «Экстремальный экран» Главного управления МЧС по Ставропольскому краю. И во всех этих ипостасях он выступает неистовым созидателем, трезвым аналитиком, объективным философом и крайне субъективным борцом, даже в невыгодной лично для него ситуации.

3. Вехи творчества

Это и нашло своё отражение в семи изданных им поэтических сборниках («Место в строю» - 1979 г.; «Продолжение» - 1982 г.; «Вечный огонь» - 1998 г.; «Сухой порох» - 2000 г.; «Офицеры границы» - 2006 г.; «Якорь» - 2009 г.; «Право выбора» - 2015, «Украинская трагедия» - 2016 г.).

И наконец, в 2020 году, вся картина восприятия жизни автора раскрывается в солидном, добротном составленном сборнике избранных произведений, где читатель становится свидетелем рождения «Новой поэзии» В. Яковлева.

Она связана с трагическими событиями в Донбассе, которым поэт противопоставляет своё перо и реальное участие в происходящем.

4. Патриотическая лирика

Регулярные выезды в «горячие точки», активная волонтерская деятельность, писательское слово, максимально выражают гражданскую позицию автора.

В его патриотической лирике, отдающей должное подвигам солдат Великой Отечественной войны.

О, сколько золота на сером...
Пока глаза не заболят – читай!
От страшных тех посевов
Прогнулись русские поля.

Точные, единственно нужные слова и живорождённые не затасканные образы определяют суровую, без излишеств текстуру поэтической речи, напоминающую серую, но согревающую солдатскую шинель.

5.Творческая индивидуальность автора

Авторский словарь, тяготеющий к повседневной, бытовой лексике, прост. Он рассчитан на общение с людьми, которые могут сказать: «не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». И здесь ни западник Андрей Вознесенский, ни словокрут Леонид Мартынов, ни фея домашнего мирка Белла Ахмадулина ему не учителя и не собеседники.

Выбор темы произведений всегда связан с конкретными событиями в его личной жизни. Среди любимых приёмов творчества Владимира Яковлева - «метод перекликающихся времён», при котором место действий постоянно.

Думаю, что поэт из Яковлева не состоялся бы, не будь у него острой горечи личного опыта. Его стихи откровенно биографичны и в то же время общественно-значимы. Так автору не дают покоя: Забвение Святых, Переоценка Прошлого.

Он, сквозь слёзы, пишет самое биографичное и, самое хрестоматийное стихотворение «Продолжение».

Кладут отца в кладбищенский песок,
А мне дают отцовские медали.

Как много боли в этих пронзительных строках! Преодолевая личную трагедию, автор не перестает ощущать себя частицей великого государства. Более того, за горстью земли, брошенной на крышку гроба, за орденами отца, которые ему протягивают ветераны, теперь уже он - как велят наши обычаи - принимает на свои плечи груз ответственности за всё, что произойдет на его Родине:

Как холодна сейчас земля в горсти!
А впереди – немеряные дали.
И кроме сына
Некому нести
Вот эти потемневшие медали.

6. Учителя – сподвижники – друзья

Как бы ни изгалялись глобалисты, жулики западной пропаганды и воротилы бизнеса, а в нашей памяти ещё теплится и комсомольский огонёк и, священный девиз «Подвиги отцов – крылья сыновей.».

Не затоптать ни огонька, ни лозунга, ни веры!
Отрекаясь от лёгкой словесной эквилибристики Вознесенского-Мартынова-Ахмадулиной, автор следует тяжеловесной, но точной выборности, ритмики, образности, метафоричности правильного русского построения речи, проявляющейся в поэтическом наследии Николая Рубцова, Бориса Ручьёва, Павла Васильева, Николая Тихонова, Михаила Исаковского и Константина Симонова.

7. Тайны творческого метода

В стихотворении патриотической направленности «Я помню, как ноги немели...» автор делится с нами трудным счастьем служить своему Отечеству:

Змеились, круты и горбаты,
Пылили дороги страны...
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

Автор не пишет о том, чего не знает. А когда пишет, то делает это убедительно, захватывающе, страстно. Этим методом, именуемым «Прямым вхождением в литературу», плодотворно пользовались Джек Лондон, Максим Горький, Константин Симонов.

8. Армейская выправка стиля

Армейско-патриотической лирике поэта даёт характеристику доктор филологических наук Л. Бронская: «Осязая грубую текстуру пастозной живописи стихотворений армейского жанра Владимира Яковлева, высоту тембра поэтических произведений государственной направленности, любясь молодым задором юноши-солдата, преодолённого невзгоды, так и хочется сказать: жаль тех, кто не служил, кто не почувствовал Счастье Сопричастности к судьбе своей державы».

9. Русская боль Донбасса

Именно на Украине, в ранней молодости, будущий поэт стоял на посту, сидел за экраном радиолокационной станции. Теперь в бывшей союзной республике полыхает война

На задаваемый вопрос: «Мог ли русский поэт пройти мимо трагедии братского народа?» следует ответ: нет, не мог. Сотни тысяч россиян, кто чем может, помогают Донбассу.

Среди них и ставрополец Владимир Яковлев - за честный труд и книгу «Украинская трагедия» единогласно принятый в ряды Союза писателей Донецкой народной республики.

10. Писатель – волонтер

Создав волонтерскую группу «Сочувствие», он привлекает художников, студентов и музыкантов. Собирает гуманитарную помощь в церквях, вузах, на рынках. «Гнев и боль наполняет сердце поэта.- пишет Т. Пестрякова.- Сострадание к униженным и оскорбленным заставляет его отправляться в военные госпитали, окопы, приюты для инвалидов, интернаты для детей-сирот не сдавшейся Новороссии», – эти слова как нельзя лучше показывают «корень» действительно «русской боли» и сострадания.

.11. Художественное видение живописца

Откуда в поэзии Яковлева столько скупой и жёсткой графичности? Столько ярких цветовых решений? Мне стало понятно, когда я узнал, что до Литературного института В. Яковлев учился на художественно-графическом факультете Смоленского пединститута. Уметь видеть цвет слова, графику ритма, композицию пространства – это же редчайший дар для литератора!

Но Владимиру Яковлеву претит лакированная живописность батальных сцен и голливудская героизация образов. Для него война – это грязное дело. Ему гораздо ближе реальность и трагизм испанского гравёра Франсиско Гойи, с убийственной конкретностью увековечившего святую боль и страдания мирного населения в сериях офортов «Капричос» и «Бедствия

войны». Когда-то, ещё в студенческую пору, Володя Яковлев с волнением копировал произведения великого испанца.. Учился видеть и сострадать. Как видно, наука не прошла даром!

12. Жестокость реализма

Корявая правда братоубийственной войны проявлялась у испанского художника в хаосе взрывных тональных пятен, в небрежных и рваных штрихах.

У русского поэта – в тяжёлом ямбе и реальных заимствованиях из стилистики грубой окопной речи. Так в стихотворениях «Война состоит из мата...» и «Наблюдатели» он не блещет изяществом литературных салонов. Вот они, до предела жесткие и беспощадные строки:

Война состоит из мата,
Терпения и голода.
А еще из виноватых,
Которые так молоды!

Как едкий и справедливый критик, я утверждаю, что нашим литераторам нужно как можно больше читать. Как можно глубже постигать классику изобразительного искусства. Это «ставит взгляд», учит видеть и по-настоящему владеть художественным решением темы произведения.

Не обладая пророчествами Виссариона Белинского, не пытаясь предсказать творческое развитие автора, я всё же опасаясь за Владимира: а не приведет ли его увлечение реалиями войны, достойные пера Анри Барбюса, пойти ещё дальше – в беспрочно тягостные мироощущения Иеронима Босха?

14. Отточенное оружие

Должен сказать, что Яковлеву подвластны не только, но и самообладание фронтового репортёра, аналитика телеведущего, твёрдая рука профессионального кинооператора. Многолетний опыт работы в государственных средствах информации помогают ему находить героев великого противостояния.

И разве странно, что в фильмах и репортажах появляются его песни, написанные в соавторстве с композиторами Виктором Кипором, Ольгой Семёновой, Валерием Кушнарёвым, Александром Злобиным, Валентиной Новиковой?

15. Синтез творчества

Не могу пройти мимо творческого дуэта Владимира Яковлева и члена Союза художников России Александра Гайденко. Мастер пейзажной живописи А.Гайденко создал сотни великолепных картин, воспевающих красоты Кавказа и степные просторы Ставрополья. Но после волонтёрских поездок в Новороссию у художника и поэта открылось одно на двоих творческое дыхание. Тематика их совместных работ стала серьёзней, более значимой и прочувствованной. У них одни и те же герои: поэтесса из Макеевки, изуродованный в киевском СБУ капитан-ополченец Уваров, арфистка Донецкого театра оперы и балета разом потерявшая всех близких, сироты из детских домов.

Честно говоря, я ещё не встречал столь тесного и результативного содружества творческих людей, рискующих своими жизнями ради постижения правды.

16. Пешком в литературу!

Говоря о трудном, но верном методе «прямого вхождения в тему через личный опыт автора», упоминая Виктора Конецкого и Глеба Горбовского, позволю себе обратиться к цитированию Тимура Гайдара:

«Именно нами, ПРЯМЫМИ ОЧЕВИДЦАМИ, закладывается основа исторической правды о войне, на которую потом будут опираться будущие поколения, как в свое время мы, стремясь постичь события, происходившие без нас, скажем, годы революции и гражданской войны, познавали их из правды «Тихого Дона», «Хождения по мукам», «Разгрома», «Бега», «Железного потока» и других книг, выверенных временем и совестью художника».

Многие из стихов Яковлева уже сейчас претендуют на хрестоматийность. Стихотворения «Арфистка» (посвященное музыканту Донецкого оперного театра и балета Елене Коваленко), «Урок рисования», «Умирает девочка в Луганске», «Волонтеры», «9 Мая» – это как раз те самые образцы человечности, проявляющейся на фоне всеобщей трагедии.

Автор соотносит факты Великого противостояния светлых человеческих начал и донецкого ада с подвигом Дмитрия Шостаковича в осажденном Ленинграде.

17. Инстинкт самосохранения

Культура цивилизаций имеет инстинкт самосохранения, даже когда человеческое общество на грани взаимоуничтожения. Вернувшись из очередной поездки, Владимир рассказывал мне, как каждый раз, после очередного артобстрела, по своей воле, а не по приказу, на улицы Донецка выходят дворники, чтобы тотчас смести с лица родной земли ещё горячие осколки вражеских снарядов. Не это ли факт победы силы человеческого духа над звериной злобой и варварством!

18. Говорящие детали

Интересны детали и недомолвки в произведениях Яковлева. Возьмём «Урок рисования». Здесь знаменательны не картины разрушенного города, и даже не по-настоящему удачные строки: «дети рисуют все то, что увидели. / дети рисуют все то, что не поняли», а то, что «у мальчиков красный фломастер быстрее кончается». Так через деталь, через детский взгляд автор заставляет задуматься о бессмысленности жестоких игр взрослых. И уж совсем-совсем больно читать о том, что в результате «карательной операции в зоне АТО» студент-ополченец остается в памяти детей только в их рисунках и воспоминаниях.

С точностью военной журналистики в поэтических произведениях указываются конкретные топонимические названия, имена, лица и районы боестолкновений.

19. Скульптурность образов

От поездки к поездке, от произведения к произведению голос поэта становится уверенней, выводы объективней. Постепенно начинают выкристаллизовываться высокохудожественные и неповторимые образы защитников Новороссии: командира диверсионно-разведывательной группы Мишки «Скифа», серба Даяна Берича, отпускника «Командора», земляков-ставропольцев с громкими позывными: «Гамлет», «Минин», «Пожарский», сирот из детских приютов в Стаханове Антраците, Донецке и даже настоятеля расстрелянного храма в Дебальцеве отца Мирона Квасневского. Образы героев монументальны, масштабны, убедительны.

20. Мобилизован совестью

Никто не гонит, никто не вынуждает автора спешить на передовую. Туда мобилизует его творческая совесть. А когда идут боевые действия, крайне нужна оперативность плаката, открытость лозунга, ясность приказа. И Яковлев, следуя историческому выбору Владимира Маяковского, старается приравнять своё перо к штыку и гранате.

Чтобы правду
В душе ставропольской сберечь,
Повторяю я снова и снова,
Что готов стать под пулю
За русскую речь,
За великое русское слово.

21. За русскую культуру!

Скажу о главном: Владимир Яковлев настоящий патриот своей страны, которую он исколесил от Владивостока до Мурманска, от Архангельска до Кушки. При этом не в роли праздного туриста. Работяга по натуре, он ищет и находит таких же как он влюблённых в работу: шоферюг арктических трасс, рыцарей полярной авиации, философов-золотоискателей, шахтёров, геологов, лихих первостроителей.

В Ставрополе с подачи писательской организации России развивается уникальная инициатива - присваивать имена местных писателей библиотекам. И Яковлев воспеваает этот факт, перечисляя знакомые имена, ставшие легендой:

Идёт гражданская война
За молодые души.
И всё, чем Родина сильна,
Мы не дадим разрушить!

Не книжку ты кладёшь на стол –
Бинокль для начала:
Вот крейсер «Кашпуров» прошёл,
Волной качнув причалы.

Гордись наш XXI век –
Как холодом подуло:

Ракетно-ядерный комплект
Проносит «Ащеулов»!

Не отключая эхолот,
На ужас всей Европы,

Подлодка «Сляднева» вот-вот
Поднимет перископы.

Ты жив, Поэт!
Мы вновь с тобой,
Как братья-Диоскуры,
Смотри: идёт смертельный бой
За русскую культуру!

22. Морально-нравственный компас

Для кого-то поэзия – капля, в которой отражается мир, для Яковлева – компас:

Но, если лжи смыкающийся круг
Меня загонит в угол, как собаку,
Поэзия, мой верный политрук,
Веди меня в открытую атаку!

Вот это и есть – активная гражданская позиция, в которой профессиональный опыт бывшего майора милиции отражается со всей страстью и определённостью:

Пусть воровская масть и рвёт, и мечет,
Мне прежних установок не забыть.
И, может быть, в зарвавшуюся нечисть
Обойму рифм успею разрядить?

23. Главная тема

Исследуя творчество Яковлева, я обратил внимание на то, с какой настойчивостью поэт гранит и шлифует зацепившую его тему. Только что я упоминал строки из первого варианта стихотворения «Кафе поэтов». Хорошее стихотворение, но Яковлеву оно не понравилось. С упорством поисковика он принимается за создание второго варианта того же стихотворения «Кафе поэтов», в котором гениальные служители муз: Пушкин, Блок, Северянин, Бальмонт отодвигаются на второй план, а визави поэту становится его любимая, чьим именем он позже назовет вторую книгу избранных сочинений – «Татьянин день».

Моцартианская тема превосходства всего живого над общепризнанным и коронованным лаврами прошлым проявляется чётко. Но внезапно собеседником современному поэту становится, кто бы вы думали, - сам Тютчев, знающий цену и быстротечному времени, и эфемерности человеческих страстей.

И вот,

... Фёдор Иванович Тютчев,-
Погладив запястье Фету,
В сторону нашу глядя,
Встаёт, направляясь к нам.

Прихрамывающей походкой
Приятель Генриха Гейне
Испрашивает позволенья
С нами поговорить.

Нахальство – второе счастье, но, я думаю, что гораздо больший грех таится в обожествлении талантливых людей. Это умерщвляет, превращает их в мумии, с которыми невозможно говорить. А если читатель даже не пытается общаться с автором – дело швах! Но наш поэт не таков:

- Окажете честь, коллега! –

Я классику стул подвинул,

А он поклонился даме

И руку поцеловал.

В присутствии Прекрасной Дамы автор пытается завести светский разговор, так похожий на болтовню современных тусовок. Он считает «приличным», походя судачить о Лермонтове и его Варе Лопухиной...

Но умерший(?) классик, явно завидуя всем живым, прерывает молодого поэта мудрым отеческим советом:

У вас есть живая Муза,

Храните её тепло.

Конечно, можно обвинить Яковлева в дерзости, а можно уличить и во вторичности, вспомнив Фауста Гёте, где влюблённый учёный готов продать душу дьяволу ради животворящей молодости. И у Яковлева, и у Гёте литература, искусство, наука оказываются явно слабее самой жизни. Они могут соперничать, но не смеют быть равными, как зеркала не могут равняться оригиналу! Да, не каждому из наших писателей дано подниматься до такой «вторичности»! Тем более, что лейтмотивом стихотворений «Предчувствие» и «Кафе поэтов» являются размышления о главном предназначении автора.

24. Когда художник побеждает поэта

Идеализация туманного образа Прекрасной Дамы в стиле куртуазной лирики трубадуров Прованса наполняет произведения: «Дочь Афродиты», «Путешествие во времени», «Венок любимой».

Воспевание прекрасного является основополагающей темой и в стихотворениях условного цикла «любовь-философия». Два этих объемлющих понятия органично соединены в стихотворениях «Поздний вечер...», «Чтение в осеннем саду» и «На перепутье».

Я уже говорил, что по первому высшему образованию Яковлев художник, по второму – литератор. И мне было очень интересно, как легко взаимообогащают друг друга в творениях автора два этих начала.

Способность работать психологией цвета обнаруживается в произведениях: «Твоя птица», «Пред-чувствие», «Пожарная разведка». Чего только стоит мелодичное –

*Трепетная, чистая
Белая звезда.
Утренние пристани,
Тёмная вода.*

*В голубом тумане
Тонет взгляд.
Лёгкие, как призраки,
Катера скользят.*

*По прибрежным кручам
Лёгкий дым.*

Затянуло русло
Облаком седым.

Только вахту выстоишь,
Не заснуть! – беда:
Голубые пристани...
Алая вода...

А сколько живописи в стихотворении
«Новогодний дозор»:
Синий иней в лунном свете
Ослепительно горит!

Из области живописи в область литературы автор перемещает и другие приёмы.

Так метод контурного рисунка применяются в стихотворениях: «Серебряная графика зимы», «Воздушные замки», «Снег», «Два полюса»

Приёмы работы композиционными планами изображения, столь знакомые автору, как художнику и телеоператору, обнаруживаются в стихотворениях: «Первопричина», «Твердыня», «Композиция в два плана».

Так в стихотворении «Поздний вечер. Заонежье...» вторым планом, на котором разворачивается действие, является, суровая северная природа.

Холодные краски осени, контрастно оттеняют тепло чувств двух влюблённых, которым предстоит скорое расставание.

И чем сильнее ощущение пустоты и окружающего холода, тем ярче печаль и горечь расставания двух любящих сердец:

Поздний вечер. Заонежье.
Посвист ветра. Дальний вид.
В этот час на побережье
По-особому знобит.

Кружит ветер, как незрячий.
Наливается свинцом.
Что же ты напрасно прячешь
В куцем вороте лицо?

Кульминация строится на противопоставлении двух, казалось бы, несовместимых понятий: «не найти нам слов нежнее / чем печальные слова». Еще более удивительно, что «нежная печаль» навевает не меланхолию, а размышления о прератностях судьбы.

25. Когда поэт побеждает художника

Интересен сдержанный ритм и слог повествования. Спокойным, размеренным течением речи автор как бы предлагает домыслить кем же были лирические герои, не обозначенные даже контурно. И это опять философия жизни – мы зачастую плохо знаем довольно близких нам людей, и часто только после разлуки осознаем, что они для нас значили.

Стилевой особенностью автора является частое использование приёмов парцелляции, когда предложения искусственно делятся на речевые блоки и даже отдельные слова путём использования так называемой «лесенки», запятых, точек и даже восклицательных знаков. Это придаёт поэтической речи повышенную экспрессивность.

Автор не чурается явно декламационной трактовки стиха.

Наиболее употребимой является перекрёстная, гораздо реже опоясная система рифмовки с использованием мужских рифм, когда ударение приходится на последний в строке слог, заканчивающийся согласным звуком.

Как состоявшийся мастер, В.Яковлев избегает «лёгких рифм». Обратите внимание – у него почти нет простых глагольных перекличек! За примерами далеко ходить не надо: «Заонежье - на побережье», «незрячий - прячешь», «свинцом – лицо». Нередко автор балует читателя корневыми и составными рифмами.

Активно применяются интонационные паузы, логические ударения, цезуры и анжебеманги.

Наиболее слабые стихи В.Яковлева связаны с так неприсущей ему медитативной лирикой, когда автор, замыкаясь в себе, испытывает отчаяние.

Когда весь мир кажется ему враждебным и мрачным: «Корни», «Пикассо», «Приземление», «Тоска по Северу», «Смирение».

Хороши стихи Яковлева из раздела «Умной поэзии». Так в стихотворении «Чтение в осеннем лесу» любовь ассоциируется с Книгой Жизни. Не со строкой в ней, а отдельной, важнейшей кладезю, позволяющей человеку предаваться воспоминаниям:

Книгу Жизни неспешно листая,
Привкус меда храню на губах.
По вине твоих глаз, дорогая,
Мы совсем заблудились в годах.

Автор с полной ответственностью относится к смысловой градации слов.

Так в приведённом выше произведении он желает заблудиться в годах.

«Заблудиться в годах» – это явление, отличающееся от бессмысленного плутания в горах или лесах. На знакомую тропу действительности из «объятия годов» легко выводит осознание того, что судьбоносные мгновения зачастую не оцениваются вовремя, что-то мешает принять правильное решение, и «потерянная любовь» беспрестанно берedit потом сокровенные раны сердца.

Вот почему человек вопреки рациональному течению сложившейся жизни, всё же так хочет сбиться с шага, нарушить пресный привкус будней и заблудиться, хотя бы в своих мечтах о прошлом, заблудиться излишней в трезвости своих поступков и мыслей:

Заплутать бы до самых потемок,
Чтоб тропинок своих не найти.

26. Философ примиряет обоих

Обратите внимание на то, как органично философские размышления соперников приводят к показу того, что чистое чувство любви возвышает, а душевные терзания облагораживает человека.

Философские размышления поэта и художника достигают своего апогея в стихотворении «На перепутье». Душевные терзания ведут к теме смысла жизни человека:

Я трогаю грань
Философского камня
И, словно слепой, осязаю слова:
На плоскости левой написано:
«Канет в ничтожных заботах
Твоя голова.»

Я жил, как придётся.
Легко и беспечно.
Меняя профессии и города.

На правой же плоскости выбито:
«Вечно
Останется в детях твоя доброта».

В безумной молодости, в пору «sturm und drang» поэт жил легко и беспечно, но вот наступила пора, когда «режет ладони гранитная грань», заставляющая остепениться, оглядеться, подумать – для чего ты, человек, живёшь.

27. «Миром правит доброта»

Как видим, разговор здесь опять возвращается к Добrote Созидания – этому величайшему пику, возвышающемуся над вершинами прочих положительных качеств человека. Творческая личность выделяет ее, как обширное понятие, позволяющее, в числе прочего, мужественно стоять на твердой гражданской позиции, не сгибаясь ни перед какими обстоятельствами, если речь идет о благе родного народа.

То самое обостренное чувство добра и заставляет Владимира Яковлева исповедовать свою душу в стихотворных строках, воочию видя сколько несправедливости творится на свете, прежде всего из-за нескончаемых войн и конфликтов.

Размышления поэта подчеркивают ценность человеческих жизней, поглощаемых кровавыми раздорами. В конечном итоге, как отмечено доктором филологических наук Л. Бронской в послесловии к одной из книг В. Яковлева «Якорь», «...в духовном безвременье нашелся человек, прямо обратившийся к утраченным мотивам личной ответственности за будущее нашего общества».

На том стоит поэт, тем жив, наш Поэт, стремясь донести до современника Правду.

ПИСАТЕЛЬ-ВОЛОНТЁР

Привычка делиться с окружающими своим талантом является для настоящего писателя жизненной необходимостью. Владимир Яковлев - поэт настоящий. И потому, с кем бы он ни общался, куда бы ни заносили его пути-дороги, он всюду находит и соратников и прототипов лирических героев для будущих произведений.

Его восхищает мужество защитников Донбасса, он сострадает сиротам и инвалидам, помогает справиться с жизненными обстоятельствами людям попавшим в беду. Вокруг него собираются деловые и творческие личности.

Недавно в нашей библиотеке по инициативе писателя Яковлева начала работать литературная студия, выпущен сборник прозы, поэзии и музыки, повторённый в аудиоварианте. Он стал магнитом притягивающим к себе инвалидов, профессионалов искусства и меценатов. Получив собственную трибуну для выражения своих проблем, чувств и способностей наши читатели впервые увидели себя в роли прозаиков, критиков, поэтов и музыкантов. Это повысило самооценку инвалидов, помогло им обрести уверенность и способность побеждать физические недуги.

В книге «Вертикальный взлёт» есть поэма «Фургоны смерти», где её автор проявляет себя активным гражданином нашего Отечества. В Ставрополе по его эскизам установлена Стелла

Памяти 660-ти больным, уничтоженным фашистами в августе 1942 года. Теперь писатель Яковлев обращается к молодёжи края начать поиски останков пациентов больницы, чтобы произвести обряд гражданского захоронения. Предлагает весьма удачный эскиз монумента братской могилы. Спасибо ему за это.

Поиски исторической справедливости, сострадание к обойдённым судьбой, общественная активность помогают нашему другу, поэту и волонтеру быть услышанным и принятым нашими современниками.

Директор
Ставропольской краевой библиотеки
для слепых и слабовидящих
им. В. Маяковского
Екатерина Захарова

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия и жизнь высокого накала! А. Куприн..... 3

Глава 1

СПАСИБО, АРМИЯ!

РОССИЯ.....	7
У ВЕЧНОГО ОГНЯ	8
ПРИСЯГА.....	9
НОВОБРАНЦЫ	10
ДОРОЖНОЕ ПИСЬМО.....	11
ПРОДОЛЖЕНИЕ.....	12
РОТНАЯ СТРОЕВАЯ	13
СОЛДАТЫ РОССИИ	14
СПАСИБО, АРМИЯ.....	15
ЗЕМЛЯ	16
СМЕРТЬ В ДОРОГЕ.....	17
СТАВРОПОЛЬ-ГРОЗНЫЙ.....	18
ОФИЦЕРЫ ГРАНИЦЫ.....	20
«Горбатые степи...».....	21
ПРИВАЛ.....	22
НА МАРШЕ.....	23
ДЕД МОРОЗ НА ЗАСТАВЕ.....	24
ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ.....	25
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК.....	26
УХОДЯЩИЕ ГЕРОИ.....	27
ОБЕЛИСКИ.....	30
ЛАДОНИ РОДИНЫ	31
СЛАВА РОССИИ.....	33
ДЕМБЕЛЬ	34
РУССКАЯ ПРАВДА.....	36

Глава 2

БИТВА ЗА СЕВЕР

ПОЭМА АРКТИЧЕСКИХ ТРАСС

1. ЗАЧИН.....	39
2. ПОЛЕ БОЯ	40
3. ХРЕБЕТ.....	42
4. КЛАДБИЩЕ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ	43

5. АРКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР.....	44
6. ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА.....	48
7. РУКИ.....	49
8. РИТМ.....	50
9. РВАЧ	51
10. СТИХИ ПОЛЯРНОГО ЭКСПЕДИТОРА.....	52
11. ПЕНЬКИ ГУЛАГА.....	53
12. РИСК.....	54
13. ПУСТОТА.....	56
ЗАПОЛЯРЬЕ.....	58

Глава 3

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ – ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

ПОЖЕЛАНИЕ.....	60
ЕСТЬ – ТАК ДЕРЖАТЬ!.....	61
ЗАКЛИНАНИЕ	62
В ПОРТУ.....	63
«Завянет...».....	64
ЗАОНЕЖЬЕ.....	65
ИСЧЕЗАЮЩИЕ БЕРЕГА.....	66
СУДЬБА МОРЯКА.....	67
ТОВАРИЩИ.....	69
БИВНИ	70
«Если шалой волною...»	71
ДАЮ ПЕЛЕНГ	72
ЧЁРНАЯ ПОЛОСА	73
КОНЕЦ НАВИГАЦИИ	74
УХОЖУ	76
«ИВОЛГА» В СУХОМ ДОКЕ	78
ЗАПОЛЯРНАЯ.....	79
ТАЛИСМАН	80
ТВЕРДЫНЯ	81
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	82

Глава 4

ПОЖАРНАЯ РАЗВЕДКА

РАЗВЕДКА ГДЗС	84
ЦАВЕ ТАНЕМ	87
ВТОРОЙ НОМЕР	88
ЗАБЫТЫЕ ПОЖАРНЫЕ ОРКЕСТРЫ	90
КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ	91

Глава 5

ТРЕВОГА!

МОИ ТОВАРИЩИ НЕ ГОСПОДА!	94
ПО КРАЮ ПРОПАСТИ	95
ДЕГРАДАЦИЯ	97
СТАРЫЙ МЕНТ	98
ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ	99
ТЕТРАДОЧКА.....	100
БЕСПЛАТНЫЙ КИПЯТОК	102
НИЖНИЙ РЫНОК	104
ПОЩЁЧИНА	105
КОРАБЛИ БИБЛИОТЕК	106
«Стихи нужно читать стоя.....	108

Глава 6

ФУРГОНЫ СМЕРТИ (ПОЭМА)

.....	109
-------	-----

Глава 7

ЗВЁЗДЫ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЕК

Бойцы огненных пятилеток В.ГОНЧАРОВ	116
БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ.....	119
ПРИКУМСКИЙ ЗАВОД ПЛАСТМАСС	120
БОЛЬШОЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ КАНАЛ	121
НЕВИННОМЫССКИЙ ХИМКОМБИНАТ	122
ГОРОД РОМАНТИКОВ	123
МОСТОСТРОИТЕЛЬ	124
ЗДРАВСТВУЙ, ЮНОСТЬ МОЯ!	125

Глава 8

ЛЕТАЮЩИЙ ЖУРНАЛИСТ

ЛЮБИМАЯ ЛЯМКА	128
НАУЧНОЕ ОСВОЕНИЕ РОСАРКТИКИ	129
СЕВЕРЯНЕ	132
ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВЗЛЁТ	134
НАД КАМЧАТКОЙ	136
АВИАЦИЯ АРКТИКИ	137
ЭСТАФЕТА	139
КАТАСТРОФА	140
ПЕСНЯ ТУРКМЕНА	142
АЭРОГРАВИКА	144

КРАСНОВОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ.....	145
КАРА-КУМЫ	146
ПРИЗЕМЛЕНИЕ.....	148
ДИОГЕН	150
ПЕРВЫЙ СЛЕД	151
РАССТАВАНИЕ	153
ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОЛОГОВ.....	154
ФОТОГРАФИЯ НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ	155
СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР	157
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА	158

Глава 9

СТАВРОПОЛЬСКИЕ ВОЛОНТЁРЫ В ДОНБАССЕ

УМИРАЕТ ДЕВОЧКА В ЛУГАНСКЕ.....	160
РАССТРЕЛЯННЫЙ ХРАМ	161
ВОЛОНТЁРЫ	165
УРОК РИСОВАНИЯ.....	169
ТУЧИ НАД ГОРОДОМ.....	171
КИЕВСКИЕ НАГРАДЫ	172
АРФИСТКА	174
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИУДЫ.....	176
ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА	178
9 МАЯ.....	179
КАРАТЕЛИ.....	179
ПЛАЧ СЛАВЯНКИ.....	180
НОЧНОЙ ОБСТРЕЛ	183
КОПАТЕЛИ	184
СЕРЁГА	186
МИННЫЕ ПОЛЯ.....	188
БОЛЬ УТРАТЫ.....	189
ДОНЕЦКИМ БРАТЬЯМ	190

Глава 10

СТИХИ НАПИСАННЫЕ В ОКОПЕ

ЗЕМЛЯК.....	192
ОТПУСКНИК	193

КОМЕНДАНТСКИЙ ПАТРУЛЬ	195
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВОЙНЫ	198
ГОЛОС ДОНБАССА.....	199
ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ.....	200
ЖИЛЕТ «РАЗГРУЗКА»	201
ПИСЬМО ОПОЛЧЕНЦА НА УКРАИНУ.....	203
НАЗНАЧАЮ СВИДАНИЕ	204
ХУДОЖНИК НА ФРОНТЕ	205
ДОНЕЦКИЕ ШАХТЁРЫ	206
МІЙ ДРУГ	207
ПОСТИЖЕНИЕ.....	209
ДОНЕЦК-ЛУГАНСК-НЮРЕНБЕРГ.....	211
РУССКО-УКРАИНСКАЯ СВАДЬБА.....	212

Глава 11

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	216
ТАНГО «ФАНТАЗИЯ».....	218
КАФЕ ПОЭТОВ	220
ТАЙНА РОЖДЕНИЯ ЗВЁЗД	224
В САЛОНЕ НОВОБРАЧНЫХ	225
ПОЭТЕССЫ XX ВЕКА.....	227
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ	228
ДВА КЛЕРКА	229
САМАЯ-САМАЯ	230
«Вы самая элегантная...».....	231
КАНДИДАТ В НЕВЕСТЫ	232
«Космонавт в сурдокамере...»	233
БЕЛЫЙ ЦВЕТ.....	234
ТРЕУГОЛЬНИК ВЕНЕРЫ	235
ЭЛЛАДА	237
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВРЕМЕНИ	238
ДОЧЬ АФРОДИТЫ	239
СНЕГ	240
БИЗНЕС-ВУМЕН	241
ЛЮБОВЬ СТАРИКОВСКАЯ.....	242
МИМО ОБЩЕЖИТИЯ	243
«Они всю жизнь...»	244
НАША ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ	242
МОЙ ПОЛОСАТЫЙ РЕБЁНОК.....	248
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ	250
НЕ ПИШИТЕ СТИХИ	251

ТВОРЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК	253
ЭЛЕГИЯ	254
КИПР	255
ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ.....	257
МОСТ СЧАСТЬЯ.....	258
«Я хочу с тобой шататься...».....	259
«Когда мне некому помочь...»	261
ПАНДЕМИЯ	262
ДВЕ ЧАШКИ	263
ЗА ЖЁН	264

Глава 12

ФРЕСКИ

ФРЕСКА	266
ГЛОТОК ВЕЧНОСТИ	267
ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ	269
ГЛАЗА ФАЮМСКОГО ПОДРОСТКА	271
ЛАСТОЧКА	274
ПИСЕЦ.....	276
ЦАРИЦА ЕГИПТА.....	277
СТАТУЭТКИ В СКЛЕПЕ	278

Глава 13

«ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ»

ЧУМА	280
АПОСТОЛЫ РАЗВРАТА	282
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ	
1.ЭКСПОЗИЦИЯ	287
2.ОНОРЕ ДОМЬЕ	288
3.ЛУИ ЛЕРУА.....	290
4.ПОЛЬ ГОГЕН	292
5.ЭДУАРД МАНЕ	293

Глава 14

РЕЗЕЦ И ПАЛИТРА

СТУДЕНТЫ ЛОЗУНГИ ПИСАЛИ	296
ГАЛАТЕЯ	
1.Сумерки.....	298
2. Близость	298
ПРАВО СУДИТЬ.....	300

СЕРЕБРЯНАЯ ГРАФИКА ЗИМЫ	301
НА ЭТЮДАХ	302
РУССКИЙ РУБЕЖ.....	304
ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ	305
ТОЧКА ОТСЧЁТА	306
ВЕРХОГЛЯДЫ	307
ОЛАДУШКИ	308
ДОМИК ЛЕРМОНТОВА	309
СОРАТНИЦА	310
ПРАВО ХУДОЖНИКА	311
КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ.....	312
АВТОПОРТРЕТ	313
ПРЫЖОК	314
« То не вьюга...»	315
НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА	316
СТЕКЛОДУВ	317
ПЛЕНЕР	318
СЕРЕНЬКИЙ ДЕНЬ	319
ВЕЧЕР	320

Глава 15

ПЕСНИ ЮНОСТИ

ПЕСЕНКА ДЕСЯТИКЛАССНИЦ.....	322
ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК	323
МАРШ ВЫПУСКНИКОВ	324
НОЧЬ ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО БАЛА	325
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ	327
ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДОРОЖНАЯ.....	328

Глава 16

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРВАЯ НАВИГАЦИЯ	330
ПОД ВЯЗЬМОЙ	331
ИЗ ДНЕВНИКА ЮНГИ ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНЬЯ	333
ЭТА ЖАРКАЯ НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ	355

ПОСЛЕСЛОВИЯ:

ГРЕНАДА ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВА	
Тамерлан Техов	365
ПОЭТ И ВОЛОНТЁР	
Екатерина Захарова	389

Литературно-художественное издание

Владимир Яковлевич Яковлев

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВЗЛЁТ

Стихи и проза

Редактор А.И.Куприн

**Художественное оформление,
иллюстрации и
вёрстка автора**

